

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

Н. Е. ХАРЛАМЕНКОВА, Н. В. ТАРАБРИНА, Ю. В. БЫХОВЕЦ,
О. А. ВОРОНА, Н. Н. КАЗЫМОВА, Е. Н. ДЫМОВА,
Н. Е. ШАТАЛОВА

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ
ИМПЛИЦИТНАЯ И ЭКСПЛИЦИТНАЯ
КОНЦЕПЦИИ**

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2017

УДК 159.9
ББК 88
Х 21

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

**Х 21 Харламенкова Н. Е., Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В.,
Ворона О. А., Казымова Н. Н., Дымова Е. Н., Шаталова Н. Е.**

Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – 263 с. (Труды Института психологии РАН)

ISBN 978-5-9270-0356-3

УДК 159.9
ББК 88

Книга посвящена теоретико-эмпирическому исследованию актуальной проблемы психологической безопасности личности. Представлена оригинальная концепция, основой которой стало поэтапное построение имплицитной, а затем эксплицитной модели психологической безопасности. На большом и разнообразном эмпирическом материале последовательно и системно анализируются ее составляющие – позитивное окружение, опытность и внутренний комфорт, их психологические корреляты – социальная поддержка и суверенность. Проанализированы половые, гендерные, возрастные и индивидуально-психологические различия в представлениях о психологической безопасности личности. Обобщены данные эмпирического исследования специалистов, профессиональная деятельность которых сопряжена с условиями повышенной опасности. Определены дескрипторы понятий «угроза» и «опасность» и составлен перечень актуально воспринимаемых угроз, действующих в современном мире. В книге фактически заложены основы комплексного исследования проблемы психологической безопасности личности и психологии посттравматического стресса, показана перспективность такого исследования и его практическая значимость.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований по проекту № 17-06-16002д,
не подлежит продаже*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2017

ISBN 978-5-9270-0356-3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Глава I	
Проблема психологической безопасности в истории психологии	12
1.1. Представители основных школ научной психологии о феномене психологической безопасности	13
1.2. Современные исследования психологической безопасности	27
Глава II	
ИмPLICITная и эксплицитная теория психологической безопасности личности	38
2.1. Проблема явного и неявного знания в науке	38
2.2. Психологическая безопасность: явное знание	40
2.3. ИмPLICITная концепция психологической безопасности	42
2.4. Эксплицитная теория психологической безопасности	46
Глава III	
ИмPLICITные представления об опасности и угрозе	54
3.1. Понятия угрозы и опасности в концепции психологической безопасности	54
3.2. Теоретический подход к изучению представлений об угрозе и опасности	60
3.3. Методические возможности изучения социальных представлений	64

3.4. Эмпирическое исследование представлений об угрозе и опасности	66
---	----

Глава IV

Психологическая безопасность, суверенность личности и посттравматический стресс	80
--	-----------

4.1. Тип угрозы и уровень суверенности психологического пространства личности.	82
4.2. Метрика психологического пространства в аспекте исследования проблемы посттравматического стресса	88
4.3. Представления о психологической безопасности при разном уровне посттравматического стресса	97

Глава V

Социальная поддержка и психологическая безопасность личности в условиях интенсивного стресса	106
---	------------

5.1. Виды социальной поддержки	107
5.2. Социальная поддержка и психологическая безопасность в трудных жизненных обстоятельствах: эмпирическое исследование.	115

Глава VI

Профессиональный опыт: его роль в обеспечении психологической безопасности личности	135
--	------------

6.1. Профессиональная деятельность личности в особых условиях труда	135
6.2. Профессиональный опыт как основа формирования профессионально важных качеств личности.	139
6.3. Программа эмпирического исследования связи параметров профессионального опыта и системы профессионально важных качеств личности.	142
6.4. Интенсивность психотравмирующего воздействия факторов профессиональной деятельности оперативного персонала энергетической отрасли	148
6.5. Динамика психофизиологических и когнитивных характеристик профессиональной деятельности оперативного персонала энергетической отрасли	152
6.6. Изменение личностных характеристик в процессе профессиональной деятельности в особых условиях труда	163

Глава VII

Половозрастные различия в представлении о психологической безопасности173

7.1. Половые и гендерные различия в представлении
о психологической безопасности 175

7.2. Психологическая безопасность в представлении людей
разного возраста 184

Глава VIII

Индивидуально-психологические особенности личности в исследовании психологической безопасности197

8.1. Чувствительность к угрозе: личностные типы 198

8.2. Личностная идентичность и ее особенности
при разном уровне чувствительности к угрозе 219

Заключение236

Литература 240

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность исследования проблемы психологической безопасности личности очевидна, поскольку определяется условиями современной жизни, достаточно интенсивной по уровню активности, а также потребностью науки в создании общей теоретической модели безопасности. Современные работы по проблеме безопасности личности касаются широкого круга вопросов. В частности, принято обсуждать внешние (степень трудности ситуации, длительность воздействия стрессоров, значимость последствий совладания с проблемной ситуацией, возможность/невозможность обращения за помощью и др.) и внутренние факторы (тревожность, тип привязанности, уровень интеллекта, агрессивность), влияющие на возникновение ощущения опасности. Востребованность исследования психологической безопасности и разноплановость ее анализа в современных работах создают серьезные трудности в понимании этой проблемы. Типичная стратегия объединения разных моделей исследования и разных решений проблемы вряд ли подходит, поскольку тем самым создается вероятность формулировки неправдоподобных выводов.

Согласно Р. Стернбергу, имплицитные и эксплицитные концепции интеллекта конструируются разными способами, однако, несмотря на различия в их построении и в процедурах, позволяющих проверять концепцию на истинность, структура интеллекта, выявляемая с помощью этих процедур, оказывается схожей, а имплицитные и эксплицитные знания взаимно дополняют друг друга в объяснении одного и того же психического явления. Этот вывод касается, в частности, и феномена психологической безопасности, который может быть изучен средствами построения и проведения научно-исследования, а также способами, направленными на выявление

ние социальных представлений о безопасности. Нередко бывает так, что имплицитная концепция конструируется раньше эксплицитной, тем самым обоснованно ограничивая область научных гипотез, формулировка которых необходима для проверки эксплицитной теории на истинность. Именно такой, не вполне традиционный путь построения эксплицитной модели психологической безопасности личности на основе конструирования имплицитной модели был выбран авторами для исследования проблемы психологической безопасности личности.

Необычность этого пути состоит в том, что чаще всего исследователь либо остается на позициях построения только имплицитной концепции, либо претендует на создание эксплицитной модели изучаемого феномена без оценки имплицитных представлений о нем. Объединение этих этапов не только не противоречит нормативам проведения научного исследования, но и создает более широкие возможности для проверки теоретических и эмпирических гипотез.

Конструирование модели психологической безопасности личности осуществлено в настоящей книге на основе предварительного анализа этой проблемы в истории психологии, а также на основе обобщения опыта ее изучения в современных исследованиях, осуществленного в главе 1 (Проблема психологической безопасности в истории психологии). Краткий обзор литературы показал, что актуальность этой проблемы и востребованность новых программ ее исследования обосновывается интересом к психологической безопасности практически всех научных школ, а также представленностью этой проблематики в разных сферах психологии – в общей, социальной, клинической психологии, в психологии труда, педагогической психологии, психологии личности и др. Соединение в разных исследованиях объективных факторов психологической безопасности и личностных переменных подтверждает сложность и многомерность изучаемого конструкта – психологической безопасности личности.

Во второй главе (Имплицитная и эксплицитная теория психологической безопасности личности) описана логика исследования искомой проблемы и результаты, полученные на каждом этапе конструирования эксплицитной теории психологической безопасности личности, описаны составляющие психологической безопасности – «Позитивное окружение», «Опытность, информированность», «Внутренний комфорт», их психологические корреляты. Выделенные в этой главе конструкты исследуются в последующих главах книги с целью верификации/фальсификации модели психологической безопасности, представленной в этой главе.

В третьей главе (Имплицитные представления об опасности и угрозе) анализируются результаты изучения сходства и различия в представлениях об опасности и угрозе, показано частичное пересечение и наложение семантических полей анализируемых понятий. Дается теоретический анализ исследований по теме угрозы и опасности, социальных представлений, приводятся данные эмпирического исследования эксплицитных и имплицитных представлений об угрозе и опасности, а также данные о половых различиях в оценке угрозы.

В четвертой главе (Психологическая безопасность, суверенность личности и посттравматический стресс) проведено сопоставление трех конструктов – психологической безопасности, суверенности личности и посттравматического стресса; установлена связь между типом угрозы и уровнем суверенности психологического пространства личности; приведены результаты исследования метрики психологического пространства личности и представлений о психологической безопасности при разном уровне посттравматического стресса. Показано, что общепсихологические закономерности исследования безопасности и индивидуально-психологические различия в представлении о ней не исключают, а взаимно дополняют друг друга, комплексно подтверждая достоверность выводов.

В пятой главе (Социальная поддержка и психологическая безопасность личности в условиях интенсивного стресса) более детально анализируется феномен социальной поддержки как одной из функций позитивного окружения наряду с функцией построения суверенных границ психологического пространства личности. Выдвинутые в главе гипотезы верифицируются на выборке солдат срочной службы и гражданских лиц того же возраста. В конце главы проводится обобщение результатов исследования социальной поддержки как функции, реализуемой позитивным окружением, причем последнее является не только ресурсом поддержки (восстановления), но и ресурсом личностного роста (изменения) человека. Изучение социальной поддержки позволило понять, что важно не само по себе наличие позитивного окружения, но реализация этим окружением определенных функций, с помощью которых человек ощущает свою стабильность, устойчивость идентичности (эмоциональная поддержка), необходимость изменения (когнитивная поддержка), а также возможность этого изменения с помощью определенных ресурсов (инструментальная поддержка).

Шестая глава (Профессиональный опыт: его роль в обеспечении психологической безопасности личности) посвящена исследованию

роли профессионального опыта в деятельности, связанной с условиями повышенной опасности, а также динамике профессионально важных качеств (ПВК) оперативного персонала энергетической отрасли в контексте изучения психологической безопасности личности. Приведены данные масштабного эмпирического исследования, сделаны выводы о существенном вкладе уровня профессионального образования и квалификации профессионала в развитие специфического профессионально обусловленного самоконтроля в деятельности, который защищает личность от угроз, связанных с особенностями профессиональной деятельности. В главе показано, что с возрастом снижаются показатели различных (психофизиологических, когнитивных, личностных) характеристик субъекта деятельности, которые, однако, могут быть компенсированы за счет профессионального опыта человека как компетентного специалиста.

В седьмой главе (Половозрастные различия в представлении о психологической безопасности) рассмотрены половые и гендерные различия в представлении о психологической безопасности; анализируются и обсуждаются результаты эмпирического исследования представлений о психологической безопасности в разных возрастах. Сделан вывод о прогностической ценности полученных результатов и о различиях в представленности в структуре психологической безопасности таких ее составляющих, как позитивное окружение, опытность и внутренний комфорт в зависимости от социально-демографических характеристик личности. Выявленные половые, гендерные и возрастные различия между людьми в представлениях о психологической безопасности имеют не только сугубо теоретическую, но и практическую значимость.

В восьмой главе (Индивидуально-психологические особенности личности в исследовании психологической безопасности) приведены теоретические и эмпирические данные о разной чувствительности личности к угрозе и, соответственно, разных представлениях людей о психологической безопасности. Детально описаны типы личности – несензитивный к угрозе, амбивалентный и высокосензитивный типы. Выделенная в результате эмпирического исследования типология позволила верифицировать общую модель психологической безопасности личности на истинность и показать разнообразие «индивидуальных моделей».

В Заключении подводятся итоги и анализируются перспективы исследования психологической безопасности. Особое внимание уделяется методологическим основаниям исследования проблемы и практической значимости ее исследования.

Предисловие

В книге лишь в небольшой степени затронут серьезный вопрос о соотношении психологической безопасности, психологического благополучия и посттравматического стресса, связь между которыми, конечно, должна быть исследована более глубоко и подробно. Неслучайность этого решения обусловлена продолжающимися исследованиями, которые проводит группа авторов, подготовивших эту книгу, и результаты которых планируется представить в последующих изданиях. Цель настоящей работы – проследить связь между имплицитной и эксплицитной концепциями психологической безопасности личности и проверить эксплицитную концепцию на истинность, подтвердив факторную структуру психологической безопасности на разных выборках людей.

ГЛАВА I

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Для современных научных исследований анализ проблемы психологической безопасности человека становится все более актуальной и востребованной и одновременно дискуссионной темой. Безопасность рассматривается в качестве одного из важнейших критериев и нормативов поступательного и стабильного развития социальных, экономических, технических, экологических и биологических систем. Необходимость исследования психологической безопасности связана с тем, что сфера жизнедеятельности человека становится более сложной и в какой-то мере непредсказуемой, угрожающей его существованию. При этом уровень осведомленности людей о безопасности среды остается недостаточным для осознания, понимания и совладания с угрозами, жизненными трудностями и проблемами. Более того, личностный фактор в достижении безопасности изучен поверхностно, хотя известно, что именно от меры участия самого человека зависит поддержание безопасности на всех уровнях его функционирования и в любых системах.

Во многих исследованиях психологическая безопасность личности понимается как ее защищенность от внешних и внутренних угроз, которые прямо или косвенно нарушают или ограничивают свободу человека в удовлетворении базовых потребностей, препятствуют совершенствованию и развитию его способностей. Достижение безопасности позволяет человеку полноценно развиваться, своевременно и адекватно реагировать на изменение условий жизни и не только защищаться от угроз и опасностей, но и ставить новые жизненные задачи, учитывая интересы других людей, придерживаясь конвенциональных норм, установленных в обществе.

Наиболее точным определением психологической безопасности, с нашей точки зрения, является такая ее трактовка, в соответствии

с которой она рассматривается как «интегративная характеристика субъекта, отражающая степень удовлетворенности его базисной потребности в безопасности и определяемая по интенсивности переживания психологического благополучия/неблагополучия. Теоретико-эмпирическое изучение феномена психологического благополучия показывает, что он с полным основанием может быть отнесен к таким интегративным характеристикам, которые имеют тесные связи с наличествующими у субъекта признаками негативной аффективности и, следовательно, влияют на уровень психического здоровья» (Журавлев, Тарабрина, 2012, с. 9).

1.1. Представители основных школ научной психологии о феномене психологической безопасности

В истории психологии проблема безопасности личности изучалась в связи с обсуждением вопроса о базовых потребностях человека, среди которых особое место занимает потребность в самосохранении и, конечно, в безопасности. Безопасность ассоциировалась с достижением человеком внутренней согласованности, с его способностью интегрировать свой опыт – ощущения, переживания, чувства, символизировать их таким образом, чтобы редуцировалось внутреннее напряжение. К. Роджерс писал о том, что «свобода от внутреннего напряжения, или психологическая приспособленность, существует, когда Я-концепция, по крайней мере, приблизительно, конгруэнтна всем опытам организма» (Роджерс, 2002, с. 719), т. е. когда «все сенсорные и висцеральные опыты допускаются к осознанию через точную символизацию и организуются в единую внутренне согласованную систему, которая является структурой „я“ или связана с ней» (там же, с. 719–720). В этой интеграции активную роль играет сам субъект, обеспечивая согласованность механизмов проекции и интроекции в своем раннем опыте и постепенную дифференциацию от психосоциальной персоны и архетипических фигур коллективного бессознательного – в более поздние годы жизни, выбирая способы регуляции мотивационно-потребностной сферы. «Личность – результат наивысшей жизненной стойкости, абсолютного принятия индивидуально сущего и максимально успешного приспособления к общезначимому при величайшей свободе выбора и собственного решения» (Юнг, 1996, с. 210). Иными словами, практически с самого начала исследования проблемы психологической безопасности роль личности в сохранении безопасности не только не исключалась, но намеренно выделялась как одна из главных.

Первые, собственно психологические исследования безопасности связаны с *психоанализом*. Представители данной школы указывали на особую значимость ранних этапов развития личности в формировании психологической безопасности.

Зигмунд Фрейд, выделяя в созданной им структурной модели личности три составляющие – Оно, Я, Сверх-Я, – соотносил первую из них с бессознательными биологическими инстинктами и влечениями. Внутренний конфликт между Оно и Сверх-Я – между врожденными желаниями, с одной стороны, и внутренними запретами, нравственными требованиями, с другой, – порождает большинство небезопасных для психики человека ситуаций. Конфликт между Оно и Сверх-Я – это, по существу, конфликт на уровне топики, конфликт между системами и инстанциями (Лапланш, Понталис, 1996, с. 214). Другой конфликт происходит на уровне экономики и динамики: это конфликт между влечениями, например, сексуальным инстинктом и самосохранением или влечением к жизни и влечением к смерти. Нарастание напряжения между ними может привести к трансформации тревоги в страх и – к душевному страданию человека.

В книге «Введение в психоанализ: лекции» Фрейд выделял несколько видов страха, прежде всего, реальный и невротический. Реальный страх он считал «вполне рациональным», «реакцией на восприятие внешней опасности», ожидаемым повреждением, которое связано с «рефлексом бегства, и его можно рассматривать как выражение инстинкта самосохранения» (Фрейд, 1989, с. 251). Невротический страх, считал Фрейд, проявляет себя в нескольких формах: в виде «общей боязливости», или «страха ожидания», в виде разнообразных фобий (боязни конкретных объектов и ситуаций), в виде истерии страха. Последний, по мнению Фрейда, не связан с угрожающей опасностью и является заместителем аффектов, содержание которых было вытеснено.

Имея душевные силы, индивид порой сам справляется со страхом, редуцирует напряжение, вызванное им. Однако часто человеку нужна помощь в избавлении от страдания и чувства опасности. Фрейд писал, что свою врачебную задачу мы видим в том, чтобы «привести невротического больного к пониманию существующих у него бессознательных, вытесненных побуждений и с этой целью раскрывать сопротивления, противящиеся подобному расширению его знания о самом себе» (Фрейд, 2008, с. 241). В этом смысле Фрейд понимает опасность как подвластность человека своим бессознательным желаниям и конфликтам, а безопасность – избавление от этого неведения и, соответственно, от страдания. Опасность

для человека состоит в том, что он лишен внутреннего единства, а психоаналитик, анализируя, устраняя сопротивления, способствует тому, что «душевная жизнь срастается, а то большое единство, названное нами Я, приспосабливается ко всем этим импульсам влечения, которые прежде были отщеплены от него и связаны в стороне» (там же, с. 243). Большую роль в этом процессе Фрейд отводил внутренней мотивации больного, тому же *страданию*, которое принуждает пациента не искать поспешных замещающих удовлетворений, а стремиться к выздоровлению, к тому, чтобы «достичь свободы и завершенности своей собственной личности» (там же, с.247).

Различия между теоретическими воззрениями Зигмунда Фрейда и *Карла Юнга* хорошо известны; не раз обсуждались причины их расставания и сопровождающие это расставание личные переживания двух ученых мужей. Эти переживания, конечно же, связаны и с чувством безопасности, которое, обычно, подкрепляется чувством единения, сопричастности друг другу, сплоченности. Интересно, однако, и то, что со временем мирное содружество двух или нескольких человек, которое ощущалось как единственно безопасное, становится причиной недовольства и напряжения, а решение о расхождении – спасительным шагом на пути самостоятельного личностного развития, ибо «в науке каждый исследователь получает ключ к познанию от своего духовного предшественника... „сделав свое дело“, он передает этот ключ другому...» (Яффе, 2004, с. 179).

Карл Юнг в одном из своих последних интервью сказал: «Единственная существующая опасность – сам человек», по-видимому, тот, который находится в отношении несовместимости со своим бессознательным и переносит этот неосознаваемый, архетипический материал на внешние объекты. Такая проекция несет опасность и для другого субъекта, который может идентифицироваться с этой проекцией и вести себя в соответствии с ней, например, в соответствии с проекцией Тени. Она может быть опасной и для того, кто проецирует, поскольку психологические аспекты Тени в этом случае не интегрируются, а, наоборот, отчуждаются от человека. Юнг пишет: «В период жизненного поворота... необходимо уделять образам коллективного бессознательного особое внимание, ибо здесь они собой представляют источник, из которого можно черпать указания к разрешению проблемы противоположности» (Юнг, 1994, с. 160). Смысл и цель процесса индивидуации – интеграция всех противоположностей, «осуществление (первоначально заложенной в эмбрионе) личности во всех ее аспектах» (там же, с. 160). Ко-

нечно, считает Юнг, есть индивиды, которые мало жизнеспособны и могут быстро погибнуть, если им приходится «сталкиваться со своей целостностью».

«Если же этого столкновения не происходит, то они могут влачить свое существование вплоть до самого преклонного возраста, однако лишь в качестве неких фрагментов, или частичных личностей, поддерживаемые средствами социального и психического паразитизма» (там же, с. 161–162).

Фрагментированность, расщепленность личности, безусловно, по мнению Юнга, делает человека уязвимым и бессильным в противостоянии различным трудностям, а также зависимым от обстоятельств и других людей. Реализация стремления к Самости через интеграцию противоположностей высвобождает психическую энергию, которая использовалась для удержания в бессознательном вытесненного материала, и направляет ее на поддержание процесса индивидуации.

Согласно А. Адлеру, уже с самого раннего детства у ребенка в результате различных социальных сравнений, прежде всего со взрослыми, возникает чувство неполноценности, а на его основе может сформироваться комплекс неполноценности. По существу, серьезную опасность для личности, с точки зрения Адлера, представляет и степень выраженности комплекса неполноценности, и специфика средств компенсации чувства неполноценности. Адлер пишет, что чувство неполноценности есть у каждого человека, однако патологическим оно становится тогда, «когда в человеке побеждает чувство неадекватности, и это тормозит его полезную активность, делает его депрессивным и неспособным к развитию» (Адлер, 1997, с. 62). Как полагал Адлер, в норме человек лишен нездорового чувства превосходства, тогда как невротик, имея комплекс неполноценности «притворяется лучшим, чем он есть на самом деле, и этот фальшивый успех компенсирует чувство неполноценности, ставшее для него невыносимым» (там же, с. 62).

Психоаналитический взгляд на человека основан на идее заложенного в нем стремления к развитию, с одной стороны, а с другой, постоянного переживания внутреннего напряжения и стремления избавиться от него. Угрозой человеческому существованию становится выбор невротического пути развития и подмена истинного чувства Я фальшивым. Ослабление чувства неполноценности адекватными способами, путем удовлетворения потребности в превосходстве над собой, рассматривалось Адлером в качестве здоровой стратегии самосовершенствования. Кроме того, для Ад-

лера это еще и развитое чувство общности, единения с другими людьми, желание быть с ними, т. е. так называемый *социальный интерес*, который он считал «барометром нормальности», критерием здорового развития человека как личности. Курт Зеельман, излагая основные положения индивидуальной теории Адлера, сравнивает чувство общности с оружием, которое в древние времена спасало человека от хищных животных. Одновременно он показывает, как важно чувство общности и для современного человека. Интересно отметить, что чувство общности не только нормализует развитие, но и способствует формированию индивидуальности, сохранению ее в контексте образования различных социальных связей. «Хотя каждый из нас – в соответствии со своей социальной задачей – с детских лет нуждается в человеческом общении, хочет ощущать свою принадлежность обществу и испытывать уважение со стороны других его членов, мы реагируем не только с позиции социального существа, но и придаем большое значение своему индивидуальному своеобразию и собственной позиции в жизни» (Зеельман, 2004, с. 57).

В работах последователей Зигмунда Фрейда – Анны Фрейд, Карен Хорни, Гарри Салливена, Эриха Фромма – проблема психологической безопасности была соотнесена с особенностями социальной среды, с отношением родителей к ребенку и с его психологическим благополучием/неблагополучием. Неблагоприятные условия развития, недружелюбное или индифферентное отношение к ребенку со стороны окружения, отсутствие заботы, любви и внимания фрустрируют потребность ребенка в развитии, самореализации и делают актуальным удовлетворение потребности в безопасности. Устойчивая тревога, связанная со стремлением к безопасности, является основой для возникновения личностных нарушений, имеет тенденцию проявляться не только в отношениях с родителями, поэтому может стать устойчивым для личности эмоциональным состоянием, закрепленным в поведении комплексом (Фрейд, 1993).

Карен Хорни отмечала необходимость и важность переживания чувства безопасности, которое обнаруживается с детства и зависит от социальной, прежде всего, родительской поддержки. Согласно Хорни, маленький ребенок глубоко беспомощен, переживает одиночество и изолированность и чувствует потребность во внимании, заботе и любви. Большое значение Хорни придавала окружению ребенка, которое, будучи отстраненным или подавляющим, индуцирует базальное чувство тревоги ребенка (Хорни, 2007). Комментируя позицию К. Хорни, Г. Хржановски пишет, что невроз может

развиться в раннем детстве из-за враждебности со стороны близких, что «приводит к формированию поведения, нацеленного на самоуничтожение, причем у человека развивается крайне выраженная потребность в безопасности, склонность к враждебному поведению и к компенсаторному самовозвеличанию» (Хржановски, 2002, с. 363). Хорни отвергает идею биологического детерминизма и отстаивает онтологическую позицию «здесь и сейчас». Она полагает, что развитие ребенка находится под влиянием социальных условий. «Из-за холодности и враждебности его семейного окружения он не чувствует себя в безопасности, и у него возникает тревожность, чувство глобальной беды – самое болезненное из того, что может испытывать человек. Чтобы избежать этого чувства тревоги, формируется внутренняя убежденность в том, какой должна быть защита от внешних опасностей. Но эти защитные механизмы в свою очередь становятся причиной новых затруднений, ибо отчуждают человека от его творческой человеческой сущности, и он перестает видеть свою собственную ценность и свои природные дарования» (там же, с. 364). Цели терапии, по мнению Хорни, состоят в достижении ответственности, спонтанности, доверия к себе, искренности. Чувство ответственности, по существу, означает самоутверждение, т. е. способность принимать решение без посторонней помощи и вести себя, основываясь на собственных убеждениях. Спонтанность предполагает открытость в сфере эмоциональных реакций, а доверие к себе подразумевает ясность и определенность собственной системы приоритетов и ценностей и уважение ценностей других людей. Три выделенных конструкта – ответственность, спонтанность и доверие – определяют чувство личной безопасности.

Эрих Фромм рассматривает безопасность в контексте введенного им понятия «бегство от свободы». Фромм утверждает, что стремление человека к свободе является его естественной потребностью, но с достижением определенного уровня свободы возникает чувство одиночества и ощущение небезопасности, которое может быть компенсировано с помощью механизмов бегства от свободы, но, по Фромму, является скорее псевдобезопасностью.

Становясь после рождения биологически самостоятельным существом, ребенок «в течение долгого времени сохраняет функциональное единство с матерью. Пока и поскольку индивид, фигурально выражаясь, не порвал пуповину, связывающую его с внешним миром, он не свободен; но эти узы создают ощущение принадлежности к чему-то, как бы гарантируют ему безопасность существования за счет корней в какой-то почве» (Фромм, 2009, с. 23). Такое

единство Фромм назвал «первичными узами», которые обеспечивают «фундаментальное единство с окружающим миром и ощущение безопасности» (там же, с. 24). Социальный строй Средневековья, с его структурированностью и отсутствием личной свободы, давал человеку ощущение стабильности и относительной безопасности. В эпоху Возрождения произошло осознание человеком себя как индивида, в то же время «было отравлено и отношение преуспевающего индивида к своей собственной личности, его чувство уверенности в себе и ощущение безопасности» (там же, с. 30).

Э. Фромм рассматривает разрушительность (устранение объекта) в связи с внешними угрозами. Уничтожая объект, индивид оказывается в одиночестве, но при этом ему «не будут угрожать никакие внешние силы» (там же, с. 139). Ликвидируя любую внешнюю угрозу, разрушительность усиливает значимость Эго одинокого индивида, способствуя появлению чувства безопасности. Человек, по Фромму, имеет две возможности. Одна – творчество, любовь к людям, щедрость, развитие самоуважения, а другая – преклонение перед авторитетами, отождествление с обществом, зависимость от других людей.

«Человеку присуща потребность искать смысл своей жизни, и он должен содействовать формированию общества, которое формирует его самого. Стремление к отношению с другими людьми и поиск смысла относятся, следовательно, к фундаментальным потребностям человека» (Хржановски, 2002, с. 381).

Эрик Эриксон связывал психологическую безопасность с переживанием чувства базисного доверия, которое появляется в первые годы жизни человека. Доверие – это переживание и понимание мира, в котором живет и развивается младенец, как стабильного и предсказуемого. Окружающие ребенка люди, прежде всего его мать, являются «проводниками» в окружающий мир, демонстрируя его доброжелательность или враждебность. Доверие к миру является основой нормального развития ребенка, который проходит весь свой путь – от детства к взрослости – в постоянном контакте с другими людьми, взаимоотношения с которыми без чувства доверия не могут выступать ресурсом и потенциалом психического и социального развития человека. По существу, развитое доверие младенца – это не только принятие мира как относительно безопасного, структурированного, нехаотичного, но и *фундаментальное открытие*, сделанное младенцем – открытие связанности внешнего и внутреннего, социального и психического. «Такая согласованность, непрерывность и тождественность личного опыта обеспечивает зачаточное чувство эго-идентичности, зависящее... от „понимания“ того, что существу-

ет внутренняя популяция вспоминаемых ощущений и образов, которые прочно увязаны с внешней популяцией знакомых и предсказуемых вещей и людей» (Эриксон, 1996, с. 346). Можно утверждать, что эта согласованность и связность внешнего и внутреннего является основой предсказуемости событий и, соответственно, возможности управлять ими, обеспечивая свою безопасность.

В рамках психоаналитического направления уделяется большое внимание связи матери и ребенка и влиянию этой связи на формирование чувства безопасности. Однако привязанность ребенка к матери рассматривается в психоанализе как биологическое единство, основанное на зависимости ребенка от удовлетворения матерью его физиологических потребностей. Так, по мнению А. Фрейд, «младенец не „любит“ мать в собственном смысле этого слова, а нуждается в ней» (цит. по: Боулби, 2003, с. XII). М. Кляйн ставит акцент на привязанности скорее не к матери, а к материнской груди: «Эта психическая и физическая близость к доставляющей удовольствие груди в определенной мере восстанавливает, если все идет хорошо, внутриутробное единение с матерью и сопутствующее ему чувство безопасности... То, что ребенок был как бы частью матери в перинатальном периоде, вполне могло повлиять на врожденное чувство младенца, будто вне его существует что-то, способное дать ему все необходимое для удовлетворения его потребностей и желаний» (цит. по: Боулби, 2003, с. 409).

В подобных представлениях психоанализа Дж. Боулби видел его ограниченность. Основываясь на данных наблюдений за взаимодействием матерей и их детей, он пришел к выводу, что только лишь повседневного ухода за младенцем недостаточно для формирования привязанности. Гораздо большее значение имеет социальное взаимодействие матери и ребенка и позитивный эмоциональный контакт. Эта идея Боулби была эмпирически подтверждена в исследованиях М. Эйнсворт и позволила описать надежный тип привязанности (наряду с ненадежными), при котором у ребенка формируется внутреннее чувство безопасности, позволяющее ему активно исследовать мир (Боулби, 2003).

Представители гуманистической психологии указывают на особую роль осознанности и аналитического подходе человека к жизни, что позволяет отводить человеку решающую роль в обеспечении своей психологической безопасности. Человек рассматривается как способный творить свою судьбу, получать активный жизненный опыт, отвечать на опасности осознанной системой поведения и тем самым противостоять им (Ялом, 2008).

А. Маслоу рассматривает потребность в безопасности как базовую человеческую потребность. Она включает в себя такие переживания, как потребность в стабильности, в зависимости, в защите, в свободе от страха, тревоги и хаоса, потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях. Безопасность тесно связана с вероятностью угрозы и сопряжена с желанием защиты и участия. Для ребенка, пишет Маслоу, «больше по вкусу, когда окружающий мир предсказуем, размерен, организован. Всякая несправедливость или проявление непоследовательности, непостоянства со стороны родителей вызывают у ребенка тревогу и беспокойство» (Маслоу, 2001, с. 83). Именно поэтому ребенок стремится жить в безопасном, стабильном, организованном, предсказуемом мире, где действуют раз и навсегда установленные правила и порядки, где исключены опасные неожиданности, беспорядок и хаос, где у него есть сильные родители, защитники, оберегающие его от опасности. При соблюдении этих условий, а именно при наличии родительской заботы и предсказуемости окружающего мира, реакция испуга у детей «возникает только в результате столкновения с такими объектами и ситуациями, которые представляются опасными и взрослому человеку» (Маслоу, 2001, с. 84).

Маслоу напрямую связывает испуг и опасность, с одной стороны, и стабильность общества и безопасность, с другой. «Люди, живущие в мирном, стабильном, отлаженно функционирующем, хорошем обществе, могут не бояться хищников, жары, морозов, преступников, им не угрожает ни хаос, ни притеснения тиранов» (Маслоу, 2001, с. 84). В связи с этим логично предположить, что «неожиданно возникшая угроза хаоса у большинства людей вызывает регресс мотивации с высших ее уровней к уровню безопасности» (там же, с. 86) и проявляется в компульсивно-обсессивном поведении, в виде ритуализации, строгого следования правилам, формулам, ориентирам, схемам.

Пожалуй, именно гуманистическими психологами с большой очевидностью продемонстрировано, что человек изначально добр и стремится к самореализации и самоактуализации, а общество, в котором он живет, не всегда способствует этому. Однако это действительно так скорее для подхода, который предлагает А. Маслоу и, возможно, не столь очевидно для теории личности К. Роджерса. Последний делает существенный акцент на внутреннем опыте человека, показывая, что, если не меняется отношение субъекта к другому человеку, то и тот будет оставаться таким, каким был до сих пор. Например, «пока родитель воспринимается в качестве доминирующего, он является именно такой, доминирующей реальностью, на ко-

тору соответствующим образом реагирует индивид» (Роджерс, 1997, с. 33). Так же, как мы указывали выше, ощущение небезопасности может расти, если происходит «весьма серьезное расхождение между организмом, испытывающим опыт в том виде, как он существует, и его Я-концепцией, оказывающей на поведение контролирующее влияние» (Роджерс, 2002, с. 716). Это значит, что ощущение безопасности во многом, согласно Роджерсу, должно быть сопряжено с личной ответственностью за происходящее, а также с открытостью опыту и его адекватной символизацией. Недаром такое большое значение в психотерапевтическом процессе Роджерс уделяет активности субъекта, его намерениям измениться. Ведь позитивная личностная динамика возможна именно тогда, когда клиент является не сторонним наблюдателем деятельности терапевта, а инициатором психотерапевтического процесса, профессионально направляемого и поддерживаемого консультантом. Клиент-центрированную терапию Роджерс называл поддерживающей терапией, «островком стабильности в океане разнообразных проблем» (Роджерс, 2002, с. 410).

Роджерс был убежден в том, что философская ориентация консультанта, который успешно овладевает клиент-центрированными техниками, состоит в признании ценности и значимости каждой «человеческой личности». Близкой к гуманистической психологии по общим философским и теоретическим основаниям является экзистенциальная психология, которая часто просто идентифицируется с гуманистическими теориями в психологии. В работах Ролло Мэя чувство безопасности упоминается довольно часто, но ему приписывается меньшая значимость, чем в описанных выше концепциях. Важными для него категориями являются категории бытия и небытия и связанные с ними чувства экзистенциальной тревоги и вины. «В моих трудах по психотерапии появляется все больше и больше доказательств того, что тревога в наши дни возникает не столько из-за страха неудовлетворения либидо или отсутствия безопасности, сколько из-за страха пациента перед своими возможностями и конфликтов, возникающих в связи с этим страхом. Это может быть особая „невротическая личность нашего времени“ – невротическая модель современного ориентированного вовне „человека организации“» (Мэй, 2004, с. 14). Таким образом, характеризую состояние человека, перед которым стоит вопрос реализации его потенциала, Мэй использует понятие тревоги: «Тревога имеет место в тот момент, когда человек сталкивается с возникающими потенциалом или возможностями реализовать свое бытие; и именно эта возможность влечет за собой разрушение настоящей безопасности,

что, в свою очередь, приводит к тенденции разрушения новых потенциальных возможностей» (там же, с. 126).

Интересно в связи с этим отметить, что тревога человека перед открытием в себе новых возможностей и потенциала ощущается им как признак нарушения его собственной безопасности. Но это скорее ложное ощущение безопасности, о котором как о неистинном чувстве мы можем судить по ряду признаков, характеризующих поведение и настроение человека: по общей неудовлетворенности жизнью, повышенной тревоге, низкой самооценке и результативности деятельности, прокрастинации, раздражительности и агрессивности или равнодушию и отстраненности. Значит, само по себе ощущение безопасности может быть различным, в том числе и таким, когда ради его сохранения человек избегает решать проблемы и тем самым не только не ощущает себя в безопасности, но, наоборот, еще в большей степени переживает свое состояние как опасное. Так, Дж. Стайнер, исследуя проблему «психологического убежища» как такого душевного состояния, которое позволяет спрятаться от тревоги и психической боли, писал, что пациенты могут оставаться в своем убежище, даже несмотря на «причиняемое им очевидное страдание... в любом случае пациент страшится возможных перемен и на попытки вывести его из убежища может реагировать еще более радикальным уходом» (Стайнер, 2010, с. 20).

Сторонники других направлений в психологии так или иначе затрагивали проблему психологической безопасности, анализируя ее в связи с проблемами депривации, нарастания внутреннего напряжения и страха, с отсутствием необходимых средств для достижения цели, т. е. с фрустрацией потребности и др.

Представителями *бихевиоризма* с помощью эксперимента было показано, что те или иные чувства и переживания имеют не столько инстинктивную природу, сколько возникают в процессе научения. Дж. Уотсон, основатель классического бихевиоризма, значительное внимание уделял эксперименту как методу проверки научных гипотез, показывая, как, например, путем подкрепления можно сформировать тот или иной навык, ту или иную реакцию. Широко известен его эксперимент, который он провел на 11-месячном младенце Альберте. Суть исследования состояла в том, что, когда ребенку показывали белую мышь, к которой в начале эксперимента он относился индифферентно, и одновременно производили громкий звук, у младенца формировалась реакция страха белых мышей. Было также замечено, что страх переносится на другие объекты – белый лист бумаги, белую шубу, кролика и др. – и оказывается крайне устойчивым.

Не менее интересными и показательными были исследования Мэри Ковер Джонс, которая поставила задачу снять страх в лабораторных условиях (случай маленького Питера) с помощью процедуры «разусловливания» и выработки на пугающий объект позитивных реакций (Первин, Джон, 2000).

Открытие определенных закономерностей в области научения позволило бихевиористам утверждать, что психология является объективной наукой, способной объяснить принципы установления связи между стимулом и реакцией. Для нас в этом психологическом направлении интересно то, как объективные условия среды (при учете закона готовности Торндайка) могут «управлять» реакциями индивида. Уотсон писал, что человек может быть полон страхов, застенчив, стыдлив, и, чтобы изменить его поведение, нам нужно не только умение «устанавливать ситуацию по ответной реакции или предсказывать возможную реакцию, исходя из данной ситуации», нужно большее, а именно умение «экспериментально управлять стимулом и создавать ответную реакцию; стимул должен быть прибавлен или вычтен, чтобы наступила соответствующая реакция; если же требуемая или ожидаемая реакция не входит в репертуар действий данного индивидуума, то она должна быть в нем установлена, если только в нем содержится годный сырой материал» (Основные направления психологии в классических трудах, 1998, с. 266).

Такая тесная связь между тревогой, страхом и чувством безопасности прослеживается во многих психологических концепциях. С нашей точки зрения, это связано с тем, что страх выступает сигналом нарушения внутренней стабильности человека, ассоциирующейся с привычностью, а значит, в определенной мере – с безопасностью.

Особый вклад в теорию психологической безопасности внесла *гештальтпсихология*, основанная в 1912 г. Максом Вертгеймером. Основой гештальта являются свойства восприятия, вступающие во взаимодействие и формирующие новое свойство. Целостность восприятия достигается благодаря ряду принципов (замкнутости, симметричности фигуры и др.) (Вертгеймер, 2008). С точки зрения изучения факторов психологической безопасности понимание целостности восприятия личности важно при рассмотрении различных аспектов деятельности человека. Поведение индивида становится безопасным, когда он оценивает не отдельные элементы ситуации, а охватывает всю ситуацию в целом.

К гештальт-психологическим теориям в определенной мере относятся теорию поля *Курта Левина*. На самом деле, как известно, эта

теория имеет самостоятельный научный статус и считается одной из целостных по своим методологическим и теоретическим основаниям концепций личности. Человек, согласно Левину, – замкнутая система, обладающая двумя свойствами – *отделенностью* от остального мира границей и *включенностью* в большее пространство. Он не может рассматриваться как автономная система, поскольку всегда включен в другую систему, называемую *психологической средой*. Психологическая среда и человек объединяются общим понятием – *жизненное пространство*, которое рассматривается как психическая реальность, т. е. как тотальность возможных событий, способных повлиять на поведение человека. Граница между жизненным пространством и внешним миром проницаема. Объекты, события, идеи, которые в данный момент являются элементами жизненного пространства, могут в следующий момент стать элементами непсихологической среды (физической, социальной и др.), если перестают иметь какое-либо значение для человека, стремящегося удовлетворить свои потребности, снять напряжение (Харламенкова, Кумыкова, Рубченко, 2015, с. 66). Осуществляя реальное или ментальное поведение в психологической среде, личность стремится с помощью валентных объектов снять напряжение, удовлетворив потребность (Левин, 2000, 2001; Эксакусто, 2009).

С точки зрения психологии безопасности изучение поля возможных событий и поля сил, предпринятое К. Левиным, можно воспринимать как попытку определить уровень безопасности/небезопасности определенных систем. Левин, как нам представляется, в большей степени акцентировал свое внимание на гибкости личности, которая путем организации локомоции ищет в психологическом пространстве средства редукции напряжения, связанного с актуализированной потребностью. В отличие от многих других исследователей, которые рассматривали среду как источник угроз, Левин показал *ресурсность среды* для человека, в которой он находит нужные ему для удовлетворения потребности валентные объекты. Важно только иметь в виду такие характеристики среды, как ее дифференцированность, прочность границ и динамичность личности.

Исходя из этого, теорию Левина вполне можно считать одной из концепций, которая объясняет, как человек использует силы поля для решения своих проблем и как они взаимодействуют между собой – силы поля и квазипотребности, ценности и притяжения человека, не индуцируя напряжение жизненного пространства. «Теория Левина – одна из тех, что оживили представление об индивиде как сложном энергетическом поле, мотивируемом психологически»

ми силами и ведущем себя избирательно и креативно» (Холл, Линдсей, 1997, с. 398).

В рамках *когнитивной психологии* концепция личностных конструктов Дж. Келли позволяет объяснить поведение человека с точки зрения активной роли самого субъекта в исследовании, познании и конструировании мира (Келли, 2000). Ключевым понятием теории является личностный конструкт как способ восприятия и объяснения событий. Система конструктов, имеющихся у человека, помогает предвосхищать события, структурировать и интерпретировать их, наделять их значениями. Основным источником опасности для личности является невозможность категоризировать и объяснить с помощью имеющейся системы конструктов то или иное событие. Различая тревогу, страх и угрозу Келли утверждал, что *тревога* «есть признание того, что события, с которыми приходится сталкиваться, лежат за пределами зоны применимости имеющейся системы конструктов» (Первин, Джон, 2000, с. 395). *Страх* возникает тогда, «когда появляется новый конструкт, претендующий на то, чтобы вторгнуться в уже существующую систему конструктов» (там же, с. 395). *Угроза* связана с неотвратимыми глобальными изменениями в системе конструктов, «это осознание неизбежных обширных изменений в своих ядерных (центральных) конструктах» (там же, с. 395). Индивиды, как считал Келли, хотят расширить систему конструктов, но, чувствуя угрозу, избегают это делать. Направление развития личности по Келли – увеличение сложности системы конструктов и ее качественные изменения.

Анализируя различные взгляды на проблему безопасности, мы смогли убедиться в том, что она не стала специальным предметом исследования практически ни для одной из рассматриваемых школ и концепций. Тем не менее ее более или менее четкая характеристика, выделение факторов, влияющих на психологическую безопасность человека, отмечается многими учеными – представителями самых разных направлений в истории психологии (таблица 1.1).

Подводя некоторые итоги анализа проблемы психологической безопасности, мы можем сказать, что уже к середине XX столетия произошло становление взглядов на эту вполне очевидную по своей актуальности, но сложную с точки зрения научного исследования проблему. Безопасность чаще определяется как потребность во внутренней стабильности, защищенности, как открытость личности миру и своему опыту, соответствие опыта его правильной символизации, как принятие ответственности на себя за изменения в своей жизни.

1.2. Современные исследования психологической безопасности

С. К. Роциным и В. А. Сосниным был проведен анализ содержания термина «психологическая безопасность», включенного в современные толковые словари, изданные в разных странах. В частности, были изучены академические толковые словари русского, английского, французского и немецкого языков. Было обнаружено, что в общественном сознании термин «безопасность» связывается как «с отсутствием угрозы», так и с конкретными состояниями, чувствами и переживаниями людей. Например, в английском словаре Чэмберса термин «безопасность», в первую очередь, определяется как «состояние, чувство или средства пребывания в безопасности». Согласно словарю, термином «безопасность» обозначают «тревожность или озабоченность», «уверенность» и «стабильность». В Оксфордском словаре понятие «безопасность» соотносится с состоянием «более чем уверенности».

В «Словаре современного американского языка», кроме акцента на «свободе от опасности и риска», зафиксирована «свобода от озабоченности и сомнений» (см.: Роцин, Соснин, 1995). Подводя итоги, авторы утверждают, что в разных странах существуют примерно одинаковые представления о безопасности, главные из которых – чувства и переживания человека, связанные с его настоящим состоянием и перспективами на будущее. В результате проведенного анализа авторы сформулировали определение психологической безопасности: состояние «общественного сознания, при котором общество в целом и каждая отдельная личность воспринимают существующее качество жизни как адекватное и надежное, так как оно создает реальные возможности для удовлетворения естественных и социальных потребностей граждан в настоящем и дает им основания для уверенности в будущем» (Роцин, Соснин, 1995, с. 48).

Стремление к безопасности – одна из самых важных для человека потребностей; ее удовлетворение – необходимое условие нормальной жизни и развития человека. Реализация данной потребности, по мнению Г. В. Грачева, происходит в обществе с помощью определенных организационных форм, а именно устойчивых структур социальных взаимодействий, совместной деятельности, которые трансформируются в систему интересов, взаимосвязанных личных и/или групповых, а также способов их достижения. Существуют такие события и периоды, при которых потребность в безопасности выступает в роли ведущей. В данном случае она определяет моти-

Таблица 1.1
Понимание психологической безопасности и ее факторы
в разных направлениях психологии и психологических концепциях

Направление, концепция	Понимание психологической безопасности	Факторы психологической безопасности
Психоанализ, З. Фрейд	Психологическая безопасность – это личностная характеристика, имеющая во многом глубинную природу и позволяющая внешне нейтральным факторам в зависимости от ситуации оказывать либо гарантом стабильности, либо значением угрозы	«Удачное» прохождение определенных этапов психосексуального развития личности в раннем детстве
Аналитическая психология К. Юнга	Интегрированность бессознательных желаний и сознательных установок личности	Проработка архетипов коллективного бессознательного
Неофрейдизм, К. Хорни	Состояние безопасности определяется потребностью ребенка быть любимым и защищенным от опасности	Отношение со стороны взрослых
Индивидуальная психология А. Адлера	Компенсация неполноценности адекватными средствами	Социальный интерес
Э. Эриксон	Несколько стадий развития человека, каждая из которых характеризуется своими специфическими конфликтами. В процессе преодоления этих конфликтов происходит переход на новый этап развития личности	Успешность преодоления внутренних конфликтов, соответствующих очередному этапу развития. Доверие

Направление, концепция	Понимание психологической безопасности	Факторы психологической безопасности
Дж. Боулби	Надежная привязанность	Социальное взаимодействие матери и ребенка
Гуманистическая психология, А. Маслоу	Потребность в безопасности как потребность в стабильности, зависимости, защите, порядке, законе, ограничениях	Удовлетворение физиологических потребностей; семейная и социальная среда
Гуманистическая психология, К. Роджерс	Согласованность сенсорного опыта и Я-концепции	Адекватная символизация элементов опыта
Бихевиоризм, Д. Уотсон	Открытие субъективности понятия опасности и безопасности	Научение
Гештальт-психология, К. Левин	Состояние безопасности определяют не отдельные факторы, а совокупность всех явлений системы	Гибкость границ психологического пространства, замещающая деятельность
Когнитивная психология, Дж. Келли	Наибольшую опасность для человека представляет его субъективное видение мира в целом и отдельных ситуаций в частности, основанное на неполноте имеющейся информации	Гибкость и когнитивная сложность системы конструкторов

вацию социального поведения личности, перестраивает и изменяет ее, определенным образом трансформирует другие потребности, психические особенности и характеристики человека. Иными словами, потребность в безопасности является активным и доминирующим мобилизатором ресурсов организма человека в ситуациях чрезвычайного характера (Грачев, 1998).

Большинство авторов, занимавшихся проблемой психологической безопасности, указывают на важность внешних, например ресурсность социальной среды, и внутренних факторов, обеспечивающих психологическую безопасность (личностные характеристики, мотивация, темперамент и др.) (Ефимова, 2010; Дуганова, 2014).

Современные исследования по проблеме безопасности придерживаются традиции выделять профессиональную безопасность, безопасность в семье, безопасность общества и личности и др. (Баева, 2002б; Шлыкова, 2004, 2012; Эксакусто, Лызь, 2010; Проблемы психологической безопасности, 2012; Юревич, 2012; Обознов и др., 2014; Тарабрина, Быховец, 2014; и др.). Кроме привычных аспектов проблемы, стали усиленно изучаться такие вопросы, как безопасность в рамках психотерапевтических отношений, психологические средства безопасности, личная безопасность; разрабатываются программы, обеспечивающие человеку чувство стабильности, целостности, уверенности в себе.

Стало традиционным выделять информационно-психологическую безопасность (Мельницкая, 2009; Дуганова, 2014; Рощин, 1996; Решетина, Смолян, 1996; Кабаченко, 2000б; Непомнящий, 2003; Грачев, 2003; Быховец, 2008), безопасность образовательной среды (Баева, 2002а, 2002б; Дмитриевский, 2002; Рассоха, 2005; Абакумова, 2011; Ермаков, 2012; и др.), безопасность труда (Котик, 1987; Обознов и др., 2014; Обознов, Бессонова, 2015) и др.

Психологическая безопасность, безусловно, – один из важных вопросов, которым занимается психология труда и инженерная психология, поэтому психологические аспекты безопасности *профессиональной деятельности* – одно из приоритетных направлений современной психологии. В рамках этого направления изучаются психологическая безопасность и вопросы эргономики труда (А. А. Обознов, В. М. Львов, С. А. Багрецов, Н. Л. Шлыкова и др.), безопасность субъектов профессиональной деятельности с разным должностным статусом и разным личностным типом (В. А. Сведюк, Н. Л. Шлыкова, Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотова); факторы нарушения психологической безопасности (Т. С. Кабаченко), в том числе в экстремальных условиях жизнедеятельности (Г. Ю. Фоменко).

Исследуя психологическую безопасность личности в профессиональной деятельности, Н. Л. Шлыкова показала, что она связана с особенностями перцепции и мыслительной деятельности субъекта, индивидуально-типологическими особенностями, характеристиками личности, мотивационно-потребностной сферой и ценностями, а также с условиями профессиональной деятельности, эргономическими характеристиками производственной среды, субъект-субъектными отношениями. Выявлено, что при высокой эргономической обеспеченности производственной среды *функциями психологической безопасности* являются: развитие функционального комфорта, поддержание высокого уровня нервно-психической и энергетической экономии, оптимизация резервных возможностей человека и деятельности, нейтрализация воздействий экстремальных факторов, стабилизация мотивационно-потребностных механизмов, упорядочение социальных контактов, психофизиологическое регулирование (Шлыкова, 2004).

В психологии труда и инженерной психологии разрабатываются проблемы психологического обеспечения персонала на производстве надежной работой, изучается роль работника в обеспечении безопасности, анализируется взаимосвязь стиля воздействия руководителя и психологической безопасности подчиненного и др. (Львов, Багрецов, Шлыкова, 2002; Львов, Шлыкова, 2007; Свердлов, 2007; Шлыкова, 2012; Ворона, Короченко, 2012а, б; Обознов и др., 2014; Обознов, Бессонова, 2015; McLain, 2014; Schwarz, Kallus, Gaisbachgrabner, 2016). По данным статистики, 80–90% производственных аварий происходят по вине людей, допустивших ошибочные действия. Изучаются не только устойчивые неблагоприятные качества личности, увеличивающие вероятность ее ошибок в труде, но и другие факторы: влияние производственного утомления, монотонии, стресса, степень компетентности персонала, социально-психологические факторы, особенности мотивации работников, организационные факторы и др. (Котик, 1987; Носкова, 2004). Безопасность в профессии определяется соблюдением правил технической безопасности, вместе с тем огромную роль в обеспечении психологической безопасности играет социально-психологический климат в группе (Probst, Jiang, Graso, 2016; Christian, Bradley et al., 2009; Wallace, Popp, Mondore, 2006), особые лидерские качества – дружелюбие и контроль (Walumbwa, Schaubroeck, 2009), специально организованные тренинги (Leiter, Zanalett, Argentero, 2009), построенные на модели восприятия риска и контроле поведения.

В последние годы все большую актуальность приобретает проблема психологической безопасности *образовательной среды* (Баева, 2002а, б, 2010; Баева, Гаязова, 2012; Богомаз, 2009, 2010; Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении, 2006; Cornell, 2015; Berg, Cornell, 2016). В рамках этой проблематики изучается безопасность учащихся от угроз их позитивному развитию и психическому здоровью в ходе образовательного процесса и педагогического взаимодействия (Баева, 2002а, б). Важнейшим условием здоровой образовательной среды является безопасность субъектов, включенных в образовательный процесс. «Под психологической безопасностью, – пишет И. А. Баева, – мы понимаем состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников» (Баева, 2010, с. 34–35). Рассматривая психологическую безопасность как категорию, автор выделяет три ее аспекта – состояние образовательной среды, система межличностных отношений и система мер, направленных на предотвращение угроз продуктивного устойчивого развития личности. Детально обсуждаются принципы моделирования психологически безопасной образовательной среды (Баева, 2010).

Исследования *информационной безопасности* сосредоточены на анализе информационных воздействий, оказываемых на сознание человека, которые, как считают многие ученые, являются реальной угрозой психологической безопасности и благополучия человека (см., например: Решетина, Смолян, 1996). Показано, что чем выше информированность об угрозе, тем значительнее способность индивида к сохранению оптимального уровня психологической безопасности личности. Наряду с этими данными в диссертационном исследовании, проведенном Ю. В. Быховец, было отмечено, что «информационные сообщения, содержащие материал об угрозе террористического акта, являются травматическим стрессором» (Тарабрина, Быховец, 2012, с. 378).

Изучение проблемы информационной безопасности все еще сохраняет свою актуальность (Быховец, 2008; Мельницкая, 2009; Тарабрина, Быховец, 2014; и др.), что объясняется увеличением источников информационного воздействия на человека и неоднозначностью понимания важности осведомленности человека о вероятных угрозах.

Информационная безопасность тесно связана с *социальной и социально-психологической безопасностью* (Сухов, 2002; Зотова, 2010; Зинченко, 2011б; Эксакусто, 2012). Трудности социальной адаптации как одного из показателей нарушения психологической безопасности человека обсуждаются в работах Т. С. Кабаченко (2000а, б). Автор выделяет психологическую безопасность как особый вид, рассматривая ее в качестве «состояния информационной среды и условий жизнедеятельности конкретного человека, группы, общества в целом, которое не способствует нарушению целостности, адаптивности (всех форм адаптации) функционирования и развития социальных субъектов (отдельного человека, групп, общества в целом)» (Кабаченко, 2000а, с. 6). Показано, что даже нейтральные стимулы, воздействующие на человека, при определенных условиях способны дополнительно снизить уровень психологической безопасности личности. Судить о том, что риск нарушения психологической безопасности превратился в реальное нарушение психологической безопасности, можно, по мнению Кабаченко, по наличию неадекватных способов удовлетворения потребностей, дезинтегрированности образа Я и картины мира, снижению волевого потенциала личности, потере ощущения самооценности жизни и смысла жизни (там же, с. 479).

Следует согласиться с тем, что в современной психологии социальным факторам в изучении состояния опасности/безопасности отводится особое место; учитываются степень и тип угрозы (Overstreet, Braun, 2000), а также собственно психологические факторы – установки, стереотипы как проявления социально-психологической идентичности (Purdie-Vaughns, Steele et al., 2008; Эксакусто, 2012), уверенность в защите, модели привязанности (Dickstein, 1999).

Обоснована и апробирована модель социально-психологической безопасности (СПБ) личности и выделены механизмы ее формирования (Зотова, 2011). СПБ определяется как состояние, при котором личность способна удовлетворить базовые потребности в самосохранении и восприятии собственной психологической защищенности в социуме. О. Ю. Зотова отмечает, что социально-психологическая безопасность выполняет функцию адаптации человека к среде и обеспечивает возможность субъекта принять свою неадаптивность по отношению к социуму. Важным для повышения СПБ является уровень субъективной значимости личностной автономии и авторства. Социально-психологическая безопасность выступает основанием для осмысления и оценки человеком окружающих

его объектов и ситуаций и результатом его собственных усилий как субъекта преобразования этих ситуаций, поэтому установление личностью своей безопасности определяется в большей мере субъективными психологическими критериями, представлениями, чем объективным, реальным положением (Зотова, 2010, 2011).

Достаточно много исследований проводится по проблеме *безопасности в семье*. Основанием для развития у ребенка чувства безопасности считается благоприятная семейная среда (Morrongiello, Corbett, Bellissimo, 2008; Szapocznik, Prado, 2007), прежде всего участие матери в ее организации. Согласно Ф. Дольто, ребенок нуждается в «символической матери», которая не просто ухаживает за ним, а предлагает ему новые средства – сублимацию в ситуации наложения запрета на влечения, которые расширяют возможности ребенка, открывают ему социальный мир (Дольто, 2006). Результаты исследований Е. А. Сергиенко показывают, что уже на ранних стадиях онтогенетического развития ребенок способен по эмоциональному выражению взрослого определять и оценивать безопасность объектов (Сергиенко, 2000).

Отцовское влияние также оказалось очень значимым. В исследовании Д. Швелея и К. Брезаушека (Schwebel, Brezausek, 2007) учитывались два фактора, влияющие на степень травматизации ребенка: постоянное/непостоянное общение отца с ребенком и общение с ним дома и вне дома. Оказалось, что дети, которые с самого рождения регулярно общались с отцом дома, получали меньше травм и увечий, чем дети, чьи родители не уделяли им должного внимания. Согласно Дж. Боулби (2003), чувство безопасности достигается посредством установления надежной привязанности между родителями и детьми. С. Гольберг, Д. Грушек и Д. Дженкинс (Goldberg, Grusec, Jenkins, 1999) показали, что центральным конструктом привязанности является защита, которая, по существу, и обеспечивает личную безопасность ребенка. Понимание привязанности как защиты разделяется и другими авторами, считающими, что защита должна рассматриваться не в общем виде (например, как «хорошее родительство»), но изучаться дифференцированно (Isabella, 1999). При дифференцированном подходе к привязанности как к защите принято выделять ее отдельные составляющие – любовь и доверие. По мнению К. Макдональда (MacDonald, 1999), эти два конструкта являются независимыми системами, выполняют разные функции, сопровождаются разными эмоциональными переживаниями.

Относительно новое направление в изучении безопасности – пространство *взаимоотношений клиента и психотерапевта*. Тера-

певтическое воздействие описывается как система связи надежды и безопасности (Helm, 2004), а терапевтические отношения как отношения, которые клиент пытается протестировать на безопасность (Rappoport, 1997). Согласно Д. Вайссу, первая задача психотерапевта заключается в помощи пациенту почувствовать себя в безопасности (Вайсс, 1998). В литературе активно обсуждаются достоинства и недостатки так называемого «контракта на безопасность», который подписывается двумя лицами любого возраста, выражающими тем самым уверенность в том, что они могут взять на себя обязательство помогать друг другу оставаться вне опасности. Конструкт «contracting for safety» (CFS) описывается как эффективный метод управления суицидентами, однако его надежность не доказана и даже активно оспаривается (Egan, 1997).

Личностная безопасность (personal safety) выделяется в качестве отдельного конструкта, описываемого не только как физическая безопасность (Weitlauf, Smith, Cervone, 2000), но и как безопасность личности, способной к регуляции отношений со средой и к саморегуляции. В контексте личностной проблематики изучаются мотивация просоциального поведения (Wilson, Petruska, 1984), склонность к риску (Weinstein, 1984), панические атаки и особенности личности (Carter et al., 1995), способность обращаться для достижения безопасности к логике и рассуждению, а также к таким эмоциональным реакциям, как смех (Occhipinti, Siegal, 1994).

В современных исследованиях психологическая безопасность изучается в соотношении с индивидуально-психологическими особенностями человека и во многом определяется ими. Показано, например, что некоторые личностные черты – доброжелательность и добросовестность – тесно связаны с ощущением безопасности, а экстраверсия и нейротизм – с ощущением опасности и угрозы (Veus, Dhanani, McCord, 2015). В диссертационной работе Ю. К. Дугановой безопасность определяется как способность личности сохранять психологическую устойчивость, сопротивляемость неблагоприятным воздействиям, как ощущение защищенности в конкретной жизненной ситуации. Автором доказано, что смысловые ориентации и ценностные ориентации, волевая саморегуляция, личностный рост и жизнестойкость образуют устойчивую структуру личностных особенностей, связанных с психологической безопасностью человека (Дуганова, 2014).

Временная перспектива, осмысленность жизни, способность человека свободно принимать решения и воплощать их в жизнь, развитая ответственность за свои действия, сформированность профес-

сиональной идентичности также оказываются тесно связанными с психологической безопасностью. Показано, что деформация временной перспективы, утрата веры в свои силы, в свою способность справляться с трудностями жизни ведут к нарушению психологической безопасности личности (Ковдра, 2012).

Появляясь в период младенчества, потребность в безопасности сохраняется на протяжении всей жизни человека: возникают новые угрозы и ситуации, представляющие опасность, по прошествии времени они начинают восприниматься как вполне привычные. «Радикальные трансформации общества стали частью жизни, в результате чего представление о границах и формах безопасной жизни постоянно меняется, меняются оценки их значимости порою на обратные по отношению к тем, которые существовали на начальных этапах изменений» (Зинченко, 2011а, с. 8).

В современных исследованиях психологическая безопасность изучается как системное явление, включающее в себя различные уровни и компоненты (Рощин, 1996; Колесникова, 2001; Сухов, 2002; Дмитриевский, 2002; Грачев, 2003). Изучаются отдельные компоненты психологической безопасности и сферы ее проявления (Котик, 1987; Кабаченко, 2000а, 2000б; Шлыкова, 2004; Баева, 2012; и др.), анализируется связь личностных особенностей с психологической безопасностью и благополучием (Непомнящий, 2003; Краснянская, 2005; Абакумова, 2010; Богомаз, 2010; Котова, 2011; Лабунская, 2011; Дуганова, 2014).

Согласно Р. Янов-Бульман (Janoff-Bulman, 1989а, 1989б), психологическая безопасность личности проявляется опосредованно, через *систему отношений* субъекта к миру, к себе и к другим людям. Автор отмечает, что отношение к миру как к враждебному, недоброжелательному само по себе может стать угрозой для человека, который, имея такое убеждение о мире, чувствует себя в нем некомфортно и небезопасно. В связи с этим можно утверждать, что в исследовании психологической безопасности уместно учитывать не только личностные особенности человека, его характеристики, ценности и установки, но и его *субъектную позицию*, благодаря которой человек способен регулировать свои отношения со средой, выступать активным деятелем, вершителем истории своей жизни (Рубинштейн, 1997; Брушлинский, 1996; Знаков, 2012; Сергиенко, 2011; Рябикина, Фоменко, 2009; Фоменко, 2006; Субъект, личность и психология человеческого бытия, 2005). «Человек не только находится в некотором отношении к миру и определяется им, но и относится к миру, и сам определяет это свое отношение, в чем и заключается

сознательное самоопределение человека. Важна не только его обусловленность объективными условиями, но и различие позиции субъекта, понятой не субъективистически (т. е. субъект против объекта), а как объективное ее изменение, как выражение изменения ситуации» (Рубинштейн, 1997, с. 83–84).

Начало XXI в. можно охарактеризовать как время бурного развития компьютерной техники, средств коммуникации, информатизации общества в целом, что в свою очередь оказывает сильное влияние на состояние безопасности социума и человека как субъекта собственной жизни. А. В. Брушлинский отмечал, что «многообразные виды и уровни активности субъекта образуют целостную систему внутренних условий, через которые только и действуют на него любые внешние причины и влияния... Человек как субъект не только и не просто „потребляет“ информацию, испытывая на себе различные информационные воздействия, он сам ее „производит“ в той или иной степени, поскольку в ходе своей деятельности, общения он самоопределяется, занимает определенную жизненную позицию» (Брушлинский, 1996, с. 41–42). Человек, как субъект жизни обладает способностью преобразовывать опасности в фактор собственного развития, тем самым обеспечивая свою безопасность.

Представленные в главе исследования, конечно, не исчерпывают всей информации о психологической безопасности и ее научных разработках, но в целом указывают на те изменения в подходах к ее изучению, которые происходят с течением времени. В истории психологии психологическая безопасность чаще всего анализировалась на уровне конкретного индивида, отдельной личности и ее индивидуального опыта. В работах последних лет акцент смещается от личности к социуму: появляется тенденция рассматривать общество как источник всех бед и опасностей, угрожающих человеку. Личность в этой интерпретации в меньшей степени анализируется как субъект собственной безопасности. Пожалуй, только специалисты в области психологии личности и психологии субъекта показывают, что человек как носитель личностных и субъектных характеристик способен вносить в ситуацию существенные изменения, нейтрализуя ее как угрожающую либо, что нередко бывает, усиливая ее угрожающий характер (Брушлинский, 1991, 1992, 1993; Сергиенко, 2011, 2014, 2015; Знаков, 2012, 2013, 2016).

ГЛАВА II

ИМПЛИЦИТНАЯ И ЭКСПЛИЦИТНАЯ ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

2.1. Проблема явного и неявного знания в науке

Оппозиция «явное–неявное знание» довольно детально проанализирована в книге Майкла Полани «Личностное знание» (1985). *Явное знание* выражается вербально и в логически эксплицируемых формах, носит безличностный характер, лишено субъективности. Оно представляет собой информацию, которая воспринимается и осознается одинаково всеми субъектами: им известны ее семантика, правила образования и преобразования. Средствами трансляции явного знания выступают стандартные и воспроизводимые каналы информации: печатные издания, таблицы, диаграммы, компьютерные программы и т. п.

В отличие от явного *неявное знание* не может быть полностью вербализовано, не допускает полной экспликации и может быть неосознанным, но не отождествляется с бессознательным. Неявное знание формируется в зависимости от личностных особенностей человека и транслируется вне стандартных каналов информации через личный контакт с использованием остенсивных определений (от *лат.* *ostentus* – выставление напоказ), т. е. определений предмета путем его демонстрации. Неявные знания могут быть переданы только через *обучение* или получены в *личном опыте*.

В. Н. Порус, известный российский философ, анализируя взгляды М. Полани, подчеркивает, что неявное знание применяется человеком не только в практике повседневной жизни (навыки, умения, профессиональные автоматизмы), но и в научно-исследовательской деятельности (Новая философская энциклопедия, 2001). Если содержание научных теорий и программ может быть представлено в значительной мере как явное знание, то *предпосылки* научно-ис-

следовательской деятельности, по существу, являются убеждениями ученых и не могут быть выражены в логически артикулированных терминах. Процессы научного исследования представляют собой особое искусство, передаваемое и наследуемое благодаря непосредственному общению ученых в рамках научных школ, т. е. коллективов, объединенных общим стилем мышления, исследовательской парадигмой, системой «нормативных верований». Развитие науки, по мнению Полани, происходит, прежде всего, как *расширение* области неявного знания, только часть которого попадает в фокус исследовательского внимания и преобразуется в явное (согласно В. А. Лекторскому, путем рефлексии). Обоснование научного знания, как оказалось, не может строиться только с помощью рациональных процедур, но важно доверие ученого к неэксплицируемым предпосылкам научной работы, к неявным аспектам уже ведущегося исследования по проблеме.

«Эксплицитное» часто используется как синоним явного, а «имплицитное» – неявного. Понятие *имплицитное научение* было введено Артуром Ребером в 1967 г. для обозначения специфической формы знания, приобретаемого независимо от сознательных попыток индивида что-либо заучить (Reber, 1967). По замечанию Д. В. Ушакова, похожее открытие пластов человеческого опыта и психической организации, которые недоступны для произвольного запроса со стороны субъекта, гораздо раньше – в 1950-е годы – было сделано Я. А. Пономаревым (Ушаков, 2006).

Цель познавательного процесса – получение явного знания. Неявное при этом выступает средством, способом экспликации явного. Когда неявное знание становится объектом рефлексии, оно претерпевает определенные изменения. Происходит порождение нового знания: и явного, и неявного.

С нашей точки зрения, когда мы говорим о явном или неявном знании, мы в большей степени оцениваем некоторый *результат*, нечто декларируем, и даже если говорим о процедуре, то имеем в виду, прежде всего, опыт – личный или опыт человечества. Когда же обсуждается оппозиция «имплицитное – эксплицитное», мы говорим не только о знании как таковом, но и о *процедуре* его получения, а также о представлении знания в систематизированном виде (в виде имплицитной концепции или эксплицитной теории). Эти процедуры в данном случае используются не столько для личных, сколько для научных целей.

Процедура «прояснения» проблемы психологической безопасности представлена в настоящей главе в виде нескольких этапов,

благодаря которым удалось пройти путь преобразования неявного знания о психологической безопасности личности в явное. Последнему продолжает сопутствовать неявное знание, но уже другого рода. Безусловно, начало любого исследования строится на основе выяснения того, что уже известно и что неизвестно о том или ином явлении; определяется круг вопросов, которые указывают на наличие пробелов в знании, на необходимость формулировки проблемы исследования.

Изучение психологической безопасности также было начато с выяснения того, что известно о проблеме безопасности человека в целом и о психологической безопасности личности в частности, т. е., по существу, с оценки явного знания. Далее исследование было продолжено с целью расширения области неявного знания о психологической безопасности и определения ее ведущих компонентов, которое сначала было представлено в виде перечня характеристик психологической безопасности, выявленных с помощью специальных диагностических процедур. Переход от качественного анализа этих характеристик к их количественной оценке, определению связей между ними привел к формулировке имплицитной концепции психологической безопасности личности. Используя различные научные процедуры – анализ, сравнение, обобщение, – удалось подтвердить достоверность *имплицитной концепции* психологической безопасности личности, которая в результате верификации на разных выборках стала рассматриваться нами как гипотетически представленная *эксплицитная концепция* психологической безопасности личности. Процедура и результаты разработки эксплицитной концепции психологической безопасности личности представлены в следующих параграфах этой главы.

2.2. Психологическая безопасность: явное знание

Безопасность человека, общества является актуальной проблемой исследования, которая в последние 10–15 лет достаточно широко разрабатывается философами, социологами, историками, педагогами, психологами и специалистами других наук (Крылова, 2001; Научные и методологические проблемы информационной безопасности, 2004; Баева, 2002а, 2006; Кузнецов, 2007, 2010; Баева, Гаязова, 2012; Урсул, 2014; Обознов и др., 2014; Обознов, Бессонова, 2015; Трухина, Ворона, 2015; и др.). Для прояснения того, что понимают под безопасностью, авторы стремятся дать определение этого феномена, выделить его ключевые особенности, которые нередко

сводятся к трактовке безопасности как меры защищенности среды, в которой живет человек, защиты его достоинства, ценностей и традиций (Кузнецов, 2007).

На начальном этапе исследования анализ научных дефиниций психологической безопасности строился нами на основе выделения наиболее явных и часто выделяемых характеристик безопасности личности. Нередко безопасность определяют как такое состояние, когда обеспечено успешное психическое развитие ребенка и адекватно отражаются внутренние и внешние угрозы его психическому здоровью. Также под безопасностью понимают защищенность психики, целостности личности, душевного здоровья и духовности. А. Маслоу, например, связывает безопасность со стабильностью, организованностью, предсказуемостью мира, в котором «действуют раз и навсегда установленные правила и порядки, где исключены опасные неожиданности, беспорядок и хаос», где у него (ребенка. – Н.Х. и др.) есть сильные родители, защитники, оберегающие его от опасности» (Маслоу, 2001, с. 84). Здоровым взрослым людям, живущим в нормальном обществе, согласно Маслоу, также нужна стабильность (наличие работы) и различные виды страхования, т. е. социальные гарантии, или, другими словами, та же защищенность. Маслоу утверждает, что потребность в безопасности редко выступает как активная сила и проявляется в основном в ненормативных, критических ситуациях. «Критическими или экстремальными ситуациями мы называем войны, болезни, стихийные бедствия, вспышки преступности, социальные кризисы, неврозы, поражения мозга, а также ситуации, отличающиеся хронически неблагоприятными, угрожающими условиями» (там же, с. 85).

Выделяя основные характеристики психологической безопасности, взятые нами из определений этого феномена, мы можем сказать, что безопасность чаще всего выражается через категорию отсутствия: опасности и угроз, экстремальных ситуаций. Подобная трактовка психологической безопасности лишает ее какого бы то ни было собственного содержания, не позволяет определить структуру и выделить ее компоненты.

Более или менее содержательно выглядят такие характеристики безопасности как защищенность и стабильность (по Маслоу). Это значит, что в самом общем виде определение психологической безопасности, которое является критерием явного знания, может звучать так: отсутствие опасности и угроз, защищенность от них, социальная стабильность, предсказуемость и упорядоченность жизнедеятельности.

Недостаточность полученной информации (в том числе и сугубо психологической) привела к необходимости дальнейшего анализа проблемы. Обсуждаемые далее этапы исследования сложились только в настоящий момент, тогда как при их непосредственном осуществлении они представляли собой одну за другой решаемые задачи. Всего было выделено 5 этапов экспликации проблемы психологической безопасности, расширения области неявного знания о ней: 1) получение явного знания о психологической безопасности путем прямого опроса респондентов; 2) расширение представлений о психологической безопасности с помощью организации специальной процедуры сбора данных; 3) построение имплицитной концепции психологической безопасности личности; 4) верификация имплицитной концепции с помощью приемов сравнения структуры психологической безопасности на разных выборках; 5) построение эксплицитной теории психологической безопасности личности.

На *первом этапе* исследования была сделана попытка проведения прямого опроса его участников ($n = 72$, 42 женщины и 30 мужчин от 18 до 26 лет). Респондентам задавался вопрос «Что такое психологическая безопасность?», на который можно было ответить перечислением ряда признаков. Большинство опрошенных ответили, что безопасность – это, когда отсутствуют угрозы и нет опасности. Также часто безопасность рассматривалась как состояние защищенности.

На основе полученных на этом этапе исследования данных был сделан вывод о том, что непосредственный опрос респондентов не дает новой информации об изучаемом явлении и психологическая безопасность, как это и следовало из приведенных выше определений, тесно соотносится с отсутствием состояния небезопасности. В какой-то мере этот вывод объясняется тем, что проводившийся опрос проходил в достаточно спокойной обстановке, когда не была актуализирована потребность в безопасности. Для создания определенных условий, необходимых для тестирования этой потребности, нужно было смоделировать ситуацию опасности и безопасности и только после того, как респондент каким-то образом «проживет» эту ситуацию, спрашивать его о том, с чем у него ассоциируется безопасность. Этот прием и был использован на следующем этапе исследования.

2.3. Имплицитная концепция психологической безопасности

На *втором этапе* исследования процедура сбора данных была изменена, опрос респондентов о том, что такое психологическая безопасность, проводился только после специально организованного

исследования и участия в нем респондентов. Для этого применялась проективная техника с последующим опросом участников исследования.

«Проективные методики, – как указывает Е. Т. Соколова, – позволяют опосредованно, моделируя некоторые жизненные ситуации и отношения, исследовать... личностные образования, выступающие прямо или в форме различных личностных установок» (Соколова, 1980, с. 9).

Использование проективной техники привело к расширению спектра ассоциаций, его разнообразию и увеличению количества ассоциаций. Исследование было проведено группой студентов и магистрантов под руководством Н. Е. Харламенковой (Харламенкова, 2012а; Ароян, 2011; Благова, 2011; Шипигузова, 2011; Бондарь, 2011) (см. главу VIII).

Участниками исследования стали 201 чел., 121 женщина ($M_e = 24 \pm 6,2$) и 80 мужчин ($M_e = 22 \pm 5,7$) с незаконченным высшим образованием. В качестве тестового материала использовалась таблица № 14 из набора картинок Тематического апперцептивного теста (ТАТ). На таблице изображен силуэт мужчины на фоне ярко освещенного окна, вся остальная поверхность картины черная. Респондентам, которые делились на три группы, предлагалось составить рассказ по предъявляемой таблице. Первой (группа 1, $n = 70$) и второй (группа 2, $n = 70$) группам до предъявления инструкции «составьте рассказ» предлагалось оценить изображенный на картинке сюжет по 10-балльной шкале «безопасная – опасная ситуация». Далее предъявлялась инструкция. Группу 1 просили представить героя в ситуации опасности и составить рассказ по картинке. Группе 2 предлагалось представить героя в безопасной ситуации и тоже составить рассказ. Группа 3 ($n = 61$) получала стандартную инструкцию. После составления рассказа, испытуемых группы 3 просили оценить свое первое впечатление о картинке как об опасной или безопасной ситуации по 10-балльной шкале. Далее всем трем группам испытуемых задавались стандартные вопросы: «Что угрожает герою рассказа? Что нужно для достижения безопасности?». В конце исследования испытуемых просили дать ассоциации к слову «безопасность» в форме перечисления признаков. Результаты этого исследования опубликованы в статье (Харламенкова, 2012а). Для построения имплицитной концепции психологической безопасности в данной главе остановимся только на анализе ассоциаций, который показал, что чаще всего респонденты называли спокойствие ($n = 62$), уверенность в себе ($n = 46$), отсутствие угроз,

опасности ($n = 39$), защищенность ($n = 35$), позитивное окружение ($n = 33$).

Близкие по смыслу слова были объединены в группы ассоциаций. Всего было выделено 11 групп. По частоте ассоциаций (от большей к меньшей) они распределились таким образом: пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); защита от внешних угроз, защищенность; внешний комфорт (жилье, семья); активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность). Остальные группы ассоциаций – свобода, самореализация; порядок, контроль, соблюдение норм, правил; здоровье; деньги, обеспеченность; единение с природой, с Богом; активные действия, противодействие; власть, государство – были представлены меньшим числом ассоциаций.

Как считает С. К. Нартова-Бочавер, кроме уже известных «стабильности» и «защищенности», психологическая безопасность соотносится с такими характеристиками, как *дом и ближайшее окружение* (причем дом, родители, друзья – это не только защита, но и суверенность, жизненная философия, саморазвитие (Нартова-Бочавер и др., 2015; Бочавер, 2015). Также с безопасностью ассоциируются *осведомленность и собственная активность* (прояснение, знание, информированность) и менее частотные, но важные характеристики – *свобода, самореализация и здоровье*. Итак, специальные процедуры сбора данных позволили расширить изучаемую область исследования и соотнести ее с собственно психологическими характеристиками. Недостаточность результатов исследования на этом этапе работы заключается в невозможности проведения количественного анализа данных (кроме частотного анализа). Решение этой проблемы было осуществлено на следующем этапе исследования.

На *третьем этапе* исследования на основе выделенных наиболее частотных ассоциаций была составлена *Анкета*, в которую были включены 60 дескрипторов. В исследовании приняли участие 423 чел. в возрасте от 18 до 55 лет (132 чел. в возрасте 18–26 лет, из них 72 чел. – мужчины, 60 чел. – женщины; 157 чел. в возрасте 27–40 лет, из них 71 чел. – мужчины, 86 чел. – женщины; 134 чел. в возрасте 45–55 лет, из них 62 чел. – мужчины, 72 чел. – женщины). Выборка была уравнена по половому признаку: в исследовании приняли участие 205 мужчин и 218 женщин разного возраста. Респондентам необходимо было определить степень близости ассоциации к слову «безопасность» в соответствии с пятибалльной шкалой, значения которой распределялись от +2 (самая близкая связь) до –2 (связь слабая или отсутствует) со значением 0 в центре шкалы. Результаты этого

исследования опубликованы в статье «Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты» (Харламенкова, 2012б).

На этом этапе исследования удалось не только расширить представления о психологической безопасности, но и провести статистический анализ данных, перейти от перечисления признаков и их объединения по принципу сходства значений слов к установлению связей между ними, т. е. построить имплицитную концепцию психологической безопасности личности. Не останавливаясь на возрастных и половых различиях, укажем на более общие результаты (о половозрастных различиях см. главу VII).

Вне зависимости от пола и возраста респондентов были выделены несколько дескрипторов, которые описывают психологическую безопасность с высокой частотой (9 слов-ассоциаций). Самую большую сумму баллов набрала ассоциация «контроль ситуации» (или порядок, предсказуемость, по Маслоу), затем по мере убывания – «самосохранение», «уверенность в себе», «здоровье», а также «владение информацией», «жизненный опыт, опытность», «надежные друзья, верность», «уверенность в окружении» и «защита, защищенность».

Таким образом, с помощью определенного психодиагностического инструмента (Анкеты) удалось повторить результаты предыдущего этапа, а также получить новые данные. Так, наряду с уже известными характеристиками, такими, как защита, защищенность, выделились первичные переменные – *самосохранение и жизненный опыт*. Далее была осуществлена процедура уменьшения количества переменных с помощью факторного анализа. Для определения числа факторов применялся критерий отсеивания Р. Кеттелла (Наследов, 2004). С этой целью строились графики собственных значений факторов. Количество факторов определялось по точке перегиба на графике собственных значений до его выхода на прямую после резкого спада; если точку перегиба обозначить K , то можно выделить количество факторов, равное $K - 1$, K и $K + 1$. Мы использовали критерий K .

Благодаря статистическому анализу выделились следующие три фактора:

- 1) «*позитивное окружение*» (22,1%) – «надежный спутник, опора» (0,7), «дом, жилье» (0,63), «поддержка, помощь» (0,62), «защита, защищенность» (0,6), «уверенность в окружении» (0,5), «надежные друзья, верность» (0,5);

- 2) «*опытность, информированность*» (11,4%) – «контроль ситуации» (0,7), «жизненный опыт, опытность» (0,6), «физическая подготовка, сила» (0,6), «владение информацией» (0,6);
- 3) «*внутренний комфорт*» (6,8%) – «равновесие» (0,7), «надежность» (0,6).

По результатам этой части исследования можно сделать такой вывод: если на первых этапах исследования ведущими показателями психологической безопасности выступали очевидные характеристики – спокойствие, стабильность (пассивный внутренний комфорт) и защищенность, то, согласно статистическим данным, психологическая безопасность представляется не только как *внутренний комфорт*, но и как наличие *позитивного окружения и опытности, информированности*.

Полученные данные позволяют понять, что психологическая безопасность – это не просто отсутствие угроз, а в случае их наличия – защита от них, ощущение стабильности и комфорта, но и психологические ресурсы человека, обеспечивающие безопасность – социальное окружение и владение информацией, жизненный опыт. Следует заметить, что в разном соотношении эти три фактора были выделены в каждой из трех возрастных групп – 18–26, 27–40 и 45–55 лет (подробнее см. главу VII).

Цель последних двух этапов исследования состояла в определении перспектив построения эксплицитной (научной) концепции психологической безопасности и в реализации ряда задач, связанных с конструированием этой концепции.

2.4. Эксплицитная теория психологической безопасности

На *четвертом этапе* исследования осуществлялся поиск оснований для построения эксплицитной концепции, но не сугубо опытным путем, а с помощью научных процедур – экспликации, сравнения, обобщения. Для этого важно было сравнить результаты диагностики психологической безопасности, полученные нами на разных выборках. Объектом исследования стала выборка солдат срочной службы ($n = 123$ чел., исполнитель – Е. Н. Дымова). В перспективе планируется расширить спектр сравнения данных и включить результаты обследования пациентов НИИ нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко, оперированных по поводу менингиомы (исполнитель – Л. Х. Кузнецова-Ароян) и данные, полученные на выборке сотрудников энергетической отрасли – оперативный состав (исполнитель – О. А. Ворона).

Анализ данных, полученных на выборке солдат срочной службы (см. главу V), подтвердил, что трехфакторная структура психологической безопасности личности – позитивное окружение, опытность/информированность, внутренний комфорт, устойчиво обнаруживается на разных группах респондентов. Однако важно и то, что состав этих факторов, их место в иерархии в зависимости от ситуации, обстоятельств, физического и психического состояния человека может меняться; факторы могут расщепляться. Последний вывод был сделан после того, как выборка солдат срочной службы была разделена на две подгруппы. Критерием деления стал показатель психической травматизации ИТ (Индекс травматизации по Опроснику травматических ситуаций – Life Experience Questionnaire, LEQ) (Тарабрина, 2007). Выборка (n = 123) была разделена на две подгруппы: N – группа с низкими значениями ИТ – и T – группа с высокими значениями по показателю ИТ методики LEQ (медианный критерий). В первую группу (n = 57) вошли респонденты со значениями по ИТ ниже 1,7 балла, во вторую группу (n = 66) – респонденты со значениями по ИТ выше 1,8 балла. Высокие показатели ИТ указывают на наличие у человека признаков посттравматического стресса, вызванного влиянием стрессоров высокой интенсивности (полный анализ результатов данного исследования проведен в главе V).

В подгруппе N выделилось три фактора: 1 фактор – *самосохранение* – «самосохранение» (0,82), «компетентность, ум» (0,73), «равновесие, стабильность» (0,72), «здоровье» (0,62) – собственный вес равен 3,08, процент объясняемой дисперсии – 31,4%; 2 фактор – *позитивное окружение* – «доверие» (0,83), «надежные друзья, верность» (0,82), «позитивное окружение» (0,80), «любовь» (0,7), «надежность» (0,64), «поддержка, помощь» (0,62), «уверенность в окружении» (0,62), «мудрость» (0,60); собственный вес равен 2,1, процент объясняемой дисперсии – 14,6%; 3 фактор – *опытность, информированность* – «уверенность в себе» (0,74), «физическая подготовка, сила» (0,72), «жизненный опыт» (0,67), «контроль ситуации» (0,65), «терпимость, сдержанность» (0,61); собственный вес равен – 1,8, процент объясняемой дисперсии – 11,3%.

Интересно, что в выборке солдат срочной службы (подгруппа N) равновесие, стабильность как составляющие фактора *Внутренний комфорт*, коррелируют с «самосохранением», и этот фактор является ведущим. Также интересно, что при высоком уровне психической травматизации (подгруппа T), ведущее место начинает занимать фактор *Позитивное окружение*, а фактор *Опытность, информированность* – последнее: 1 фактор – *позитивное окруже-*

ние – «доверие» (0,75), «свобода» (0,73), «любовь» (0,73), «надежные друзья, верность» (0,67), «равновесие, стабильность» (0,65), «надежность» (0,62), «уверенность в окружении» (0,53); собственный вес равен 4,2, процент объясняемой дисперсии – 22%; 2 фактор – само-сохранение – «самосохранение» (0,73), «контроль ситуации» (0,71), «ответственность, долг» (0,70), «мудрость» (0,66); собственный вес равен – 2,2, процент объясняемой дисперсии – 11,8%; 3 фактор – опытность, информированность – «здоровье» (0,76), «уверенность в себе» (0,65), «жизненный опыт, опытность» (0,64), «физическая подготовка, сила» (0,62), «терпимость» (0,54); собственный вес равен 1,7, процент объясняемой дисперсии – 8,9% (Дымова, Тарабрина, Харламенкова, 2015).

Итак, расширение области неявного знания, осуществленное эмпирическим путем, позволило дополнить исходное представление о психологической безопасности как о состоянии защищенности новыми данными. Прежде всего, в структуру представлений о психологической безопасности были включены два дополнительных компонента «позитивное окружение» и «опытность, информированность», а также отдельные переменные – «свобода», «самореализация», «здоровье». Путем сокращения списка переменных были выделены три фактора, которые повторяются при исследовании разных выборок и которые можно рассматривать как высоковероятные составляющие психологической безопасности, достаточные для ее понимания.

Целью последнего, *пятого этапа* стало построение теории психологической безопасности личности, которая с необходимостью должна «сокращать... извилистые пути опыта», ведь «только та наука превосходит остальные, которая менее других отягощает человеческий ум множественностью» – пишет Ф. Бэкон (цит. по: Никитин, 2004). Можно ли, однако, считать, что расширение области неявного знания, а потом уже на новом уровне понимания проблемы ограничение множества выделенных переменных позволило нам увидеть что-то четче, яснее, шире? Не является ли полученная информация лишь повторением того, что мы знали о психологической безопасности в самом начале, другими словами? Наверное, эти сомнения имели бы основания, если бы за выделенными факторами не была обнаружена сложная и многоаспектная картина изучаемого феномена. В. А. Лекторский пишет: «То, что раньше казалось ясным, интуитивно понятным и простым, в результате рефлексии оказывается достаточно сложным и нередко проблематичным, а иной раз просто ошибочным» (Лекторский, 1980, с. 261).

Именно для того, чтобы не сделать ошибок при построении эксплицитной концепции психологической безопасности, нужно было представить выделенные факторы – «*позитивное окружение*», «*опытность, информированность*» и «*внутренний комфорт*» – в виде психологических конструкторов (рисунок 2.1).

Позитивное окружение как составляющая психологической безопасности должна быть особым образом специфицирована именно относительно проблемы безопасности. Эта спецификация состоит в том, что позитивное окружение позволяет личности осуществить экспансию, расширение своего Эго путем *присвоения* (*приватизации*, по Нартовой-Бочавер, 2005) части реальности. При этом присвоение дает возможность, с одной стороны, надеяться на социальную поддержку, а с другой, устанавливать и сохранять границы своего психологического пространства (*суверенность*), дифференцируя себя от других. Эти две «стратегии» показывают разную функциональность позитивного окружения: 1) как возможной опоры, поддержки в трудных жизненных ситуациях, 2) как условия для формирования своей суверенности. В одном из наших исследований выявлено, что при высоком уровне посттравматического стресса уровень суверенности психологического пространства личности оказывается низким, а ожидание социальной поддержки от ближайшего окру-

Рис. 2.1. Модель психологической безопасности

жения – высоким (Харламенкова, 2015). Эти механизмы позволяют личности искать опору во внешнем мире, одновременно сохраняя ее аутентичность.

Опытность, информированность как составляющая психологической безопасности обнаруживает себя в стратегии освоения реальности, по-видимому, и той, которая была *присвоена* (путем обращения к жизненному опыту, укрепления уверенности), и той, которая не входит в психологическое пространство личности (в данном случае – путем поиска информации, установления контроля за ситуацией и др.). Направленность освоения реальности, также как и ее присвоения, может быть разной. Это обращение к своему опыту и опыту других людей, поиск информации и т. д. Освоение реальности может проявляться, в частности, и в избегании угроз и опасностей, т. е. в виде стратегии поиска временного психологического убежища. В целом же психологическая безопасность, реализуемая посредством обращения к опыту и с помощью поиска информации, позволяет человеку принять решение о степени опасности ситуации и необходимости предпринимать усилия для совладания с ней. В какой-то мере *опытность, информированность* можно рассматривать как конструкт, посредством которого человек проявляет себя как активный субъект своей жизни (Рубинштейн, 1976).

Внутренний комфорт как составляющая психологической безопасности обнаруживается в *переживании* психологической безопасности, в том, какие чувства связывает человек со своей безопасностью. Различия в переживании безопасности также вполне очевидны. Это и переживание спокойствия, стабильности; переживание защиты и защищенности; переживание свободы и наличие чувства собственного достоинства. Внутренний комфорт возникает при удовлетворении потребности в безопасности, при достижении состояния спокойствия, стабильности, равновесия, которые обычно сохраняются на непродолжительное время. Однако если при этом сопоставить понятие внутреннего комфорта с понятием психологического благополучия, то можно, увидев их понятийную близость, определить те устойчивые внутренние ресурсы – когнитивные, личностные и др., которые обеспечивают человеку возможность совладать с самыми трудными и экстремальными жизненными ситуациями и сохранять достаточный для нормального функционирования уровень психологического благополучия на долгое время. С этой точки зрения внутренний комфорт – это не пассивное состояние благополучия, а тот внутренний ресурс человека, к которому он обращается в тех или иных сложных жизненных обстоятельствах.

Научный опыт, как пишет Е. П. Никитин, анализируя труды Ф. Бэкона, строго специализирован в плане его *цели*, которая состоит в решении исключительно исследовательских задач. Такие опыты сами по себе не приносят пользы, но содействуют прояснению неясного. Бэкон называет их «светоносными» и полагает, что они не обманывают и не разочаровывают. Полученные нами данные в какой-то степени проливают свет на непростую проблему психологической безопасности личности и дают основание сформулировать новое определение этого феномена.

Психологическая безопасность – это стремление личности сохранять свою самобытность и суверенность для достижения ощущения стабильности и целостности посредством психологических механизмов присвоения и освоения реальности.

Опыт решения научных (исследовательских) задач, который Бэкон назвал *светоносным*, не исключает возможности опытов другого рода – *плодоносных*, направленных на сугубо практические цели. Проведенные нами исследования позволяют увидеть на практике разные типы переживания психологической безопасности, а также динамику присвоения, освоения реальности в зависимости от условий, жизненных обстоятельств и психологического благополучия/неблагополучия личности (см. главу VIII). Востребованность изучения психологической безопасности практикой вызвана тем, что в современном мире, кроме самих по себе опасных ситуаций и их влияния на человека, стали принимать во внимание особенности личности – когнитивные, аффективно-потребностные, мотивационные характеристики, которые могут выступать предикторами поведения, как в нормальных, так и в экстремальных жизненных ситуациях. Доказательство того факта, что представление о психологической безопасности не ограничено одним лишь представлением об угрозе и опасности, открывает возможности для ее дальнейшего изучения с помощью номотетического и идиографического методов.

Представленные в этой главе результаты разработки имплицитной и эксплицитной концепции психологической безопасности задают определенное направление дальнейшего анализа проблемы. В последующих главах книги будет обсуждена проблема угрозы и опасности, их дифференциации (глава III), а также рассмотрены составляющие психологической безопасности – позитивное окружение – суверенность и социальная поддержка (главы IV–V), опытность, информированность (глава VI), индивидуально-психологические различия, в том числе по показателю «внутренний комфорт»

(глава VIII). В системе различных переменных будет проанализирована проблема посттравматического стресса и психологической безопасности (глава IV). Отдельное внимание уделено половозрастным различиям в представлении о психологической безопасности личности (глава VII).

По существу, в последующих главах книги на разном эмпирическом материале проводится верификация эксплицитной концепции психологической безопасности.

Подводя итоги исследования, хотелось бы понять, почему уже на первом этапе исследования нам не удалось получить достаточную информацию о том, что такое психологическая безопасность?

Этот вопрос, по всей видимости, не так прост, каким кажется на первый взгляд, и за ним скрываются более сложные, экзистенциальные вопросы, касающиеся проблемы жизни и смерти. Действительно, практически для любого человека безопасность переживается как состояние физического и психического благополучия, т. е. как такое состояние, когда сохраняется физическая целостность индивида и его человеческое достоинство как субъекта и личности. Любые объективно опасные обстоятельства представляют для человека угрозу. При этом нельзя не учитывать и субъективные факторы, например, такой комплексный фактор, как жизненный опыт, благодаря которому человек лучше или, наоборот, хуже справляется с различными обстоятельствами жизни. Если жизненный опыт субъекта является травматическим и он оказался уязвимым в отношении влияния стрессоров высокой интенсивности, то проблема психологической безопасности становится для него ключевой и тесно соотносится с темой смерти, а вопрос о ней вызывает защитную реакцию, т. е. отрицание, игнорирование или преобразование негативных переживаний в позитивные. «Отрицание реальности – переходная фаза между игнорированием и принятием реальности; чуждый и потому враждебный внешний мир может, несмотря на боль, войти в сознание, – если к боли добавлен знак «–», то есть если она отрицается» (Энтони, 2009, с. 207).

И наоборот, рассматривая психологическую безопасность как возможность самореализации своих потенциалов, субъект демонстрирует этим определенный уровень психологического благополучия, который обеспечивает ему возможность планировать свою жизнь, не ощущая постоянного страха смерти. Из этого следует, что психологическая безопасность – это не только отсутствие опасности, но и наличие ресурсов справляться с реальными угрозами, и способность к личностному росту, к поступательному развитию,

ведь не менее реальной опасностью для человека является стагнация его развития как личности, которая во многом символизирует его уход от активной жизни.

Этот вывод полностью совпадает с суждением Л. И. Анцыферовой: «Перед лицом жизненных ситуаций, проблем, испытаний человек должен сделать выбор: противостоять ли угрожающим обстоятельствам, внести в жизнь определенность, – или любыми путями уклоняться от тяжелых переживаний, уйти от трудных ситуаций, нередко жертвуя своими духовными ценностями. В последнем случае жизнь человека как личности опускается на более низкий уровень, который тяготеет к полюсу небытия, ибо только небытие полностью избавляет человека от опасностей и страданий» (Анцыферова, 2004, с. 17–18).

ГЛАВА III

ИМПЛИЦИТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОПАСНОСТИ И УГРОЗЕ

3.1. Понятия угрозы и опасности в концепции психологической безопасности

Человеку удалось преодолеть многие из тех опасностей, которые угрожали его существованию в предыдущие века. Продолжительность его жизни увеличилась благодаря развитию медицины, доступные ему технологии совершенствуются, он стал значительно лучше контролировать вредоносные факторы окружающей среды. Большая часть населения земли стала жить в большем достатке и с большей уверенностью в завтрашнем дне, чем когда-либо прежде (Боуэн, 2008). Однако в современном технологизированном мире угрозы качественно изменились, стали все больше приобретать информационный характер. Изменяется проницаемость границ для информационного воздействия как на уровне индивида, так и на уровне общества в целом. Свидетельством этого может являться популярность социальных сетей (к примеру, Фэйсбук, Вконтакте и т. п.), где в режиме онлайн человек делится событиями, происходящими с ним, своими мыслями, чувствами. Его границы становятся все менее и менее определенными, они растворяются. В то же время наблюдается нарастающая отчужденность, холодность между людьми. В виртуальном мире границы человека становятся все более открытыми, тогда как в реальном мире границы закрываются.

Понятия «угроза» и «опасность» являются одними из ключевых при рассмотрении концепции психологической безопасности, так как стремление к безопасности наиболее остро переживается в ситуации опасности и слабо или вообще не проявляется при отсутствии таковой. Категории, составляющие семантическое поле конструкта психологической безопасности, не всегда имеют четкое

определение и часто используются как взаимозаменяемые. В частности, понятия опасности и угрозы, с одной стороны, могут подменяться понятием «тревожность», а с другой – сами часто используются как синонимы.

Так, В. З. Дворкин предлагает следующие определения угрозы и опасности. Угроза понимается как «потенциально возможное или реальное действие или явление, способное нанести моральный или материальный ущерб» (Национальная и глобальная безопасность, 2002, с. 89). Опасность трактуется им как «возможные или реальные явления, события и процессы, способные нанести вред человеку, социальной группе, обществу, государству, человеческому обществу и Земле или даже уничтожить их, нанести ущерб их благополучию, разрушить материальные, духовные или природные ценности, вызвать деградацию, остановить развитие» (там же, с. 85).

В военной политологии все шире утверждается мнение, что угроза – это крайняя степень опасности (непосредственная опасность), а опасность есть возможная (потенциальная) угроза в ограниченных масштабах (Гацко, 1997). Кроме того, подчеркивается персонифицированный, адресный характер угрозы. Опасность же носит гипотетический, часто безадресный характер, ее субъект и объект явно не выражены (там же). Другими словами, угроза – это «опасность, переживаемая как вероятность перехода этой опасности из возможности в действительность, высказанное намерение или демонстрация готовности одних субъектов нанести ущерб другим» (Национальная и глобальная безопасность, 2002, с. 86).

Существуют различные классификации опасностей (Матвеева, Лаврова, 2011; Бельков, Мирошниченко, 2008; Коротец, 2003; Щербатых, 2002). Наиболее распространенная классификация опасностей базируется на источнике их происхождения. Например, природные, техногенные, информационные, социальные, экономические опасности и т. д. (Дворкин, 2002). В качестве критерия для разделения опасных ситуаций выделяется также направление воздействия опасности. Например, опасность для здоровья, жизни, социального статуса субъекта. Выделяют четыре основных уровня воздействия опасности и обеспечения безопасности. Самый высший уровень – мировой или глобальный, следующий уровень – уровень отдельных государств, далее уровень социальных групп (с различным количеством членов группы) и низший – индивидуальный уровень (Коротец, 2003). На таком подходе строится и соответствующая классификация опасностей: глобальные, национальные, профессиональные и т. д. (Национальная и глобальная безопасность, 2002). Е. В. Лав-

рова на основе данных своего эмпирического исследования предложила новую классификацию опасных ситуаций, базирующуюся на субъективных представлениях о них (Лаврова, 2009). По данным ее исследования, в представлении людей опасности можно разделить на четыре типа: первый тип – «непреодолимые личные опасности», например, наступление старости, смерть, изменения во властных структурах; второй тип – «повседневные опасности», например, позднее возвращение родственников домой, ссора и др.; третий тип «ситуации, в которых субъект виноват сам» – испытывать ощущение ненужности, заплывать далеко в море; четвертый тип – «глобальные, фатальные опасности», такие как землетрясение, крушение самолета, поезда, пожар.

Предложены сходные классификации угроз. Так, угрозы могут быть классифицированы по объектам, величине нанесенного ущерба, по вероятности возникновения, по причинам воздействия, по направлениям и целому ряду других показателей (Национальная и глобальная безопасность, 2002) (см. рисунок 3.1).

Критерии выделения опасностей и угроз очень сходны, что свидетельствует и о сходстве значений этих понятий.

Рис. 3.1. Классификация угроз (Национальная и глобальная безопасность, 2002)

Другой близкий термин – *риск*. Понятие риска связывается в науке как с характеристиками действий человека, так и с объективными обстоятельствами его жизни и деятельности в обществе (Корнилова, 2003). Фактор риска рассматривается и в качестве свойства ситуации, и в качестве личностного свойства, которое имеет статус диспозиционального, но проявляемого при определенных условиях. Н. Луман указывал на различие понятий в связи с позицией наблюдателя, относя риск к субъекту, а опасность – к его среде, т. е. внешним факторам развития макро- или микроситуации (Луман, 1994). Риск как опасность потерь, выражаемых в измерениях ущерба возможного при выборе той или иной альтернативы, стал предметом многочисленных исследований. Авторы «проспективной теории» показали, что человек предпочитает меньшую величину приобретений, если получение денег детерминировано, при этом он отказывается от вероятностно заданной альтернативы с более высокой суммой в случае выигрыша. А. Тверски и Д. Канеман продемонстрировали, что люди предпочитают избегать риска или принимать условия риска в зависимости от образа ситуации, на который влияют формулировки альтернатив, задаваемых в позитивном и негативном ключе. Так, они описали «эффект рамки» – зависимость выборов от контекста ситуации. Показано, что люди не идут на риск, когда стремятся избежать опасности и рассчитывают на позитивный исход. Если же они ориентированы на негативный исход, то в таком случае они принимают вероятностные условия риска подвергнуться опасности, т. е. люди переоценивают однозначные исходы по отношению к вероятностным. Это было названо также «эффектом определенности» (Корнилова, 2003).

Существуют и другие модели риска, среди которых можно отметить модель выбора риска Д. Аткинсона, концепцию неадаптивной активности личности А. В. Петровского и др. (подробнее о риске см.: Ильин, 2012). Понятие риска дифференцируется от понятий опасности и угрозы и чаще приписывается субъекту или процессу взаимодействия субъекта с опасными ситуациями. Таким образом, исследования риска в психологии представляют собой самостоятельную обширную область, а понятия угрозы и опасности неотделимы от конструкта психологической безопасности.

Для того чтобы субъект оценил ситуацию как угрожающую, она, по-видимому, должна обладать рядом параметров.

В работе П. Словик представлены факторы, значимые для людей при определении «риска возникновения травматического события», от которых зависит оценка людьми существующей угро-

зы: возможность личного контроля над ситуацией, потенциальная опасность, страх, ужас, степень знакомости, понимание ситуации, воздействие на детей, проявление последствий, влияние на будущие поколения, обратимость, количество жертв, доверие правительственным институтам, доверие к СМИ, историческая значимость ситуации, умышленность воздействия, справедливость, выгода, причины (Slovic, 1979).

Некоторые исследования подтверждают, что человек оценивает риск и угрозу, основываясь на чувстве контроля над ситуацией. Оценка людьми рисков не является функцией от среднегодовой смертности в соответствии с имеющимися в распоряжении данными СМИ, а в большей степени зависит от различной атрибуции риска (Propper et al., 2001).

В связи с проблемой реальной и воспринимаемой угрозы показано, что для возникновения негативных переживаний угрозы не обязательно наличие реальной угрозы. На восприятие опасности оказывает влияние множество характеристик, таких как пол, возраст, индивидуально-психологические особенности. Так, в диссертационной работе Н. В. Родионовой были выявлены половые различия в понимании радиационной опасности (Знаков, 2005). Женщины, согласно этому исследованию, склонны приписывать более высокие оценки возможности пострадать от радиации. Причем это характерно как для объективно опасных, так и объективно безопасных ситуаций. В нашей работе по изучению переживания террористической угрозы продемонстрировано, что поступающая из СМИ и других средств коммуникации информация о терактах и их предполагаемых последствиях (количество жертв, особенности повреждений и пр.), а также «внутренняя» информация в форме воспоминаний о прошлых террористических событиях и их последствиях, является пусковым механизмом, определяющим повышение значения субъективной оценки риска стать жертвой очередного теракта (Быховец, 2008; Быховец, Тарабрина, 2013). К числу возможных предикторов интенсивных переживаний террористической угрозы, по данным нашего исследования, может быть отнесена эмоциональная нестабильность, т. е. к данному виду переживания склонны психически неустойчивые индивиды. Переживание угрозы теракта сопряжено с высоким уровнем признаков посттравматического стресса, что позволяет относить феномен террористической угрозы к числу травматических стрессоров. Специфичность ответов мирного населения различных регионов РФ на террористическую угрозу свидетельствует о низкой толерантности к данному виду стрессора. По-

казано, что проживание в регионе с высокой частотой совершения терактов (Чеченская Республика) увеличивает риск возникновения переживания террористической угрозы и посттравматических реакций. Удаленность от мест совершения терактов (Забайкалье) снижает интенсивность переживания угрозы терактов.

Важным направлением в русле изучения восприятия угроз является обращение к личностным свойствам. Значительное место в этом направлении занимают исследования толерантности к неопределенности (ТН), под которой понимается толерантность к неясности, двусмысленности, многозначности стимулов, сложности их интерпретации (Корнилова, 2003). Конструкт толерантности к неопределенности в эмоциональной и когнитивной сферах человека предложен Э. Френкель-Брунвик. Так, ТН характеризует когнитивный стиль, систему верования, установки, межличностное и социальное функционирование, поведение в ситуациях решения проблем, а также распространяется на восприятие (Корнилова, 2003). Люди по-разному относятся к неопределенности, которая так же, как и угроза/опасность, вызывает тревогу и беспокойство вследствие осознания человеком своей уязвимости. Т. В. Корнилова с соавт. создали новый опросник толерантности к неопределенности, в котором представлены три шкалы: толерантность к неопределенности (ТН), интолерантность к неопределенности (ИТН) и межличностная интолерантность к неопределенности. Структурное моделирование позволило установить связи этих трех шкал с готовностью к риску и к принятию решений, с использованием интуиции. Получены данные о связи соответствующих свойств с интеллектом и креативностью: толерантность к неопределенности положительно предсказывает креативность сверх вклада интеллекта; показано, что ТН способствует созданию креативного продукта, а ИТН препятствует (Корнилова, 2015). Впервые личностные черты толерантной и интолерантной личности определил Г. Оллпорт. Так, например, для толерантной личности характерны ответственность, внутренний локус контроля, ориентация на себя, меньшая склонность к порядку, способность к эмпатии, чувство юмора и т. п. Интолерантность к неопределенности проявляется у авторитарных личностей (Г. Оллпорт, Э. Фромм, Т. Адорно и др.).

Продолжая представление личностных свойств, связанных с восприятием угрозы и опасности, можно назвать исследования базисных убеждений о доброжелательности/враждебности окружающего мира и значимости собственного Я (в рамках концепции Р. Янофф-Бульман), исследования уровня веры в опасный мир (Гулевич, Бе-

беничева, 2013). Таким образом, ряд исследователей связывают восприятие уязвимости перед возможной опасностью с наличием у человека определенных личностных свойств, тогда как, по мнению других, это обусловлено ситуацией: серьезным заболеванием или мыслями о смерти, нарушением личной неприкосновенности, изоляцией от семьи и друзей и т. д. (Agustin, 2009; Arndt et al., 2002; Castano, Dechesne, 2005).

Наша работа посвящена другому направлению – изучению имплицитных представлений об угрозе и опасности. Исследование выполнено в рамках проекта разработки теоретической модели психологической безопасности. Представления об угрозе и опасности – чрезвычайно важная составляющая в картине мира человека. От ощущения наличия потенциальной опасности зависит мироощущение человека, уровень его тревожности. Выделяются ситуации, объективно представляющие угрозу, и ситуации, которые оцениваются человеком как представляющие угрозу, но не являющиеся таковыми объективно. В этом случае мы говорим о двух состояниях, в которых пребывает человек – это страх и тревога. Страхи человека предметны, по отношению к их предмету можно что-то сделать. В отличие от страха тревога неопределенна.

В современном обществе количество источников страха все время растет. Более того, чрезмерная концентрация СМИ на информации о существующих и потенциальных угрозах способствует формированию представлений о том, что жить небезопасно. В связи с интенсивным воздействием информационной среды на современного человека и актуальностью проблемы информационно-психологической безопасности, в науке идет поиск эффективного механизма сохранения и защищенности основных психологических характеристик личности. Таким образом, разработка концепции психологической безопасности с необходимостью должна включать в себя рассмотрение понятий угрозы и опасности. В сознании субъекта категории «опасность» и «безопасность» отражаются в форме представлений о них.

3.2. Теоретический подход к изучению представлений об угрозе и опасности

По мнению А. О. Прохорова, языковое сознание является звеном, опосредующим влияние разнообразных факторов жизнедеятельности субъекта, оно является как бы «осознаваемым фундаментом», через который преломляются любые воздействия на личность, об-

условливая возникновение состояний и их разнообразие (Прохоров, 2004). Представления о тех или иных явлениях выражают отношение человека к ним. Согласно теории отношений В. Н. Мясищева, вся психическая деятельность людей в значительной мере определяется отношением человека к объектам и процессам действительности, к другим людям, к самому себе. Таким образом, в возникновении психических состояний как реакций на любые воздействия среды главная роль отводится тому, как человек интерпретирует эти воздействия, опираясь на имеющиеся знания, какими смыслами их наделяет, иными словами, как он к ним относится (Ганзен, Юрченко, 2004).

Во второй половине прошлого века внимание психологов привлекла необходимость исследования того, как люди представляют себе различные явления в «обыденном сознании». К настоящему времени исследование социальных представлений является одним из самых приоритетных и перспективных направлений в психологии. Об актуальности данной проблемы можно судить по развитию адекватных институциональных рамок для объединения и коммуникаций исследователей социальных представлений. Так, с 1992 г. каждые два года проводятся международные конференции, посвященные социальным представлениям, учреждена Ассоциация по их изучению, действует Международная информационная сеть, расширяется география исследований.

В настоящее время концепция социальных представлений используется психологами для изучения широкого круга психологических феноменов. Существуют несколько концепций представлений, в которых они имеют разные названия: коллективные представления, собственно социальные представления, имплицитные концепции. Одной из наиболее известных современных концепций социальных представлений является концепция С. Московичи. Предпосылки этой теории обнаруживаются в идее «коллективных представлений» Э. Дюркгейма, который пытался объяснить, каким образом знание, добываемое индивидом, становится коллективным достоянием. Коллективное представление обретает стабильность благодаря его воспроизведению и передаче от одного поколения к другому. Концептуализация этого понятия принадлежит Л. Леви-Брюлю. Он говорил о холизме (целостности) представлений, который выражается в том, что семантическое содержание каждой идеи (убеждения) зависит от сцеплений представлений с другими идеями (убеждениями). Особенное внимание он уделял способам подхода к коллективным представлениям: искать эти представления надо

в деталях, в наиболее тривиальных сторонах языка или поведения, обращать внимание на наименее ясные интерпретации, на случайные метафоры. Московичи подчеркивал, что, согласно концепции Леви-Брюля, любое коллективное представление обладает одинаковой связностью и значимостью (Воловикова, 2004).

Одно из центральных положений, формулируемых С. Московичи, состоит в том, что социальные воздействия способны подчинять себе разум отдельно взятого человека. Люди в группе меняют свои психические качества. Индивид, попавший в группу, отказывается затрачивать усилия на осмысление социальной действительности и ведет себя как «когнитивный скряга», обходясь стереотипами – расхожими представлениями. Московичи подчеркивает, что уникальность теории социальных представлений связана с тенденцией становиться общей теорией социальных явлений. И власть, и общие интересы, для того чтобы быть признанными, должны опираться в обществе на представления или ценности, придающие им смысл. Московичи считает: «И лишь когда знания и технологии превращаются в убеждения, они объединяют людей и становятся некоей силой, позволяющей преобразовать их из пассивных членов сообщества в активных, участвующих в коллективных действиях и во всем том, что делает общественную жизнь полнокровной» (Московичи, 1995, с. 6).

Согласно концепции Московичи, знание о том или ином объекте реальности вырабатывается в контексте широко понимаемого общественного взаимодействия людей, содержание которого фиксируется в текстах СМИ, политическом и других видах дискурса. Субъектом, носителем этого знания являются не отдельные индивиды, а большие социальные группы. Социальное представление рассматривается как основной исследуемый феномен общественного знания, который вырабатывается группами в ситуациях дефицита информации и разного рода угроз, тем самым выполняя важные социальные функции.

Социальные представления рассматриваются как фактор, конструирующий реальность, причем эта реальность является не только индивидуально-психологической, но и социальной. По мнению Московичи, формирование представлений является психологической необходимостью социальной жизни. Социальные представления всегда являются способом интерпретации и осмысления повседневной реальности. Они являют собой определенную форму социального познания, предполагающую когнитивную активность индивидов и групп и позволяющую им фиксировать свою позицию по отноше-

нию к затрагивающим их ситуациям, событиям, объектам и сообщениям. Будучи достаточно устойчивыми и в то же время мобильными когнитивными образованиями, социальные представления создают возможность быстрой переориентации индивида в меняющейся действительности, особенно в условиях недостаточно полной или неоднозначной информации о воспринимаемом объекте.

Другой используемый термин – «имплицитные концепции», восходящий к традициям североамериканской науки, заложенным Г. Оллпортом; терминологического противопоставления имPLICITных и EXPLICITных, т. е. научных, концепций придерживаются американские и некоторые японские, финские и отечественные психологи. Под имPLICITными концепциями психологи понимают обыденные представления людей о различных явлениях. Так, например, в 1954 г. Дж. Брунер и Р. Тагиури ввели понятие «имPLICITная теория личности» («теория личности здравого смысла»), под которым они понимали одну из форм социального восприятия, включавшую в себя представления индивида о структуре и механизмах функционирования личности.

Некоторые исследователи не видят существенных различий между имPLICITными концепциями и понятием «социальные представления». Однако создатель теории социальных представлений С. Московичи не соглашается с таким обобщением, подчеркивая определяющую роль коммуникации в социальном конструировании. Социальные представления, или «социальные репрезентации», определяются как фактор, конструирующий реальность не только для отдельного индивида, но и для целой группы. Социальные представления называют также «теориями здравого смысла», «объектами, сконструированными социальной группой», подчеркивают их зависимость от социальных субъектов и считают, что они основаны на коммуникации, касающейся обсуждаемых вещей. За отправную точку в теории социальных представлений берется система идей, установок, ценностей и практик, которые разделяются членами данной социальной группы. Эти социальные представления порождаются социально, социально поддерживаются и социально передаются индивидам в группе.

Конструирование социальных представлений нельзя считать преднамеренным действием, оно является событием, происходящим помимо какого-то специального намерения людей. Этот вопрос касается проблемы осознаваемости социальных представлений. Социальные представления слабо осознаются и обычно проявляются в результате напряженности, возникающей между отдельными

людьми и между коллективами. Вне такой напряженности, неопределенности речь может идти о предмете когнитивной психологии или социологии знания, а не о социальной репрезентации. Социальное окружение существует для людей постоянно как некая онтологическая реальность, т. е. нечто, что ставится под сомнение только при особых обстоятельствах. Московичи говорил, что без предмета, значимого и релевантного для социальной группы и, следовательно, вызывающего общественный дискурс и символическую разработку, поиск разделяемых представлений не имеет особого смысла. Такими значимыми и релевантными предметами могут быть неожиданные последствия или побочные эффекты коллективных действий, которые вынуждают группу справляться с ними, делая «незнакомое знакомым» для того, чтобы отвести событию место в социальном мире группы (Емельянова, 2001).

3.3. Методические возможности изучения социальных представлений

Социальные представления, по мнению У. Дуаза, – это «собрание человеческих мнений, аттитюдов или предрассудков» (Емельянова, 2006, с. 47). Индивидуальные представления становятся составной частью коллективных представлений, преломляясь через призму «организующих принципов метасистемы», которые могут обуславливать «различные требования к организации материала: например, в случае научной деятельности это требование применения строгих логических правил, а в ситуации конфликта одной группы с другой – направленность на защиту ее единства» (там же). Статистический анализ данных позволяет выделить эти организующие принципы, которые проявят себя как принципы общности для индивидуальных различий. Иными словами, посредством статистического анализа массива индивидуальных представлений, в нашем случае об угрозе/опасности, мы сможем выявить нечто общее для всей выборки, что можно будет классифицировать как социальные представления об угрозе и опасности.

Согласно И. Марковой, любые формы знания, в частности социально-репрезентативные, включают в себя и эксплицитное, и имплицитное знание. Поэтому эмпирическое исследование социальных представлений, по мнению Марковой, должно включать в себя как методы изучения осознанных уровней мышления, так и методы, предназначенные для изучения его неосознанных уровней. Так, нерелексивный уровень социального мышления может быть изучен

с помощью словесно-ассоциативных заданий. Рациональный же уровень предполагает возможность размышления, что фиксируется, например, с помощью интервью (Емельянова, 2006).

В практике психологического исследования наиболее известны две группы методов, ориентированные на анализ содержания мало осознаваемых, с трудом вербализуемых феноменов. Это проективные и психосемантические методы, однако в массовом исследовании вряд ли оправданно применение трудоемких проективных методик, разработанных в русле исследований психологии личности, так же как и репертуарных решеток Дж. Келли, имеющих целью исследование уникальности и своеобразия отдельной личности. Психосемантические же методы уже доказали возможность их использования для анализа широкого круга социальных явлений (Петренко, 1998). Основной метод экспериментальной психосемантики – построение субъективного семантического пространства, под которым понимается совокупность определенным образом организованных признаков, описывающих и дифференцирующих объекты некоторой содержательной области. В массовых исследованиях наиболее удобным методом, позволяющим определить набор основных понятий, ставших символами изучаемого конструкта в сознании людей, является ассоциативный эксперимент. Данный методический подход позволяет реконструировать семантическое содержание образа в коллективном сознании.

Ассоциативный эксперимент является наиболее разработанной техникой семантического анализа. Общая схема ассоциативного эксперимента заключается в следующем: испытуемому предъявляется слово-стимул и требуется дать первые пришедшие на ум ассоциации, причем возможны как свободный ассоциативный эксперимент, где респондент не ограничен в выборе возможных ассоциаций, так и направленный, где его ассоциативный поток ограничен по инструкции рамками некоторого грамматического класса. Главными преимуществами ассоциативного эксперимента являются его простота, удобство применения, так как он может проводиться с большой группой испытуемых одновременно. Как отмечают многие исследователи, характер ассоциаций зависит от возраста, пола, образовательного уровня, профессии респондентов. Это означает, что ассоциативная техника отражает как когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, так и индивидуальные особенности испытуемых, их личностные смыслы. Последующая статистическая обработка отчасти нивелирует влияние личностного смысла, выделяя аспекты, инвариантные для всей группы людей.

3.4. Эмпирическое исследование представлений об угрозе и опасности

Исследование представлений об угрозе и опасности задумывалось нами как дополнение к имеющимся данным относительно представлений о безопасности для создания более полной модели психологической безопасности. Проведение данного исследования предполагает два этапа. Задачи первого этапа: 1) разработка методики, позволяющей эмпирически зафиксировать представления респондентов об угрозе и опасности; 2) описание структуры семантических полей понятий «угроза» и «опасность».

Целью первого этапа является определение основных признаков (дескрипторов) понятий «угроза» и «опасность». Для этого респондентам было предложено написать свои ассоциации, приходящие им на ум в связи с этими понятиями. Также респондентам предлагалось ответить на несколько открытых вопросов об угрозах и опасностях в их жизни (Считаете ли вы, что между понятиями угрозы и опасности есть различия? Можно ли выделить более и менее опасные/угрожающие ситуации? Приведите примеры современных опасностей/угроз? и т. п.)

На первом этапе исследования мы опросили 59 чел. (50 женщин и 9 мужчин) в возрасте от 17 до 40 лет (средний возраст – 23,05 года).

Полученные ассоциации были подвергнуты статистической обработке, в ходе которой все признаки были объединены в группы. Следует отметить, что ассоциации респондентов на два этих понятия были очень схожи, настолько, что некоторые респонденты даже определяли эти понятия друг через друга («Угроза – это опасность, опасность – это угроза»). Поэтому и структура семантических полей этих понятий оказалась схожей: ассоциации объединились в группы с одинаковыми названиями. Данные представлены в таблице 3.1.

Наиболее представленной группой ассоциаций, вобравшей в себя более половины всех определений как понятия угрозы, так и понятия опасности, является группа «Источники» (64,61% и 58,24% соответственно), в которую вошли определения различных угрожающих и опасных ситуаций. В качестве таких ситуаций наиболее часто указываются стихийные бедствия, нападения диких животных/насекомых, нежелательные встречи с «опасными» людьми (наркоманы, маньяки, грабители). Несколько реже респонденты сообщают о различных авариях, терактах и военных действиях.

Остальные категории ассоциаций оказались малочисленными. Категория «Характеристики» включает в себя слова, характе-

Таблица 3.1
Количественная представленность групп ассоциаций
на понятия «угроза» и «опасность»

		Угроза		Опасность	
Группы ассоциаций	Источники угрозы/опасности	272	64,61%	219	58,24%
	Характеристики	44	10,45%	33	8,78%
	Эмоциональные реакции	50	11,88%	30	7,98%
	Последствия	28	6,65%	39	10,37%
	Преодоление	12	2,86%	34	9,04%
	Другое	15	3,56%	21	5,58%
	Всего	421	100%	376	100%

ризующие угрозу или опасность (неопределенность, реальность, вероятность, тотальность и др.). Ее представленность составила 10,45% и 8,78% для угрозы и опасности соответственно. В категорию «Эмоциональные реакции» (11,88% и 7,98%) вошли различные эмоции, возникающие при восприятии и переживании угрожающих и опасных ситуаций (наиболее частые из них – тревога, страх, беспокойство). Категорию «Последствия» (6,65% и 10,37%) составили ассоциации, связанные с материальными и нематериальными последствиями воздействия различных угрожающих и опасных ситуаций (боль, потеря, ущерб, нарушение уклада жизни). Большая разница в количестве ассоциаций для этих двух понятий была получена по категории «Преодоление» (2,86% для угрозы и 9,04% для опасности). В эту категорию вошли такие ответы, как «предотвращение», «преодоление», «реагирование», «контроль», «защита» и др.

Несмотря на схожесть структур семантических полей этих понятий, при ответе на вопросы анкеты большинство респондентов отмечали, что «Угроза» и «Опасность» – это два разных понятия, имеющих различные значения. Однако эти различия видятся респондентам по-разному. Все ответы на вопрос о различии между этими понятиями можно разделить на несколько групп. Часть опрошенных (8,47%) считают, что угроза конкретна и направлена, а опасность вероятна и безлична. Другую группу ответов (22,03%) составили высказывания о том, что угроза и опасность различаются по интенсивности вызываемых переживаний, а также по серьезности последствий. При этом одни респонденты считают, что угроза

серьезнее, а другие, что опасность. Примерно такое же количество респондентов (23,73%) высказалось о том, что опасность и угроза имеют разную степень вероятности и реальности. И опять мнения респондентов разделились относительно того, что же все-таки реальнее и вероятнее – угроза или опасность. Еще одна группа ответов (15,25%) связана с мнением, что опасность и угроза имеют разные источники (например, угроза исходит от людей, а опасность существует сама по себе). Точно такое же количество респондентов (15,25%) высказалось о том, что оба эти понятия – синонимы и отличий не имеют. Последнюю группу ответов (8,47%) составили мнения о том, что угрозу и опасность можно различать по возможности избегания и контроля опасных или угрожающих ситуаций. Как и в предыдущих группах, респонденты высказываются и в пользу «угрозы», и в пользу «опасности».

Таким образом, хотя почти все наши респонденты считают, что понятия угрозы и опасности различны и должны иметь свое самостоятельное определение, единое мнение относительно такого определения невозможно даже в тех случаях, когда респонденты говорят об одном и том же критерии для разделения этих понятий. Угроза и опасность постоянно подменяют друг друга.

Мы также просили наших респондентов привести примеры угроз и опасностей. Предполагалось, что для угроз и для опасностей в пример будут приводиться разные ситуации. Было получено большое разнообразие угрожающих и опасных ситуаций, статистическое сравнение которых стало возможным только после предварительной обработки (таблица 3.2).

Мы выделили примеры опасных/угрожающих ситуаций, указываемых респондентами при ответах на все вопросы анкеты. Был получен список, состоящий из 1245 ситуаций самого разного рода. Анализ этих ситуаций позволил выделить 6 категорий: помимо трех, часто используемых в классификациях угроз другими авторами, – Антропогенные, Природные, Техногенные, мы выделили еще и Аутогенные, Физиологические и Экзистенциальные ситуации. Кроме того, самая обширная категория Антропогенных угроз/опасностей была разделена на 3 подкатегории: А1 – события, происходящие в больших масштабах (на уровне государства), А2 – локальные ситуации, связанные с небольшими группами людей или одним человеком, А3 – события или ситуации, связанные с действиями людей, масштабность которых невозможно установить (например, насилие, причинение вреда). Каждая ситуация, указываемая участниками, кодировалась и относилась к одной из категорий.

Таблица 3.2
Количество ассоциаций
по разным категориям ответов

Категории угроз/опасностей	Угрозы	Опасности	Всего
Антропогенные (А)	271	128	399
А1 (масштабные ситуации)	127	27	154
А2 (локальные/индивидуальные)	86	93	179
А3 (другое)	58	8	66
Природные (П)	91	81	172
Техногенные (Т)	63	88	151
Аутогенные (АУ)	20	56	76
Физиологические (Ф)	12	15	27
Экзистенциальные (Э)	12	9	21
Всего	740	505	1245

Наиболее часто респонденты давали ответы, относящиеся к Антропогенной категории опасных/угрожающих ситуаций (А). Сюда относятся ситуации, так или иначе связанные с действиями людей (теракты, войны, насилие, маньяки, грабители, социальные процессы (финансовый кризис, моральное разложение и т. д.).

Второй по частоте категорией ответов является категория Природных ситуаций (П). Респонденты указывали различные стихийные бедствия, а также эпидемии, угрозы и опасности, исходящие от животных, экологические проблемы.

Также часто респонденты указывали Техногенные угрозы/опасности (Т).

Последние три категории (АУ, Ф, Э) хотя и не столь представлены, имеют свое особое значение и не могут быть отнесены к категориям, традиционно выделяемым в различных классификациях (например: Национальная и глобальная безопасность, 2002). Аутогенные ситуации (АУ), указываемые нашими респондентами, связаны с действиями самих людей. К категории Физиологических угроз (Ф) мы отнесли ответы респондентов, касающиеся болезней и различных проблем, связанных с телом. Наименее представленная категория – Экзистенциальных угроз/опасностей (Э) – включает в себя понятия зла, несправедливости, борьбы жизни и смерти.

Следует отметить, что мы получили бóльшее количество примеров угроз, чем опасностей. Однако в списке опасных ситуаций значительно чаще встречаются ответы категории АУ, в которых респонденты описывают различного рода собственное «опасное» поведение («гулять одной ночью», «несоблюдение правил ПДД», «ковырять розетку» и др.). В ответах такого типа респонденты видят свои собственные действия как причину дальнейших негативных последствий. Техногенные ситуации также чаще рассматриваются как опасности, а не как угрозы. Большое значение в ответах респондентов могут играть языковые клише. Так, в список угроз попадают устоявшиеся словосочетания типа «террористическая угроза», «угроза ядерного взрыва», «угроза войны» и т. п. А в список опасностей – несоблюдение правил различных безопасностей (пожарной, технической, дорожного движения).

Таким образом, проведенное исследование показало, что семантические поля понятий угрозы и опасности пересекаются и накладываются друг на друга. В обыденном представлении людей эти понятия слабо дифференцируются и используются в основном как синонимы. Полученные на первом этапе исследования наиболее частотные ассоциации-определения (дескрипторы) изучаемых конструктов в дальнейшем были использованы для создания анкеты, позволяющей проводить количественную оценку представлений об угрозе и опасности.

Второй этап исследования был направлен на изучение имплицитных представлений о современных угрозах, которые были выделены на первом этапе. С этой целью мы использовали метод семантического дифференциала, в ходе которого респондентам предлагалось оценить по ряду параметров следующие угрозы: терроризм, аварии на транспорте, землетрясение, курение, онкологические заболевания. Данный набор угроз неслучаен и был определен на первом этапе исследования как наиболее часто упоминающиеся угрозы в каждой из категорий (антропогенные, техногенные, природные, аутогенные и физиологические).

Были опрошены 201 чел. (студенты вузов г. Москвы) в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст – 19,04 лет): 153 юноши (средний возраст – 18,97 лет) и 48 девушек (средний возраст – 19,28 лет).

Согласно теоретическим положениям концепции социальных представлений, каждый человек является носителем общего социального знания (представления), оно разделяется и усваивается каждым членом группы. Исходя из этого, на этапе сбора данных мы не стремились уравнивать выборку по полу. Тем не менее, получаемая

человеком информация становится его личным достоянием, преломляясь сквозь призму его индивидуальных особенностей, первейшими из которых являются социально-демографические характеристики (пол, возраст). Поэтому, хотя количество мужчин и женщин в нашем исследовании и не уравнено, мы сочли возможным проверить половые различия в представлениях об угрозах.

Участникам исследования предлагалась анкета, в которой на каждой странице вверху была напечатана одна угроза, а под ней располагались пары описывающих ее прилагательных со шкалой от –3 до 3 между ними. Для каждой угрозы предлагались одни и те же прилагательные для оценки. Выбор прилагательных основывался на критериях различения угроз из теоретических классификаций угроз/опасностей (см. параграф 3.1).

Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи программного пакета Statistica 8.0 и предполагала проведение описательных статистических процедур и сравнение групп респондентов с использованием U-критерия Манна–Уитни. Оценки параметров по каждой угрозе были также подвергнуты иерархическому кластерному анализу.

В таблице 3.3 представлены средние значения оценок по каждому параметру угроз на всей выборке респондентов.

Данные таблицы представлены на графике (рисунок 3.2). Видно, что профили изучаемых угроз схожи по одним параметрам и расходятся по другим.

Было проведено попарное сравнение угроз с помощью U-критерия Манна–Уитни. Интересны пункты 3, 4, 7, 8, 9, 15, 16, 17, где средние оценки параметров всех угроз лежат в положительной области шкалы (выше 0). Таким образом, для наших респондентов все описываемые угрозы представляются действительно существующими и определенными, а не надуманными; имеющими глобальное распространение и сильное влияние.

На графике явно выделяется угроза «Курение»: оценки большинства параметров этой угрозы статистически значимо превышают оценки других угроз (пункты 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 10 в отрицательном направлении, 15, 16, 17). Такая тенденция к высоким оценкам может быть обусловлена юношеским максимализмом: наши респонденты – студенты, большинство из них мужского пола, для них курение может иметь особое значение как выражение нежелания следовать правилам и стремление к определению собственной линии поведения, пусть и через общественно порицаемые и потенциально опасные для здоровья действия.

Таблица 3.3
Средние значения оценок параметров угроз во всей выборке (n = 201)

№	Шкалы	Терроризм		Аварии на транспорте		Землетрясение		Курение		Онкологические заболевания	
		М		М		М		М		М	
1	Непредсказуемый–Предсказуемый	-0,61		-0,80		-0,28		2,03			-0,87
2	Необратимый–Обратимый	-0,12		0,48		-1,72		1,89			-0,21
3	Неизвестный–Известный	0,31		0,76		0,69		2,45			1,09
4	Неопределенный – Определенный	0,32		0,62		0,51		2,11			0,76
5	Бесконтрольный – Контролируемый	-0,24		0,43		-1,88		1,63			-0,17
6	Кратковременный–Постоянный	-0,09		1,15		-0,99		1,69			1,19
7	Надуманный–Существующий	1,50		2,09		2,01		1,89			2,12
8	Пассивный–Активный	1,39		1,23		1,02		1,34			0,94
9	Локальный–Глобальный	1,03		1,01		0,04		1,86			1,27
10	Зависимый–Свободный	-0,56		0,22		1,04		-0,68			-0,04
11	Редкий – Частый	0,41		2,15		-0,72		2,02			0,77
12	Случайный–Преднамеренный	2,07		-1,48		-1,73		1,69			-1,12
13	Искусственный–Естественный	-0,51		0,87		2,36		-0,33			1,35
14	Умышленный–Неумышленный	-2,29		1,38		2,00		-1,65			1,65
15	Отвлеченный–Конкретный	1,31		0,36		1,18		1,49			1,12
16	Потенциальный–Реальный	1,30		1,75		1,65		1,89			1,58
17	Слабый–Сильный	1,42		1,13		1,36		1,49			1,66

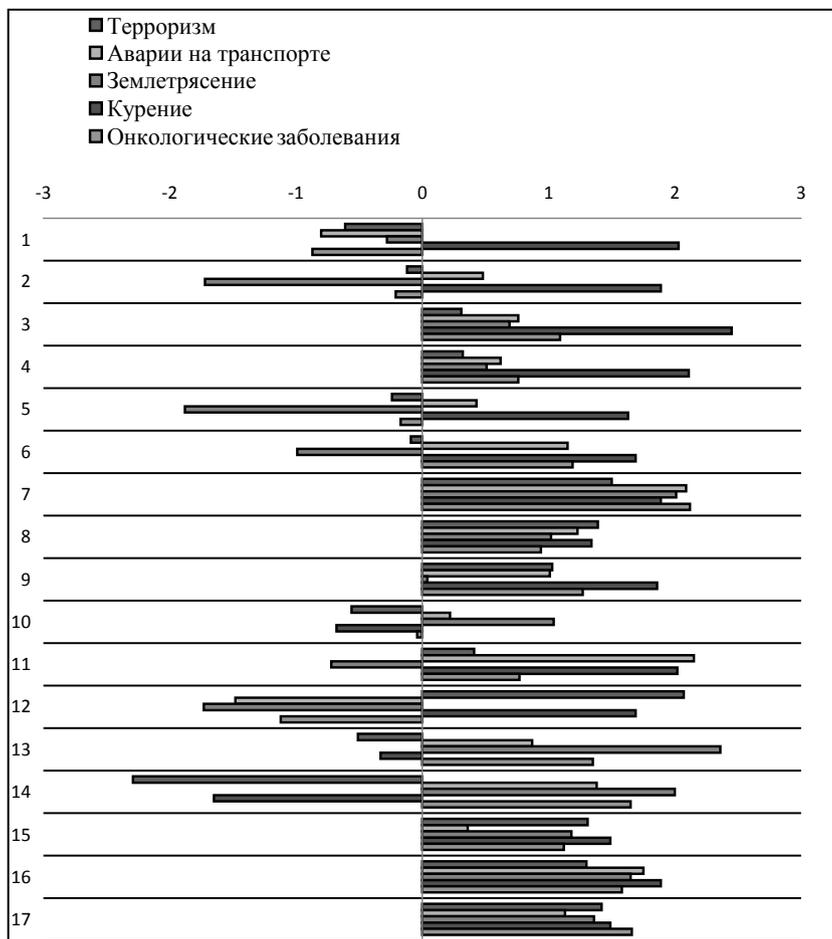

Рис. 3.2. Диаграмма средних значений оценок параметров угроз (n = 201)

Единственный параметр, по которому только одна угроза статистически значимо отличается от всех остальных, – это пункт 7 («Надуманный–Существующий»): средние значения оценок по этому параметру достоверно ниже для угрозы «Терроризм», т. е. оценки этой угрозы более других смещены в сторону полюса «Надуманности». Возможно, это связано с восприятием данной политической проблематики как навязанной кем-то, но не существующей самой по себе как, например, явления природы (ураган, наводнение и пр.) или аварии на транспорте вследствие использования человеком техничес-

ких средств. В представлениях респондентов явно прослеживается идея о том, что терроризм – заведомо запланирован каким-то лицом или группой лиц с определенными целями, но этот образ размыт в общественном сознании. Анонимность терактов стимулирует стереотипизацию образа «врага». Этот результат согласуется с данными В. В. Знакова, который в своих исследованиях образа врага показал, что в сознании значительной части россиян теракты ассоциируются с мусульманским терроризмом (Знаков, 2012).

Оказалось, что в представлениях об авариях на транспорте ведущим определением является прилагательное – «частые». По данным всемирной организации здравоохранения, около 100 тысяч человек ежегодно погибает и свыше 200 тысяч получают серьезные травмы в результате ДТП на дорогах Западной Европы. Подобная статистика существует и для РФ. Таким образом, в случае с оценкой имплицитных представлений об авариях на транспорте мы видим совпадение реальности и ее восприятия людьми.

Такую же тенденцию сближения реальности и ее восприятия можно наблюдать по данным имплицитных представлений о землетрясении. Это одно из самых древних катастрофических явлений на Земле. Деформации в самом очаге носят необратимый и локальный характер, кратковременны, редки и неумышленны.

Относительно восприятия угрозы курения получены данные о том, что эта угроза находится в области контроля самого человека, последствия ее предсказуемы, она воспринимается респондентами как нечто глобальное (имеется в виду масштабность употребления табака).

Изучение восприятия людьми угрозы онкологических заболеваний на данной выборке не дало статистически значимых результатов. Возможно, это связано с возрастной спецификой данной группы. Респондентами стали люди студенческого возраста, большинство которых на данном возрастном периоде не сталкиваются с этим видом угроз.

Кроме того, было проверено предположение о половых различиях в оценивании угроз. С помощью критерия Манна–Уитни были установлены достоверные различия между юношами и девушками по некоторым параметрам. Наибольшее количество различий значения U наблюдается при оценивании угрозы терроризма. Так, юноши оценивают терроризм в большей степени определенным ($U = 2443,50$, $p = 0,001$), контролируемым ($U = 2438,00$, $p = 0,0004$), менее зависимым ($U = 2901,50$, $p = 0,04$) и менее искусственным ($U = 2695,00$, $p = 0,01$) по сравнению с девушками. Девушки выше

оценивают силу этой угрозы ($U = 2958,00$, $p = 0,048$). Этот результат согласуется с полученными нами в других работах данными о большей интенсивности переживания террористической угрозы женщинами, по сравнению с мужчинами (Быховец, Тарабрина, 2010).

Юноши выше оценивают частоту аварий ($U = 2932,50$, $p = 0,04$), считают эту угрозу более глобальной, чем девушки ($U = 2377,00$, $p = 0,0003$). Девушки ниже оценивают известность этой угрозы ($U = 2986,00$, $p = 0,05$). По статистике, количество мужчин-водителей все еще значительно превышает количество женщин за рулем, поэтому различные транспортные происшествия с гораздо большей вероятностью составляют часть повседневной реальности для мужчин и имеют большую психологическую дистанцию для женщин.

Оценки землетрясения у юношей и девушек сходны по всем параметрам, за исключением одного: юноши склонны чаще отмечать локальность землетрясений, а девушки – глобальность ($U = 2929,00$, $p = 0,04$). Землетрясение – наиболее древняя угроза человечеству и эмоциональное восприятие масштабности ее поражения, знание о том, что данная угроза не может быть контролируема человеком, передается от поколения к поколению и не зависит от пола. Однако разница в представлениях относительно масштабности этого бедствия может быть следствием большей эмоциональности и способности к сопереживанию у девушек, воспринимающих чужое горе даже на расстоянии.

Юноши находят угрозу курения в большей степени глобальной ($U = 2791,50$, $p = 0,02$) и менее зависимой ($U = 2592,00$, $p = 0,01$) по сравнению с девушками.

Девушки считают угрозу онкологических заболеваний менее предсказуемой ($U = 2802,00$, $p = 0,03$), менее известной ($U = 2810,00$, $p = 0,03$) и более частой ($U = 2815,00$, $p = 0,04$).

На следующем этапе обработки результатов мы попытались представить структуру исследуемых нами переменных. С этой целью был применен иерархический кластерный анализ. Ниже представлены полученные результаты для каждой угрозы (таблица 3.4).

Было получено разное количество кластеров по каждой угрозе. Используя средние оценки для выбора полюса параметра угрозы (таблица 3.3), мы попытались описать изучаемые угрозы по каждому кластеру.

Кластерный анализ оценок параметров угрозы «Терроризм» позволил выделить 6 кластеров. *Первый кластер* объединил 7 пунктов (11, 17, 8, 16, 7, 6, 9). Эти параметры отражают силу и масштабы

Таблица 3.4

Результаты кластерного анализа для каждой угрозы

Угроза	Номер кластера						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
Терроризм	11, 17, 8, 16, 7, 6, 9	12, 14	1, 4, 5, 3, 2	10	1, 3	1, 5	–
Аварии на транспорте	12, 14, 13	6, 7, 9, 16, 8, 11, 17	3, 4, 5, 1, 2, 15	10	–	–	–
Землетрясение	3, 4, 1, 15	7, 16, 13, 14, 12, 10, 2, 5	6, 11, 8, 17, 9	–	–	–	–
Курение	3, 4, 16, 17, 9, 11	6, 7, 12, 15	1, 14	2, 5	8	1, 0	13
Онкологичес- кие заболева- ния	3, 4, 1, 2, 5	7, 13, 16, 17, 9, 11, 15, 8, 6	12, 14	10	–	–	–

Примечание. Указаны номера пунктов, вошедшие в кластер.

действия терроризма, исходя из их средних оценок (см. таблицу 3.3), терроризм можно описать так: редкий, сильный, активный, реальный, существующий, кратковременный, глобальный. *Второй кластер* представлен двумя параметрами (12, 14), отражающими чей-то злой умысел в существовании этой угрозы: терроризм – преднамеренный и умышленный. В *третий кластер* вошли пункты 1, 4, 5, 3, 2, описывающие терроризм как: непредсказуемый, необратимый, известный, определенный, бесконтрольный. Остальные три кластера представлены единичными пунктами, что может указывать на их особое значение при оценке терроризма вне зависимости от масштабности, злонамеренности и определенности этой угрозы. Так, респондентами выделяется зависимость (*четвертый кластер*) терроризма, его искусственность (*пятый кластер*) и конкретность (*шестой кластер*).

При оценивании угрозы «Аварии на транспорте» выделились четыре кластера. В *первый кластер* объединились пункты 12, 14, 13, отражающие преднамеренность, умышленность и искусственность аварий. По-видимому, эти параметры подчеркивают ответственность участников дорожного движения и исключают случайность в возникновении ДТП. *Второй кластер* параметров (6, 7, 9, 16, 8, 11, 17) полностью аналогичен первому кластеру, выделенному для угрозы терроризма, т. е. также позволяет оценивать угрозу аварий с точки зрения их силы, активности и масштабности. Однако средние значения этих параметров для этой угрозы представля-

ют ее несколько иначе: постоянная, существующая, глобальная, реальная, активная, частая, сильная. *Третий кластер* (3, 4, 5, 1, 2, 15) также аналогичен третьему кластеру угрозы терроризма, за исключением того, что для угрозы аварий на транспорте в этот кластер добавляется также пункт 15. Аварии с помощью этого кластера можно описать так: непредсказуемые, обратимые, известные, определенные, контролируемые, конкретные. *Четвертый кластер* представлен одним пунктом, который оценивает эту угрозу как свободную (в самом широком смысле, от кого-либо/чего-либо).

Как и для двух предыдущих угроз, для угрозы «Землетрясения» был выделен кластер параметров, оценивающих ее определенность. Средние значения по пунктам, вошедшим в этот *первый кластер* (3, 4, 1, 15), позволяют описать землетрясения в представлениях наших респондентов как: известные, определенные, непредсказуемые, конкретные. *Второй кластер* параметров (7, 16, 13, 14, 12, 10, 2, 5) фиксирует стихийную природу этой угрозы: существующая, реальная, естественная, неумышленная, случайная, свободная, необратимая, бесконтрольная. *Третий кластер* параметров (6, 11, 8, 17, 9) описывает силу и масштаб угрозы, землетрясения представляются респондентам как кратковременные, редкие, активные, сильные, глобальные.

В оценках угрозы «Курение» выделилось семь кластеров, три из которых представлены единичными пунктами, что, по-видимому, указывает на особое, независимое значение этих параметров в представлениях об этой угрозе.

Параметры, вошедшие в первые два кластера, описывают определенность и известность этой угрозы, но позволяют это сделать с разных позиций. Так, пункты *первого кластера* (3, 4, 16, 17, 9, 11) описывают курение с точки зрения его определенности как угрозы: известная, определенная, реальная, сильная, глобальная, частая. *Второй кластер* параметров (6, 7, 12, 15) представляет курение скорее с точки зрения его определенности как проблемы: постоянная, существующая, преднамеренная, конкретная. *Третий кластер* (1, 14) может свидетельствовать о мнении наших респондентов об ответственности за курение самих курильщиков: курение предсказуемо и умышленно. *Четвертый кластер* (2, 5) отражает веру в возможность контроля этой угрозы, которая, по мнению наших респондентов, является обратимой и контролируемой. *Пятый кластер* (8) выражает активность этой угрозы, *шестой кластер* (10) – зависимость. Параметры этих двух кластеров нельзя однозначно интерпретировать: неясно, действительно ли респонденты оценивали курение как угрозу или в их сознании актуализировались расхожие

выражения относительно курения (активное или пассивное курение, курение вызывает зависимость). *Седьмой кластер* (13) подчеркивает искусственность этой угрозы в противовес естественным, существующим в природе угрозам.

Для последней угрозы – «Онкологические заболевания» – были выделены четыре кластера. *Первый кластер* (3, 4, 1, 2, 5) описывает эту угрозу как известную, определенную, непредсказуемую, необратимую, бесконтрольную. *Второй кластер* (7, 13, 16, 17, 9, 11, 15, 8, 6) отражает оценки действительной проблемы и ее масштабности: существующая, естественная, реальная, сильная, глобальная, частая, конкретная, активная, постоянная. Согласно параметрам *третьего кластера* (12, 14), эта угроза – случайная и неумышленная, что свидетельствует о представлении, что никто не застрахован от возникновения онкологических заболеваний. Однако по параметру *четвертого кластера* (10) эта угроза все-таки является зависимой от каких-то факторов.

Таким образом, один и тот же набор параметров оценки способен группироваться в разные кластеры для разных угроз, отражая их наиболее важные аспекты в представлении наших респондентов. Для большинства исследуемых нами угроз можно выделить инвариантные составляющие представлений наших респондентов о них. Так, важной группой параметров стали пункты 1, 2, 3, 4, 5, отражающие определенность или контролируемость угрозы. Вторую группу составили пункты 6, 8, 9, 11, 17, оценивающие силу и масштабы действия угрозы. Отдельно оценивается ответственность кого-либо за возникновение или действие этой угрозы (пункты 12, 14), а также ее свобода или зависимость (10).

Полученные нами результаты согласуются с данными о том, что человек оценивает риск и угрозу, основываясь на чувстве контроля над ситуацией и уровне знаний о ситуации, а также степени знакомости события (MacGregor, 1996). По-видимому, следует считать эти обобщенные параметры универсальными при оценке большинства угроз.

Для конкретизации понятия угрозы необходимо ввести разграничение между восприятием реальности и потенциальности происходящего. В случае переживания действия реальных угроз мы имеем дело с отреагированием произошедшего и говорим о переживаемом страхе. Если мы обращаемся к потенциальности каких-либо угроз, то имеем дело с размышлениями о возможности того, что произойдет. Подобные размышления являются источником аморфных тревог. Таким образом, при рассмотрении катего-

рии переживания угроз мы имеем дело с когнитивно-аффективным континуумом восприятия действительности, где одним полюсом выступает реальность и соответствующий ей страх, а другим потенциальность и тревога.

Современные научные классификации угроз и опасностей различают их по объективным основаниям, представляющим большое значение для специалистов по обеспечению фактической безопасности. Психологическая же безопасность во многом зависит от субъективной оценки угроз/опасностей, основанной на представлениях о них. Проведенное нами исследование показало, что семантические поля понятий угрозы и опасности пересекаются и накладываются друг на друга. В обыденном представлении людей эти понятия слабо дифференцируются и используются в основном как синонимы. В рамках эмпирически определенной классификации современных угроз были выделены наиболее часто упоминающиеся угрозы каждого типа. Ими стали: терроризм, аварии на транспорте, землетрясения, курение и онкологические заболевания, представляющие, соответственно, антропогенные, техногенные, природные, аутогенные и физиологические угрозы. Показано, что наиболее важными аспектами при оценке угрозы обычным человеком являются ее известность, масштабность, чья-либо ответственность и независимость ее действия. При этом не всегда оказывается возможным разделить когнитивные и аффективные компоненты в восприятии угрозы. Так, если информация о силе, частоте и масштабности действия угрозы может быть достаточно объективной и доступной из информационных источников, то оценка ее определенности и известности отражает скорее субъективное мнение и степень психологической дистанции. Выявленная для всех угроз универсальная категория ответственности также включает в себя как когнитивный, так и аффективный компоненты. С одной стороны, человеку важно иметь достоверную информацию о том, что или кто послужил причиной угрожающих воздействий, чтобы иметь возможность прогнозирования в будущем или контроля и совладания с настоящими угрозами. С другой стороны, показано, что травмирующие ситуации, причиной которых стал злой умысел со стороны человека, переживаются острее случайных и непреднамеренных природных событий (Попов, Вид, 2000).

Полученные результаты обладают практической ценностью для специалистов в области психического здоровья при работе со всеми случаями нарушения психологической безопасности, вызванными чувством тревоги в связи с восприятием и переживанием различных угроз.

ГЛАВА IV

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, СУВЕРЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СТРЕСС

Начиная обсуждение проблемы психологической безопасности, мы обратились к наиболее частому определению этого феномена как такого состояния, при котором человек не ощущает никакой опасности и защищен от угроз. С нашей точки зрения, психологическая безопасность включает в себя, по крайней мере, три конструкта, выделяемых имплицитно. Это Позитивное окружение, Опытность, информированность и Внутренний комфорт (глава II).

В настоящей и последующей главах книги (главы IV и V) основное внимание будет уделено одной из составляющих психологической безопасности – Позитивному окружению. Ранее (глава II) обсуждался вопрос о том, что позитивное окружение выполняет разные функции. Одна из них – установление границ психологического пространства личности, т. е. достижение *суверенности* личности, другая – реализация окружающими функции *социальной поддержки*. В настоящей главе мы обратимся к анализу функции, благодаря которой человек определяет и устанавливает границы своего психологического пространства, т. е. презентует себя как суверенный субъект. В следующей главе будет рассмотрена функция социальной поддержки.

Согласно С. К. Нартовой-Бочавер, понятием «психологическое пространство личности» (ППЛ) обозначают «значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни субъекта и защищаемый им доступными физическими и психологическими средствами» (Нартова-Бочавер, 2005б, с. 77). По ее мнению, наиболее значимой характеристикой психологического пространства является прочность границ ППЛ, которая переживается человеком как суверенность собственного Я. Суверенность дает чувство уверенности, доверия к миру, безопасности, является

основой для переживания своей жизни как аутентичной (Нартова-Бочавер, 2011).

Характеризуя функции границ ППЛ, Нартова-Бочавер отмечает, что они позволяют человеку дифференцировать Я и не-Я, определяют личностную идентичность; границы «необходимы для равноправного взаимодействия с другими людьми... позволяют избирательно отсеивать внешние влияния и защищаться от разрушительных воздействий... помогают понять, за что конкретно человек отвечает» (Нартова-Бочавер, Бочавер, Бочавер, 2011, с. 25). Нарушение границ ППЛ вследствие появления опасности нередко переживается как чувство депривированности, однако, как в свое время полагал Курт Левин, реакция на опасность может быть разной. «Тревожность, – пишет он, – это характеристика человека, находящегося в замешательстве, не знающего, что делать. Тот, кто лицом к лицу встречает опасность, а не ждет, пока враг сокрушит его, имеет ясные представления о настоящем и будущем и может наслаждаться жизнью даже тогда, когда эта опасность подстерегает его на каждом шагу» (Левин, 2000, с. 323).

Чувства депривированности и тревожности сигнализируют о нарушении границ психологического пространства личности. «В период личностных кризисов границы изменяют свое положение, и человек начинает испытывать трудности в поиске объектов, которые раньше давали ему чувство самоидентичности» (Нартова-Бочавер, Бочавер, Бочавер, 2011, с. 24). Слабость личностных границ ведет к диффузии идентичности; человек становится уязвимым и не может противостоять оказываемым на него социальным воздействиям. А это значит, что окружение воспринимается как менее позитивное и оценивается как *доминирующее и вторгающееся*.

Способность к интеграции опыта может быть нарушена и более значительно. Такие нарушения происходят вследствие влияния на психику человека *травматических событий*. В этом случае субъект не может гибко реагировать на жизненные обстоятельства, «застывает» в травме как в актуальном переживании, реагирует на внешние стимулы повышенной возбудимостью (Тарабрина, 2009). Социальное окружение субъективно начинает восприниматься как *угрожающее*. «Одним из последствий гипервозбуждения является генерализация ожидаемой угрозы. Мир становится небезопасным местом; безобидные звуки провоцируют реакцию тревоги, обычные явления воспринимаются как предвестники опасности» (Тарабрина, 2009, с. 48).

Конечно, следует специально подчеркнуть, что способность человека оставаться суверенным зависит не только от самого по себе социального окружения, способности этого окружения предоставлять человеку ресурсы для развития идентичности и установления границ психологического пространства, но и от устойчивости самой личности, ее жизнестойкости. Более того, позитивное окружение, с нашей точки зрения, – это не безусловно что-то внешнее для личности, но ее склонность строить отношения с любыми людьми с установкой на позитивное взаимодействие, использовать социальное окружение для личностного роста.

В двух параграфах этой главы будут представлены результаты эмпирических исследований суверенности психологического пространства (СПП) личности и чувствительности личности к различным угрозам (параграф 4.1), а также изучения связи СПП и уровня посттравматического стресса (параграф 4.2)*. Результаты дополнительного исследования будут обсуждаться в параграфе 4.3.

В качестве *общей гипотезы* исследования выдвигается предположение о том, что наряду с функцией социальной поддержки позитивное окружение позволяет человеку достигнуть психологической безопасности через реализацию функции установления границ психологического пространства личности (суверенности) с учетом уровня его психической травматизации.

4.1. Тип угрозы и уровень суверенности психологического пространства личности

Психологическая безопасность нередко ассоциируется с отсутствием опасности или угроз и переживается как состояние спокойствия, комфорта, равновесия. Нарушение этого состояния вследствие возникновения объективных или субъективных угроз отражается на психическом благополучии человека, в частности, ощущается им как ограничение собственной активности, свободы воли, аутентичности и суверенности. Конечно, допустимо и обратное, когда типичное для человека состояние тревожности и депривированности специфическим образом окрашивает его представление об окружающем мире, предопределяет характер эмоциональных реакций и тип поведенческих стратегий.

Не имея возможности безошибочно ответить на вопрос о причинно-следственных отношениях между суверенностью психологи-

* Результаты исследований, выполненных в рамках проекта РГНФ, опубликованы в статьях: Харламенкова, 2015а, б.

ческого пространства личности и переживанием ситуации как опасной или безопасной, мы сформулировали *гипотезу* о связи между типом переживания угрозы и суверенностью психологического пространства личности с учетом определенной метрики пространства, в которую вошли суверенность физического тела, территории, вещей, привычек, социальных связей и ценностей человека (Нартова-Бочавер, 2005б).

В исследовании приняли участие 152 респондента в возрасте от 17 до 26 лет ($M = 20$). Из них 98 девушек и 54 юноши.

В качестве методик использовали:

1. Опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП) С. К. Нартовой-Бочавер включает 80 утверждений и 6 шкал: суверенность физического тела, территории, вещей, привычек, социальных связей и ценностей человека (Нартова-Бочавер, 2005б).
2. Тематический апперцептивный тест Г. Мюррея в его значительной модификации.

В данном исследовании в качестве стимульного материала использовали таблицу № 14 с изображением силуэта мужчины на фоне ярко освещенного окна; вся остальная поверхность картины черная. По мнению Е. Т. Соколовой, таблица выявляет общий фон настроения, иногда депрессивные и суицидальные тенденции, честолюбивые мечты; направлена на актуализацию личной темы (Соколова, 1980). Респонденты были разделены на три группы: одной группе давали стандартную инструкцию, второй группе говорили о том, что человек находится в опасной ситуации, а третьей группе предъявляли таблицу как безопасную. Респондентов просили составить рассказ по картинке, а затем задавали ряд вопросов: что угрожает герою рассказа? что нужно для достижения безопасности? что нужно для сохранения состояния безопасности? В конце исследования респондентам предлагалось придумать ассоциации к слову «безопасность» в форме перечисления признаков. Сравнение трех выделенных групп респондентов проводилось в другой работе (Харламенкова, 2012а). В настоящем исследовании респонденты были разделены на группы по типу называемых ими угроз.

Для обработки результатов ТАТ была введена следующая кодировка ответов: *направленность угрозы*: 1 – внешняя, 2 – внутренняя, 3 – отсутствует; *тип угрозы*: 1 – физическая угроза, угроза жизни; 2 – угрозы, связанные с профессией; 3 – ограничения (свободы, твор-

чества); 4 – социальное одиночество; 5 – угроза сохранения психологического благополучия (аутоагрессия, недовольство собой, страхи, угрызения совести, депрессия); 6 – случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства; 7 – новое, неизвестное.

Статистический анализ данных осуществлялся с помощью программного пакета Statistica 7.0. Был использован U-критерий Манна–Уитни.

Для проверки выдвинутой гипотезы респонденты были разделены на группы по типу называемых ими угроз. В результате оказалось, что часть респондентов оценивает эту ситуацию как безопасную (группа А, угроза отсутствует, $n = 52$), остальные респонденты называли физическую угрозу (группа В, $n = 49$), угрозу социального одиночества (группа С, $n = 19$), угрозу нарушения психологического благополучия (группа D, $n = 32$).

С целью проверки выдвинутой гипотезы сравнивались показатели шкал СПП у респондентов группы А и всех остальных групп.

При сравнении показателей методики «Суверенность психологического пространства» группы А и группы В, были обнаружены значимые различия по следующим шкалам: общая суверенность ($p = 0,01$), суверенность территории ($p = 0,04$), суверенность мира вещей ($p = 0,01$), суверенность привычек ($p = 0,05$), суверенность ценностей ($p = 0,047$). Оказалось, что люди, сензитивные к физической угрозе, ощущают себя депривированными практически по всем показателям СПП, за исключением показателей суверенности физического тела и социальных связей.

Сравнение показателей СПП у респондентов группы А и группы С позволило выяснить, что люди, не указавшие в рассказе по картинке ТАТ угрозу, и люди, остро переживающие состояние социального одиночества как угрозу, различаются по таким показателям, как общая суверенность ($p = 0,05$), суверенность территории ($p = 0,02$) и в тенденции по показателю «суверенность ценностей» ($p = 0,070$). При этом сравнение других групп – группы А и группы D – выявило различия по суверенности физического тела ($p = 0,04$) и суверенности территории ($p = 0,039$), что дает основание считать, что не физическая опасность, а психологическое неблагополучие как угроза обусловлено самыми ранними депривациями, связанными с ограничением суверенности в области телесных контактов и с удовлетворением базовых потребностей, а также с ограничением свободы иметь свою территорию и распоряжаться ею.

Для уточнения полученных результатов проводилось сравнение показателей СПП в группах В, С и D, которое не выявило раз-

личий между респондентами этих групп ни по одному показателю суверенности личности.

В целом можно утверждать, что выдвинутая нами гипотеза о том, что ощущение человеком опасности, вызванной наличием той или иной угрозы, тесно связано, а, возможно, даже и обусловлено внутренним дискомфортом, депривированностью и ограничениями свободы проявления Самости, подтвердилась.

Результаты показывают, что между группами респондентов, переживающих чувство безопасности и переживающих чувство опасности, есть значимые различия по шкалам суверенности личности: по суверенности территории, привычек, мира вещей, физического тела, ценностей, причем значения по этим шкалам оказались выше у группы респондентов, переживающих чувство безопасности (группа А). Это значит, что в целом суверенность психологического пространства личности (т. е. способность человека поддерживать свои границы целостными, иметь чувство авторства по отношению к своей жизни) в этой группе респондентов выше по сравнению с остальными группами.

Наиболее выраженные различия получены между группами А и В, которые показывают, что у людей, реагирующих на физические угрозы (угрозу нападения, физического насилия, смерти), нарушение суверенности территории и вещей, т. е. границ личного пространства, включающего предметный мир, отражается на нарушении свободы распоряжаться своим временем и отстаивать свои ценности, оставаться приверженным своим вкусам. Страх физической смерти в буквальном смысле слова парализует человека, и он становится неспособным жить своей жизнью, разумно мыслить, творить, развиваться. Согласно С. К. Нартовой-Бочавер, базовой характеристикой суверенности личности является суверенность тела, которая закладывается в младенчестве благодаря особому, внимательному отношению родителей к ребенку, его потребностям. В связи с этим ожидалось, что у людей, переживающих по поводу возможной физической угрозы, показатели по шкале «суверенность тела» будут невысокими. В настоящем исследовании это предположение не нашло своего подтверждения, что по-видимому объясняется различиями в отношении родителей к ребенку на разных этапах его развития: в младенчестве бережное и внимательное отношение к ребенку, уход за ним, например, по рассказам родителей, были своевременными и не депривирующими его желания; ограничения со стороны родителей начали проявляться с того момента, как дети стали самостоятельно ходить и впоследствии рас-

пространились на привычки, вкусы, ценности. Возможно, физическая угроза как характеристика группы В устойчиво проявляется у этих респондентов вследствие тревожности родителей за самостоятельность ребенка и из-за их опасений, вызванных взаимной сепарацией.

Сравнивая респондентов, сензитивных к угрозе социального одиночества (группа С), с респондентами группы А, было обнаружено, что у первых снижены показатели по шкалам общей суверенности, суверенности территории и суверенности ценностей. Различий по шкалам суверенности вещей и суверенности привычек не наблюдалось. Кроме того, по шкале суверенности социальных связей также не было выявлено различий. Интересно отметить в связи с этим, что переживания по поводу нарушения социальных контактов и их потери строго не определяются контролем родителей и других близких людей за выбором сыном или дочерью предпочитаемого круга общения. Скорее всего, страх социального одиночества подкрепляется не только нарушением суверенности личности (суверенности территории и суверенности ценностей), но и другими факторами, в частности, типом привязанности ребенка к родителям, а также непоследовательностью материнского и отцовского поведения.

Особое внимание хотелось бы уделить респондентам, переживающим по поводу своего психического статуса, психологического благополучия, что выражается в виде аутоагрессии, недовольства собой, в виде угрызений совести, депрессии и др. (группа D). Показательным для этой группы стало снижение суверенности по шкалам «суверенность физического тела» и «суверенность территории» по сравнению с группой А. По всей видимости, переживания по поводу своего психического здоровья имеют глубокие корни, связанные с безличным отношением родителей к своему ребенку в самом раннем детстве, с невниманием к его потребностям и состояниям. Обычно ранний детский опыт компенсируется с большим трудом. Однако в нашем случае он так или иначе сглаживается, по крайней мере, в отношении суверенности привычек, социальных связей и ценностей. Следует предположить, что подобная компенсация требует больших энергетических затрат и не может стабильно поддерживать полноценное функционирование личности в разных сферах жизнедеятельности. Как самостоятельная гипотеза исследования это предположение нуждается в специальной проверке и в дополнительном анализе данных.

Подводя общий итог исследования, важно отметить, что при сравнении группы А со всеми остальными группами респондентов наибольшую устойчивость показывают различия по показателю суверенности территории. Согласно С. К. Нартовой-Бочавер, территориальность – это основа индивидуальной и групповой идентичности; территория не только защищает и упорядочивает жизнь, но и представляет собой средство организации взаимоотношений, дает возможность контролировать свои занятия и социальные контакты (Нартова-Бочавер, Бочавер, Бочавер, 2011). Возможность обрести и сохранить свою территорию, дом, место, организовать личное пространство не только в физическом, но и в психологическом смысле позволяет человеку ощущать себя в безопасности, строить позитивные отношения с миром, находиться в состоянии психического комфорта и благополучия. Проведенные нами более ранние исследования показали, что «дом» является значимым параметром психологического благополучия для респондентов женского пола (Харламенкова, 2015). В дипломной работе «Представление о личной безопасности у мужчин и женщин с разным типом гендерной идентичности», выполненной А. П. Литавриной в 2013 г. под нашим руководством, также было показано, что для женщин разного возраста представления о безопасности связаны с такими параметрами, как «уход в фантазии и мечты», «доверие», «отстраненность от реальности», «радость», «безмятежность и легкость», «чувство комфорта», «любовь», «счастье», «отсутствие угроз», «поддержка мамы» и «дом». У мужчин наиболее явно выделилась ассоциация «осторожность, отказ от риска». Несмотря на наличие половых различий, в представлениях о своей безопасности, которые касались значимости параметра «дом», между респондентами не было выявлено различий по более общей категории «территория», что подтверждает наши предположения о важности этого параметра для становления суверенности психологического пространства личности, развития аутентичности и упрочения чувства психологической безопасности. К переменной «дом» мы специально обратимся в параграфе 4.3.

Присоединяясь к определению психологической суверенности как способности контролировать свое психологическое пространство, успешно разрешать жизненные задачи, устанавливать чувство авторства по отношению к жизни, отметим, что чувство приватности не только защищает и стабилизирует, но и расширяет потенциал возможностей личности в совладании с жизненными трудностями конструктивным способом, реорганизует их в потенциал личностного роста и развития.

4.2. Метрика психологического пространства в аспекте исследования проблемы посттравматического стресса

В данном параграфе представлены результаты исследования суверенности психологического пространства личности, ее отдельных показателей и специфики представлений о психологической безопасности у молодых людей 19–25 лет с разной выраженностью посттравматического стресса. Актуальность исследования проблемы определяется расширением круга систематически влияющих на человека травматических стрессоров, отсутствием конкретного знания о различиях в представлении о психологической безопасности и ресурсах достижения психологического благополучия.

Посттравматический стресс является одним из психологических последствий влияния на человека травматического события. Это такие события, которые связаны с угрозой жизни и сопровождаются переживанием негативных эмоций – «интенсивного страха, ужаса или чувства безвыходности (беспомощности)» (Тарабрина, 2009, с. 28). Напомним, что, согласно Н. В. Тарабриной, высокий уровень посттравматического стресса коррелирует с клинической картиной ПТСР (посттравматического стрессового расстройства) и, в соответствии с традицией отечественной клинической психологии, представляет психологическую картину ПТСР. Отсроченная реакция на влияние травматического события – один из критериев ПТСР. Признаками посттравматического стресса являются вторжение (настойчивое повторение переживания – навязчивое воспроизведение события, повторяющиеся тяжелые сны о событии, ощущение «оживания» опыта и др.), избегание (стремление уйти от напоминаний о травматическом событии, психогенная амнезия, чувство отстраненности, сниженная выраженность аффекта и др.) и физиологическое возбуждение (трудности с засыпанием, раздражительность, гипербдительность, рассеянность внимания и др.).

При посттравматическом стрессе изменяются представления о себе и о мире, наблюдается динамика базисных убеждений, человек становится более тревожным, ранимым, подверженным влиянию других стрессоров (Тарабрина и др., 2010; Падун, Котельникова, 2012). Изменение мотивационно-потребностной сферы личности обнаруживается в ощущении фрустрации удовлетворения потребностей, в появлении внутренних барьеров и чувства депривированности.

Иными словами, при посттравматическом стрессе может наблюдаться снижение показателей суверенности психологическо-

го пространства (СПП), таких как суверенность физического тела субъекта, его территории, личных вещей, временных привычек, социальных связей и ценностей, а также в целом СПП как способности субъекта удерживать свои личностные границы и контролировать свое психологическое пространство (Нартова-Бочавер, 2004, 2005а). Потеря человеком возможности контролировать границы своего психологического пространства может подкреплять и усиливать посттравматическую симптоматику и делать безуспешными психотерапевтические интервенции. Как показано в ряде исследований, эффективность психотерапии зависит от достигнутого субъектом чувства защищенности и ощущения безопасности (Anderson, Najavits, 2014; Cai et al., 2014; Hien et al., 2012; Johnson, Zlotnick, 2009; Patitz, Anderson, Najavits, 2015), от того, насколько надежно и уверенно он себя чувствует. С нашей точки зрения, в контексте проблемы психологической безопасности суверенность рассматривается как функция позитивного окружения, способствующего установлению прочных и одновременно гибких границ психологического пространства личности. Воздействие стрессоров высокой интенсивности нарушает целостность и суверенность личности у наиболее уязвимой части населения.

Проблема настоящего исследования состоит в том, чтобы понять, как при разной выраженности посттравматического стресса изменяются суверенность/депривированность психологического пространства, а также представление субъекта о психологической безопасности. Как уже было сказано выше, *актуальность исследования* этой проблемы определяется расширением круга систематически влияющих на человека травматических стрессоров, отсутствием конкретного знания о различиях в представлениях о психологической безопасности и ресурсах достижения психологического благополучия. Важно в связи с этим отметить, что различия в представлениях о психологической безопасности могут быть связаны с разным опытом переживания состояния опасности/безопасности, а также с разной мерой ответственности за собственную безопасность. В этом смысле один субъект склонен оценивать безопасность как состояние, когда отсутствует тревога, волнение, угрозы, а другой – связывать ее со своей способностью понять ситуацию, предвидеть ее последствия, оценить свои возможности и, если это необходимо, использовать дополнительные ресурсы для достижения безопасности.

Цель исследования – проанализировать представления о психологической безопасности и выявить уровень суверенности психо-

логического пространства личности при выраженном посттравматическом стрессе.

Объект исследования – посттравматический стресс и суверенность психологического пространства личности у молодых людей в возрасте 19–25 лет.

Предмет исследования – представление о психологической безопасности личности и показатели суверенности психологического пространства у молодых людей с разной выраженностью посттравматического стресса.

Гипотезы

1. При высоких показателях посттравматического стресса (ПТС) уровень суверенности психологического пространства личности снижается, причем эта зависимость в большей степени проявляется при оценке суверенности физического тела, территории и личных вещей.
2. У людей с высоким уровнем ПТС психологическая безопасность связана с ожиданием поддержки от социального окружения, а у людей с низким ПТС – с самопомощью, т. е. с умением прогнозировать ситуацию и владеть информацией.

В этом параграфе представлены результаты *пилотажного исследования*, которое было спланировано на основе ранее полученных данных (Харламенкова, 2012).

Участниками исследования выступили 22 чел. Возраст респондентов от 19 до 25 лет (10 муж., 12 жен.), студенты московских вузов*.

В процессе исследования был использован ряд *методик*.

Для изучения *представлений о психологической безопасности* применялась *Анкета психологической безопасности*, разработанная в лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН (2011), которая представляет собой список из 60 слов-дескрипторов, наиболее часто ассоциирующихся с психологической безопасностью. Респондентам предлагалось оценить степень близости того или иного дескриптора к своему представлению о безопасности (по шкале от +2 – абсолютно соответствует до –2 – совершенно не соответствует).

Степень выраженности посттравматической симптоматики определялась по Миссисипской шкале (МШ, гражданский вариант) – *Mississippi Scale (civilian version)* (Keane, Caddell, Taylor, 1988)

* В сборе эмпирических данных принимала участие студентка факультета психологии ГАУГН О. Устинова.

в адаптации Н. В. Тарабриной с соавт. (Тарабрина, 2007; Тарабрина и др., 2007). Методика представляет собой список из 39 утверждений, каждое из которых оценивается по 5-балльной системе Лайкерта с выбором ответов от «совершенно неверно» до «совершенно верно». Итоговый результат выводится путем суммирования баллов и позволяет выявить степень воздействия на индивида перенесенного травматического опыта.

Для диагностики *суверенности психологического пространства личности* и его параметров применялась новая версия опросника «СПП – 2010» (Нартова-Бочавер, 2014), который включает 67 утверждений, объединенных в 6 шкал: суверенность физического тела (СФТ), суверенность территории (СТ), суверенность вещей (СВ), суверенность привычек (СП), суверенность социальных связей (СС) и суверенность ценностей человека (СЦ). Рассчитывается общий показатель по опроснику (СПП).

Статистический анализ данных осуществлялся с помощью программного пакета Statistica 7.0, были использованы: U-критерий Манна–Уитни, коэффициент корреляции Спирмена (r_s).

Для проверки выдвинутых гипотез выборка была разделена на две группы по общему показателю Миссисипской шкалы (МШ): на группу с низкими (≤ 78 баллов, $n = 10$, группа 1) и высокими значениями по МШ (> 78 баллов, $n = 12$, группа 2). Результаты сравнения групп по данным методики «Суверенность психологического пространства» представлены в таблице 4.1.

Статистический анализ данных позволил подтвердить *первую гипотезу* исследования, согласно которой при высоких показателях посттравматического стресса (ПТС) уровень суверенности психологического пространства личности снижается, причем в большей степени эта зависимость проявляется при оценке суверенности физического тела, территории и личных вещей. По данным настоящего исследования, эта тенденция в определенной мере проявляется и при сравнении групп по показателю «суверенность привычек». Согласно Нартовой-Бочавер, становление суверенности физического тела, суверенности территории и суверенности вещей происходит в раннем онтогенезе (в младенчестве и позднее, включая дошкольный возраст) и определяет чувство комфорта, автономности и недепривированности человека, связанного с его ранним опытом. Можно предполагать, что стрессоры высокой интенсивности, вызывая у определенной части населения признаки отсроченного посттравматического стресса, затрагивают самый ранний опыт человека, нарушая чувство самобытности, свободы и защищенности личности.

Таблица 4.1

Сравнение групп с высокими и низкими значениями ПТС (Миссисипская шкала) по показателям суверенности психологического пространства (новая версия опросника «СПП – 2010»)

Шкалы СПП	Сумма рангов группы 1	Сумма рангов группы 2	U-критерий Манна-Уитни	p-level
СФТ	154,5	98,5	20,5	0,01**
СТ	148,0	105,0	27,0	0,03*
СВ	148,0	105,0	27,0	0,03*
СП	143,5	109,5	31,5	0,06
СС	132,5	120,5	42,5	0,26
СЦ	141,5	111,5	33,5	0,09
СПП	154,0	99	27,0	0,01**

Примечание. U-критерий Манна-Уитни; * – значимость различий на уровне $p < 0,05$; ** – значимость различий на уровне $p < 0,01$.

Возможно и иное объяснение, которое состоит в том, что симптоматика посттравматического стресса в первую очередь возникает у депривированных людей с нарушенными границами психологического пространства, особенно у тех респондентов, которые в раннем возрасте не получили достаточной поддержки в развитии суверенности психологического пространства, связанной с соматическим благополучием и с уверенностью в надежности личной территории и в доступности личных вещей.

Депривированность психологического пространства личности сопряжена с нарушением психологической безопасности, с восприятием окружающего мира как угрожающего, фрустрирующего, недоброжелательного, который в представлениях субъекта не только не способствует установлению границ психологического пространства, но либо нарушает их, либо игнорирует.

Анализ представлений респондентов о психологической безопасности, диагностика которых проводилась с помощью соответствующей анкеты (см. описание методик), позволил проверить вторую гипотезу, согласно которой у людей с высоким уровнем ПТС психологическая безопасность связана с ожиданием поддержки от социального окружения, а у людей с низким ПТС – с самопомощью, т. е. с умением прогнозировать ситуацию и владеть информацией.

Оценка предпочтений в выборе слов-дескрипторов осуществлялась путем подсчета суммы баллов по ответам +1 и +2 по каждому из 60 дескрипторов Анкеты психологической безопасности у всех респондентов ($n = 22$) с последующим расчетом верхних квартилей, а также в каждой группе. Если суммы баллов по определенному дескриптору превышали значения верхнего квартиля, то их рассматривали как предпочитаемые ассоциации (таблица 4.2).

Сопоставление предпочитаемых оценок психологической безопасности (таблица 4.2) показало, что «самосохранение» и «поддержка, помощь» являются устойчивыми (инвариантными) характеристиками, приписываемыми психологической безопасности. При *отсутствии признаков посттравматического стресса* или их слабой выраженности (группа 1) психологическая безопасность оценивается человеком, прежде всего, как «надежность», «здоровье», «самосохранение», «поддержка, помощь» и «защита, защищенность». Психологическая безопасность соотносится с широким социальным контекстом («мир в стране», «уверенность в окружении») и с собственными способностями и усилиями («владение информацией», «ответственность, долг»).

При *выраженном посттравматическом стрессе* (группа 2) психологическая безопасность ассоциируется с «контролем ситуации», «уверенностью в себе», «самосохранением», «поддержкой, помощью» и наличием «надежных друзей». Специфика представлений о безопасности в этой группе респондентов связана с тем, что социальный мир существенно сужается до уровня ближайшего окружения и рассматривается с точки зрения ожидаемой от него помощи («надежные друзья, верность», «поддержка мамы», «родители»). Также интересно отметить, что такой показатель, как «дом, жилье», оказывается важной составляющей психологической безопасности у респондентов с высоким уровнем ПТС.

Корреляция общего показателя ПТС с отдельными параметрами психологической безопасности, которые являются наиболее близкими ассоциациями, выбираемыми респондентами (таблица 4.1), показала, что чем выше уровень ПТС, тем реже респонденты выбирают дескриптор «жизненный опыт, опытность» ($r_s = -0,44, p < 0,05$), «отсутствие тревоги, страха» ($r_s = -0,45, p < 0,05$), «владение информацией» ($r_s = -0,46, p < 0,05$).

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что вторая гипотеза также находит свое подтверждение. Следует, однако, добавить, что при высоком ПТС обращение к собственным ресурсам, например, к самоанализу и самопознанию, которые могут по-

Таблица 4.2

Предпочтения (ранги) в выборе слов-дескрипторов
 Анкеты психологической безопасности в исследуемой выборке
 (n = 22) и в группах (группы 1 и 2)

Дескрипторы	Вся выборка (n = 22)	Группа 1 (n = 10)	Группа 2 (n = 12)
Контроль ситуации	1	11	1
Самосохранение	2	3	3
Поддержка, помощь	3	4	4
Уверенность в себе	4	12	2
Надежность	5	1	8
Защита, защищенность	6	5	9
Надежные друзья, верность	7	14	5
Отсутствие угроз	8	–	–
Самореализация	9	–	6
Надежный спутник, опора	10	10	17
Доверие	11	16	7
Жизненный опыт, опытность	12	13	14
Здоровье	13	2	–
Дом, жилье	14	–	11
Уверенность в окружении	15	8	–
Отсутствие тревоги, страха	16	9	–
Мир в стране	–	6	–
Владение информацией	–	7	–
Ответственность, долг	–	15	–
Поддержка мамы	–	–	10
Счастье	–	–	12
Мудрость	–	–	13
Самоанализ, самопознание	–	–	15
Родители	–	–	16

Примечание. Цифры указывают на большее (1 ранг) или меньшее (16 или 17 ранг) предпочтение дескриптора в группе значимых ассоциаций; знак «–» означает, что сумма баллов, набранная по данному дескриптору, не превышает значения верхнего квартиля, и этот дескриптор не входит в группу предпочитаемых ассоциаций.

мочь справиться с эмоциональным неблагополучием, тоже отмечается респондентами. Тем не менее риск обращения этого ресурса в симптом, например, такой как руминация, персеверация, остается.

Дополнительно к проведенному анализу данных были изучены связи между переменными, представленными в таблице 4.2, для каждой группы. Получены следующие результаты. В *первой группе* отсутствуют связи какой-либо переменной с двумя и более переменными, т. е. не наблюдается выраженных корреляционных пляд.

Во *второй группе* выделяются две такие пляды. Центром первой из них является переменная «дом, жилье», центром второй – «мудрость». Переменная «дом, жилье» связана с другими переменными: «надежный спутник, опора» ($r_s = 0,83, p < 0,01$), «мудрость» ($r_s = 0,81, p < 0,01$), «счастье» ($r_s = 0,81, p < 0,01$), «поддержка, помощь» ($r_s = 0,64, p < 0,05$), «надежные друзья, верность» ($r_s = 0,64, p < 0,05$), «надежность» ($r_s = 0,63, p < 0,05$), «родители» ($r_s = 0,62, p < 0,05$), «доверие» ($r_s = 0,61, p < 0,05$). С переменной «мудрость» связаны «дом, жилье» ($r_s = 0,81, p < 0,01$), «надежность» ($r_s = 0,75, p < 0,01$), «поддержка, помощь» ($r_s = 0,64, p < 0,05$), «надежные друзья, верность» ($r_s = 0,59, p < 0,05$), «родители» ($r_s = 0,58, p < 0,05$).

По-видимому, отсутствие в первой группе корреляционных пляд показывает, что представление о психологической безопасности не имеет четко очерченной структуры и может в зависимости от жизненных обстоятельств меняться. Отсутствие симптомов посттравматического стресса (группа 1), как показало настоящее исследование, характерно для людей с высоким уровнем суверенности психологического пространства. С. К. Нартова-Бочавер отмечает, что «суверенность обладает эволюционным и социальным значением, адаптируя человека и помогая ему встраиваться в новые жизненные обстоятельства без риска утраты собственной идентичности и аутентичности» (Нартова-Бочавер, 2015, с. 16). Согласно выявленным между группами различиям по суверенности физического тела, суверенности территории и суверенности личных вещей, при низком уровне посттравматического стресса человек ощущает свою причастность миру и имеет достаточно пластичные границы, он может экспериментировать и даже рисковать, не опасаясь потерять чувство собственного Я, свою идентичность. Упроченные в раннем детстве отношения с миром, в которых ребенок ощущает себя субъектом, создают свободу действовать по определенным правилам, они являются внутренними, подвижными и легко регулируемые схемами, естественными для ребенка, и выступают основой

его функционирования на последующих стадиях развития (Анцыферова, 1981, 2000).

При выраженном посттравматическом стрессе (группа 2) либо ранний опыт ребенка является не столь позитивным по сравнению с опытом детей первой группы, либо привычные для человека, его опыта отношения с миром «ломаются», он теряет чувство свободы и автономности, становится не субъектом социальных отношений, а объектом воздействия. Представления о психологической безопасности, как и в первой группе, соотносятся с поддержкой, поиском помощи, однако такого рода отношения оцениваются более конкретно, привычно («поддержка мамы», «родители») и поэтому менее ответственны для субъекта. Родительская поддержка ставит человека в позицию ребенка, пассивно принимающего заботу, внимание и бескорыстную помощь.

Предполагаемые различия между группами (гипотеза 2) по характеру поддержки – поддержка ожидается от социального окружения или от самого субъекта (самопомощь), который умеет строить прогнозы, владеет информацией, оказались неярко выраженными. Тем не менее в первой группе «владение информацией» (7 ранг), а во второй группе – «мудрость» (13 ранг) и «самоанализ, самопознание» (15 ранг) не равнозначны. По-видимому, при отсутствии симптомов ПТС безопасность действительно достигается активными действиями, а при выраженном ПТС – лишь желанием быть мудрым, при этом самоанализ и самопознание не обязательно предполагают активацию рефлексии. Этот вывод подтверждается тем, что переменная «мудрость» в этой группе тесно связана с переменными «дом, жилье», «надежность», «поддержка, помощь», «надежные друзья, верность», «родители», т. е., скорее всего, приписывается значимым фигурам.

Полученные в этом исследовании результаты показывают, что суверенность – это не столько принадлежащее самому субъекту свойство переживать свою аутентичность, безопасность, защищенность, сколько особый характер взаимодействия с социальным окружением; возможность или невозможность его приватизации для удовлетворения потребности в безопасности и решения задач личностного роста. Данные показали, что обе подгруппы респондентов связывают безопасность с поддержкой социального окружения, а респонденты с высоким ПТС значительное внимание уделяют своему дому, личной территории как ресурсу психологической поддержки и безопасности. С целью ответа на ряд вопросов, которые возникли при анализе обсуждаемых результатов, было проведено дополнительное исследование (параграф 4.3).

4.3. Представления о психологической безопасности при разном уровне посттравматического стресса

В исследовании, результаты которого представлены в параграфе 4.2, было показано, что суверенность психологического пространства личности снижается при высоком уровне посттравматического стресса (ПТС). Также были выявлены некоторые различия между двумя группами с разным уровнем ПТС в представлениях о психологической безопасности. Однако одна из ключевых задач, которая решается в настоящей главе, состоит не только в том, чтобы показать различия между двумя группами с разным уровнем ПТС, но и в том, чтобы проверить теоретическое предположение о *позитивном окружении* как одном из конструктов психологической безопасности личности, которое выполняет функцию поддержки человека в формировании границ психологического пространства (суверенности). Кроме того, обнаруженные в исследовании данные о важности для респондентов с высоким ПТС наличия позитивного окружения, а также личной территории (дома) как ресурсов социальной поддержки также нуждаются в дополнительной проверке.

Выборка (параграф 4.2) была увеличена до 50 чел. (39 чел. от 18 до 25 лет и 11 чел. от 26 до 33 лет); уравнена по полу. Как и в предыдущем исследовании, выборку разделили на две подгруппы по уровню ПТС (Миссисипская шкала, медианный критерий): группа с низкими (≤ 81 балла, $n = 23$, группа 1) и группа с высокими значениями по МШ (> 81 баллов, $n = 27$, группа 2).

Кроме описанных выше методик (4.2), респонденты дополнительно заполняли опросник «Личностная релевантность домашней среды» (Нартова-Бочавер и др., 2015; Дмитриева, 2015). Опросник представляет собой список из 108 утверждений и 7 субшкал: Управление домашней средой, Ресурсность, Самопрезентация, Эргономичность, Отчуждение, Пластичность, Историчность. Субшкалы отражают потребности респондентов, которым отвечает или не отвечает их актуальное жилище.

Субшкала *Управление домашней средой* содержит 27 пунктов и определяет возможность контролирования и предсказания средовых сигналов.

Субшкала *Ресурсность* состоит из 19 пунктов и включает в себя конструкты, связанные с ощущением поддержки и стабильности в доме.

Субшкала *Самопрезентация* включает 17 пунктов и подразумевает возможность персонализировать свое пространство, обо-

значить, проявить в нем свои индивидуальные и социальные особенности.

Субшкала *Эргономичность* содержит также 17 пунктов и дает оценку тому, насколько респондент считает свой дом удобным в использовании и удовлетворяющим его эстетическую потребность; свидетельствует о способности среды быть использованной в соответствии с предназначением в целом.

Субшкала *Отчужденность* состоит из 12 утверждений, которые так или иначе связаны с неприятием, отчуждением своего домашнего пространства, ощущением дискомфорта в доме, в котором ломаются вещи, что в целом приводит к «нестремлению» человека домой.

Субшкала *Пластичность* содержит 9 пунктов и определяет возможность среды быть динамичной и отвечать потребности что-либо в ней переделать, изменить, преобразовать.

Субшкала *Историчность* включает 7 утверждений, раскрывает, в какой степени дом связан с историей семьи, с биографией личности и с прошлым в целом.

Сначала для каждой группы был проведен корреляционный анализ между наиболее частотными дескрипторами Анкеты психологической безопасности. Интерес представили корреляции дескрипторов «Позитивное окружение» и «Дом, жильё» с другими переменными Анкеты. Было выявлено, что у респондентов с *низким уровнем ПТС* переменная «Позитивное окружение» коррелирует только с одной переменной – «Владение информацией» ($r_s = 0,47$, $p = 0,02$), а переменная «Дом, жильё» – с четырьмя переменными: «Доверие» ($r_s = 0,4$, $p = 0,05$), «Уверенность в окружении» ($r_s = 0,5$, $p = 0,03$), «Здоровье» ($r_s = 0,5$, $p = 0,02$), «Чувство комфорта» ($r_s = 0,57$, $p = 0,01$).

У группы с *высоким уровнем ПТС* переменная «Позитивное окружение» коррелирует с 7 переменными: «Уверенность в себе» ($r_s = 0,61$, $p = 0,001$), «Спокойствие, умиротворенность» ($r_s = 0,4$, $p = 0,04$), «Уверенность в окружении» ($r_s = 0,4$, $p = 0,03$), «Дом, жильё» ($r_s = 0,5$, $p = 0,003$), «Доверие» ($r_s = 0,4$, $p = 0,03$), «Чувство комфорта» ($r_s = 0,4$, $p = 0,04$), «Надежные друзья, верность» ($r_s = 0,5$, $p = 0,01$). Переменная «Дом, жильё» коррелирует с 9 переменными: «Надежность» ($r_s = 0,5$, $p = 0,01$), «Уверенность в себе» ($r_s = 0,4$, $p = 0,04$), «Мудрость» ($r_s = 0,6$, $p = 0,003$), «Поддержка, помощь» ($r_s = 0,5$, $p = 0,001$), «Спокойствие, умиротворенность» ($r_s = 0,5$, $p = 0,003$), «Позитивное окружение» ($r_s = 0,5$, $p = 0,003$), «Здоровье» ($r_s = 0,5$, $p = 0,003$), «Удобство, уют» ($r_s = 0,6$, $p = 0,001$), «Доверие» ($r_s = 0,4$, $p = 0,03$).

Данные показывают, что для респондентов с низким уровнем посттравматического стресса позитивное окружение является источником информации, которую они используют для достижения психологической безопасности. Переменные «Позитивное окружение» и «Дом» не коррелируют между собой и имеют разное значение для этой группы респондентов: если позитивное окружение – источник информации, то дом – здоровье, переживание комфорта, доверия, уверенности в окружении.

Для респондентов с высоким уровнем ПТС конструкты «Позитивное окружение» и «Дом» тесно связаны между собой. Позитивное окружение, в отличие от первой группы, приносит спокойствие, комфорт, уверенность, связано с доверием и надежными друзьями, а дом ассоциируется с надежностью, поддержкой, мудростью и переживанием спокойствия и уюта.

В целом можно отметить, что при низком уровне посттравматического стресса человек действительно рассматривает окружение как источник собственной активности, а дом – как место, связанное с комфортом. При высоком уровне посттравматического стресса дом и позитивное окружение не дифференцированы и с ними соотносятся чувства спокойствия, надежности, уверенности в себе и в окружении, ожидается помощь и поддержка. Иными словами, в этом случае субъект менее активен и предпочитает соотносить с позитивным окружением не стратегию достижения суверенности, а стратегию поиска социальной поддержки, что, по существу, и было показано в параграфе 4.2.

Наряду с анализом данных, полученных с помощью Анкеты психологической безопасности, были проанализированы результаты использования методики «Личностная релевантность домашней среды» (таблица 4.3). Для большей достоверности данных различия были получены только на выборке 18–25-летних респондентов.

Результаты показали, что к своему дому в меньшей степени привязаны респонденты первой группы, которые, по результатам исследования, в целом доверяют своему дому и считают его комфортным, однако не зависимы от него и не соотносят с ним большую часть своей жизни. Для второй группы, наоборот, дом имеет существенное значение и как личное место, и как место, которое связывает человека с семьей, от которой, как было выявлено в предыдущем исследовании, ожидается помощь и поддержка.

Ассоциация безопасности с домом, его надежностью и поддержкой, которая ожидается от родителей, верных друзей, у респондентов с высоким уровнем ПТС объясняется сужением социального

Таблица 4.3

Различия по показателям методики «Личностная релевантность домашней среды» между группами

Субшкалы методики «Личностная релевантность домашней среды»	Сумма рангов в 1 группе	Сумма рангов в 2 группе	U	Уровень значимости	Объем группы 1	Объем группы 2
Управление домашней средой	343,0	360,0	150,0	0,54	17	20
Ресурсность домашней среды	364,0	339,0	129,0	0,21	17	20
Самопрезентация	365,0	338,0	128,0	0,2	17	20
Эргономичность	342,0	360,5	150,5	0,55	17	20
Отчужденность	393,5	309,5	99,5	0,03*	17	20
Пластичность	321,0	382,0	168,0	0,95	17	20
Историчность	256,5	446,5	103,5	0,04*	17	20
Сумма	307,0	369	154,0	0,6	17	20

Примечание. U-критерий Манна–Уитни; * – значимость различий на уровне $p < 0,05$.

круга до границ безопасного окружения. По мнению А. А. Бочавер одним из компонентов представлений о доме является так называемый универсальный образ дома как безопасного для человека пространства, «дом обеспечивает не только физическую безопасность владельца, но и его личностную целостность, способность к долговременному планированию, прогнозированию и целеполаганию, устойчивость социальных связей» (Бочавер, 2015, с. 10). Автор рассматривает дом как психотерапевтический ресурс совладания с теми или иными жизненными проблемами и трудностями, как средство, с помощью которого можно «хотя бы отчасти компенсировать переживаемые в настоящем небезопасность и одиночество» (там же, с. 11).

Безусловно, нельзя однозначно трактовать дом как убежище, которое имеет для человека только позитивный смысл. Дом может защищать от опасности, а может ограничивать действия человека, быть местом, которое позволяет уйти от проблем и продолжительно пребывать «в изоляции, вне досягаемости» (Стайнер, 2010, с. 17).

Позитивный смысл дома, домашней среды в том, что это «место, где можно сделать что-то полезное или интересное, защита от стихий и недоброжелателей, это почва, основа, „тыл“. Отсюда человек

выходит в другие социальные пространства и сюда стремится вернуться. Дом – метафора личности, результат жизнетворчества субъекта и в то же время – источник его изменения» (Нартова-Бочавер, Дмитриева, Резниченко, 2015, с. 71). Домашняя среда, по мнению Нартовой-Бочавер, является существенным экосоциальным ресурсом, поддерживающим психологическое благополучие человека.

Несмотря на важность самого факта наличия у человека дома, качественная оценка домашней среды с точки зрения ее дружелюбности «как меры соответствия существующих и воспринимаемых возможностей среды потребностям находящегося в ней субъекта» (Нартова-Бочавер, Дмитриева, Резниченко, 2015, с. 73) также крайне важна. Сложности с пониманием друг друга в кругу ближайшего окружения могут возникать вследствие желаемой, но нереализуемой этим окружением поддержки одного или нескольких членов семьи, получивших психическую травму. Ограниченность ресурсов совладания с трудностями только ресурсностью «дома» (т.е. помощью, поддержкой, пониманием друзей и родителей) без более широких связей и отношений, по-видимому, также малоэффективна. Именно поэтому «привязанность» человека, получившего психическую травму, к дому, следует не однозначно трактовать как позитивный ресурс, используемый для достижения психологического благополучия, но допускать возможность инвертирования представлений об этом ресурсе как источнике совладания с жизненными трудностями.

Завершающим этапом статистического анализа результатов стала дополнительная проверка *общей гипотезы* исследования о том, что наряду с функцией социальной поддержки позитивное окружение позволяет человеку достигнуть психологической безопасности через реализацию функции установления границ психологического пространства личности (суверенности) с учетом степени его психической травматизации.

Данные корреляционного анализа (таблица 4.4) показывают, что респонденты с низким уровнем ПТС соотносят суверенность с дескрипторами «надежность» и «уверенность в себе», причем именно суверенность социальных связей (СС) соотносится в этой группе с уверенностью в себе. Такие показатели психологической безопасности, как «самосохранение», «счастье», «контроль ситуации», «поддержка мамы», связаны с суверенностью отрицательно.

У респондентов с высоким уровнем ПТС (таблица 4.5) суверенность и психологическая безопасность связаны в основном положительно. Значительный вклад в эти связи делает показатель «надеж-

Таблица 4.4
Корреляция показателей СПП с дескрипторами
Анкеты психологической безопасности в первой группе

Дескрипторы	Шкалы СПП						
	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ	СПП
Самосохранение	-0,55**		-0,40*			-0,40*	
Счастье	-0,50*	-0,42*		-0,42*	-0,40*		-0,54**
Надежность			0,45*				
Контроль ситуации			-0,43*				
Поддержка мамы	-0,49*		-0,45*				
Уверенность в себе					0,48*		

Примечание. В таблице указаны значения коэффициента корреляции; * – значимость связей на уровне $p < 0,05$, ** – значимость связей на уровне $p < 0,01$.

Таблица 4.5
Корреляция показателей СПП с дескрипторами
Анкеты психологической безопасности во второй группе

Дескрипторы	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ	СПП
Надежность			0,61**		0,42*		0,39*
Уверенность в себе			0,46*				0,48*
Любовь		0,47**					0,39*
Компетентность, ум	-0,39*						
Надежные друзья, верность		0,52**					
Поддержка, помощь			0,43*				
Контроль ситуации					0,42*		
Надежный спутник					0,40*		
Позитивное окружение		0,48**	0,40*			0,40*	
Обдумывание, прогнозирование					0,42*		

Примечание. См. обозначения к таблице 4.4.

ность». В отличие от первой группы суверенность тесно сопряжена с поддержкой, наличием позитивного окружения, надежного спутника, надежных и верных друзей.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что, согласно полученным результатам, высокому уровню посттравматического стресса соответствует низкий уровень суверенности личности и ее отдельных показателей – суверенности физического тела, территории и личных вещей. Показано, что самосохранение и социальная поддержка являются инвариантными характеристиками психологической безопасности личности, при этом направленность социальной поддержки (поддержка социального окружения или самопомощь) и представление о субъектах, от которых ожидается помощь, различны у людей с разным уровнем посттравматического стресса.

Поскольку для респондентов, имеющих *высокий уровень ПТС*, характерна тесная связь показателя (дескриптора) психологической безопасности «дом, жилье» с другими показателями (дескрипторами), было принято решение проанализировать особенности домашней среды для обеих групп респондентов. Данные показали, что при высоком уровне ПТС респонденты наиболее тесно соотносят свою жизнь с домашней средой (опросник «Личностная релевантность домашней среды»). В этой группе «дом» ассоциируется с надежностью, мудростью, поддержкой, спокойствием и доверием и тесно коррелирует с параметром «позитивное окружение». Наличие в этой группе низких значений по некоторым характеристикам суверенности психологического пространства личности доказывает, что одна из функций, которая ожидается от позитивного окружения, а именно предоставление субъекту возможности сформировать свое психологическое пространство с гибкими границами, в группе с высоким ПТС реализуется не полностью. Этот вывод подтверждается и тем, что показатели суверенности психологического пространства личности тесно связаны не только с уверенностью в себе, но и с такими дескрипторами психологической безопасности, которые указывают на наличие у респондентов этой группы *потребности в социальной поддержке* (надежные друзья, верность; поддержка, помощь; позитивное окружение).

В отличие от респондентов с высоким уровнем ПТС, у респондентов с *низким уровнем ПТС* выражены обе функции, приписываемые социальному окружению – поддержка, помощь (см. таблицу 4.2) и суверенность психологического пространства личности (см. таблицу 4.1). При низком ПТС респонденты менее привязаны к дому, что для возраста 18–25 лет должно быть достаточно типичным. Важно также подчеркнуть, что в этой группе респондентов

«Дом» и «Позитивное окружение» как дескрипторы психологической безопасности личности имеют самостоятельное значение: «Дом» ассоциируется с чувством комфорта, доверием, здоровьем и уверенностью в окружении, а «Позитивное окружение» – с владением информацией, т. е. с более активной позицией субъекта по сравнению с ожиданием помощи от окружения. Поддержка, помощь в этой группе не персонифицированы, т. е. не соотносятся с конкретными субъектами – надежными друзьями, спутником жизни и др., как это наблюдается при высоком ПТС.

Итак, согласно имплицитной и, построенной на ее основе, эксплицитной модели психологической безопасности, она представлена, по крайней мере, тремя теоретическими конструктами. Это – Позитивное окружение, Опытность, информированность и Внутренний комфорт (см. главу II). Рассматривая в настоящей главе конструкт «Позитивное окружение», мы остановились на одной из его функций – на формировании суверенности психологического пространства личности, т. е. на создании безопасных и гибких границ, которое возможно при сопряженном участии в этом процессе окружения и самой личности. Показано, что, если по причине психотравматизации у человека нарушается интеграция идентичности и снижается способность к нормальному функционированию в социуме, у него также снижается ощущение суверенности психологического пространства личности. В исследовании обнаружено, что в этом случае начинает доминировать другая функция позитивного окружения, которая проецируется на это окружение субъектом – ожидание социальной поддержки и помощи. Следует предположить, что при очень высоком уровне посттравматического стресса у личности снижаются ожидания и в отношении социальной поддержки. Ресурсным для человека с высоким ПТС является подкрепление его активности в построении прогнозов на будущее и в их реализации (см. таблицу 4.5 – положительная связь показателя «суверенность социальных связей» и дескриптора «обдумывание, прогнозирование»).

При низком уровне посттравматического стресса обе функции более или менее уравновешены и достаточно четко дифференцированы, что обеспечивает широту возможностей функционирования в социуме и поддержание высокого уровня психологической безопасности личности, а также варьирование этих функций в зависимости от разных жизненных обстоятельств.

В настоящей главе значительное внимание было уделено проблеме суверенности психологического пространства личности

как одной из функций, которую выполняет позитивное окружение. Следующая глава (глава V) посвящена другой функции, которую выполняет позитивное окружение – социальной поддержке и ее вариативности в зависимости от уровня психической травматизации личности.

ГЛАВА V

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНОГО СТРЕССА

В отечественной психологии проблема психологической безопасности личности стала изучаться совсем недавно и остается остроактуальной (Журавлев, Тарабрина, 2012). Социальные конфликты, терроризм, стрессы становятся частыми, практически повседневными явлениями жизни современного человека и закономерным образом стимулируют проведение исследований, в которых изучаются последствия влияния этих факторов на психологическое благополучие и безопасность личности (Тарабрина, Быховец, 2012). В обыденных представлениях людей собственная безопасность ставится в зависимость от влияния окружающих человека условий, обстоятельств, которые, однако, воздействуют на него не прямо, а опосредованно, преломляясь через систему внутренних факторов, личностных особенностей (Ермолаева, 2013; Харламенкова, 2012б). В представлениях человека о психологической безопасности отражаются особенности среды, в которой он находится, что позволяет оценивать эти особенности, в частности степень опасности, и выявлять потребность личности в социальной поддержке.

Как показано в предыдущих главах, существует необходимость в системном изучении психологической безопасности. Это вызвано отсутствием точного определения данного явления и сложностью выделения термина из множества близких по смыслу понятий (например, надежность, устойчивость, защищенность). Кроме того, до настоящего времени проблема психологической безопасности исследуется в рамках отдельных дисциплин: психологии труда, социальной психологии (психология семьи) и др., что затрудняет создание общей теоретической модели психологической безопасности личности. Тем не менее как в обыденном, так и в научном знании психологическая безопасность часто определяется посредством

ряда конструктов – Позитивное окружение, Опытность, информированность, Внутренний комфорт (см. главу II). В настоящей главе мы остановимся на изучении одного из этих конструктов – позитивного окружения, благодаря которому, как мы отмечали ранее, расширяется психологическое пространство личности и она ощущает свою защищенность, значимость, получает обратную связь от окружения в виде помощи, поддержки, установления границ Я и не-Я и др. Построение границ психологического пространства личности, во многом обеспечиваемое окружением, детально исследовано в предыдущей главе книги (см. главу IV). В этой главе основное внимание предполагается уделить другой функции позитивного окружения – социальной поддержке, которая будет анализироваться в связи с феноменами психологической безопасности и посттравматического стресса.

5.1. Виды социальной поддержки

В гуманитарных науках широко обсуждается проблема социальной поддержки как важнейшего ресурса, средствами которого обеспечивается нормальное функционирование человека в социуме. Существенную роль социальная поддержка играет в детско-родительских отношениях, когда ребенок получает от близких людей помощь в решении своих актуальных задач. Без родительской поддержки возникает угроза фрустрации базовых потребностей ребенка, угроза его физического и психического здоровья, приводящая к развитию психосоматических и иных расстройств (Лифинцева, Холмогорова, 2015).

Социальная поддержка удовлетворяет определенные потребности человека: в близости, доверии, защите, помощи, информации, разрядке, общении и пр. Для сохранения здоровой психики, полноценного личностного развития человек должен иметь постоянный и регулярный доступ к социальной поддержке, ему необходимо разделять с кем-то трудности и радости, испытывать удовлетворенность отношениями, построенными на основе взаимопонимания и взаимопомощи (Холмогорова, Петрова, 2007).

Социальная поддержка предоставляет человеку недостающие, в том числе и материальные, ресурсы, что существенно снижает ощущение незащищенности, беспомощности, чувство одиночества. Поддержка помогает человеку гармонично интегрироваться в общество, создает и укрепляет связи с другими людьми и группами, способствует повышению самооценки (Харламенкова, Проценко, 2015).

В стремлении человека поделиться своими трудностями, получить одобрение, признание или совет находит отражение его потребность в социальной поддержке. Социальная поддержка не безлична, ведь индивидуально-психологические особенности индивида, его предпочтения и установки влияют на то, насколько он активен в социальном взаимодействии, определяют качество его отношений с окружающими людьми, придают специфичность обращению человека к социальной поддержке.

Изучение социальной поддержки и ее роли в регулировании социального функционирования человека стало предметом научного исследования достаточно давно и не потеряло своей актуальности в настоящее время. В многочисленных работах по изучению социальной поддержки ее содержание, структура и характеристики определялись различными способами, однако большинство ученых сошлись во мнении, что социальная поддержка ослабляет последствия стресса и его влияние на психическое здоровье человека, а также повышает качество социального функционирования индивида (например, Cassel, 1976; Cobb, 1976). В дальнейшем исследовании социальной поддержки приобрели фундаментальный характер, поскольку в качестве задач исследования стали выдвигаться предположения о закономерностях социального взаимодействия человека со средой и его последствиях. Показано, что социальные отношения в виде поддержки оказывают серьезное влияние на психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью, тогда как отсутствие достаточной социальной поддержки снижает качество жизни и возможность противодействовать трудностям в сложных ситуациях, даже при наличии дополнительных ресурсов (Lunsky, 2001).

А. Лайрейтер с соавт. (Laireiter et al., 1997) выделяют пять эффектов позитивного влияния социальной поддержки на индивида:

1. *Социальный эффект «цита»*. Эффект передается в социальном окружении: социальная структура отношений способствует редукции стрессовых и приумножению позитивных событий, которые могут стабилизировать и даже улучшать компетентность в преодолении стресса и общее состояние индивида.
2. *Когнитивный эффект «цита»*. Предполагается, что восприятие социальной поддержки (воспринимаемая поддержка) отделяет негативные для стресса суждения о событиях и одновременно повышает благоприятные оценки окружающего мира. Это способствует положительной оценке объективных признаков ситуации и их субъективного значения.

3. *Эффект эмоциональной разрядки и буферизации.* Многие исследователи отмечают, что одно только знание о существовании близких людей, а тем более их присутствие снижает такие эмоциональные реакции, как страх, неуверенность, появляющиеся при какой-либо стрессовой ситуации. В свою очередь, отсутствие или недостаток близких лиц и поддержки может ухудшить общее состояние и повысить подверженность стрессам.
4. *Когнитивный эффект преодоления проблемы.* Данный эффект воздействия связан с когнитивным процессом оценки, т. е. с выбранным алгоритмом действий и поставленными целями. Знание того, что человек не одинок в своей проблеме, что его понимают и он может спросить совета, – все это в итоге может изменить представление о стрессе и возможностях его преодоления.
5. *Социальное преодоление или помощь в преодолении стресса.* Данный путь воздействия касается функций полученной поддержки. Предполагается, что реально полученная поддержка (помощь в преодолении трудностей) обладает тремя функциями: поддержание конкретных, релевантных психологических систем преодоления (например, повышение самооценности, самопродуктивности); активная поддержка в преодолении и решении проблем (например, помощь при выработке возможных решений); прямое вмешательство в преодоление (предоставление денежных сумм и т. д.) (Лифинцев, Лифинцева, 2011, с. 77).

Традиционным стало выделение отдельных составляющих социальной поддержки – эмоциональной, инструментальной и когнитивной составляющих. *Эмоциональная составляющая* поддержки – это чувства общности, доверия, уважения, надежности и эмоциональной сопричастности. Данная поддержка отвечает за чувства близости с другим человеком, за ощущение безопасности и восприятия человеком себя как нужного и ценного.

Когнитивный компонент социальной поддержки включает в себя анализ, оценку, размышление о какой-то конкретной ситуации или безотносительно к ней, т. е. о поддержке в жизни в целом. Когнитивная поддержка часто проявляется в оказании помощи, в понимании причин возникновения той или иной ситуации, когда человек задается вопросом, почему это произошло. Когнитивный компонент социальной поддержки необходим при выстраивании определенного алгоритма действий, а также при выделении ресурсных возможностей личности и в получении совета в виде руководства к действиям.

Инструментальная поддержка представляет собой непосредственную помощь и предполагает конкретные действия для решения настоящей проблемы. Например, взаимодействия со специалистами – врачом, психологом и др.

Принято выделять так называемое естественное социальное окружение, т. е. наличие естественной социальной поддержки: близких людей – друзей, родственников и др., причем характер этой поддержки может быть разным и иметь как позитивный, так и негативный эффект. Качество межличностных семейных отношений является одним из ведущих факторов социальной поддержки. На эмоциональную поддержку семьи большое влияние оказывают совокупность переживаний, связанных с данным человеком и в целом принятие его как члена семьи. Представления в семье о чертах характера, интересах, желаниях, ценностях друг друга являются звеном когнитивной составляющей социальной поддержки, причем в данном случае когнитивная поддержка может быть и эффективной, и неэффективной в зависимости от объективности и полноты сведений. Особенности взаимодействия и контроля в семье обеспечивают инструментальную социальную помощь и поддержку (Сапоровская, 2002, 2012).

Кроме того, социальная поддержка может быть оказана не только ближайшими родственниками и друзьями, но и людьми, имеющими профессиональные знания и навыки в этом вопросе (психологи, социальные работники и др.), а также любым человеком или группой людей, которые выражают готовность прийти на помощь и оказать эмоциональную, когнитивную и инструментальную поддержку. В непрофессиональной группе могут быть как представители волонтерских движений, так и люди, оказавшиеся непосредственно в ближайшем окружении (хорошо известен феномен «ночного попутчика»). Результат такого взаимодействия не всегда оказывается однозначно позитивным, иногда может даже усугубить психическое состояние страдающего человека. Психологических исследований, специально направленных на изучение такого типа межличностного взаимодействия, вероятно, не проводилось, хотя эти вопросы обсуждаются в социально- и клинко-психологических работах. Что касается форм социальной поддержки, оказываемой волонтерами, то их направленное изучение только начинается. Это обусловлено тем, что возрождение волонтерских движений в нашей стране произошло только в 1980-е годы, и сейчас можно констатировать появление потребности научного осмысления этой (чрезвычайно важной) формы социальной активности насе-

ления. Так, в работе М. А. Балакина, посвященной изучению особенностей организации психологической помощи с привлечением волонтеров, показано, что вовлечение волонтеров в общественную деятельность является определенным механизмом социализации личности (Балакин, 2011).

В целом социальная поддержка (а именно ее позитивные проявления) влияет на чувство общности во взаимодействии людей, она позволяет индивиду испытывать свою социальную принадлежность и ценность, помогает ему в адаптации к стрессовым ситуациям, а также удовлетворяет базовые потребности индивида, в том числе потребность в безопасности.

Иногда сам факт доступности социальной поддержки является ресурсом. Человек, зная, что он может в любой момент получить поддержку от близких и значимых людей, легче справляется с ситуацией. В данном случае социальная поддержка относится к сфере внутренних ресурсов, поскольку базируется на прошлом и успешном опыте. И, наоборот, невозможность получения социальной поддержки еще больше дезорганизует человека, а чувство изоляции на ранних этапах травматизации усугубляет симптомы протекания стресса (Харламенкова, Проценко, 2015).

Позитивная роль социальной поддержки выявлена при лечении соматических заболеваний (Ярославская, Ярославская, 2014), при совладании со стрессом на работе (Toker et al., 2012), в семье (McEachern et al., 2013); изучены особенности социальной поддержки при алекситимии (Холмогорова, Московская, Шерягина, 2014) и других психических особенностях; психических расстройствах (Критская, Мелешко, Поляков, 1991; Powell et al., 2001; Denenny et al., 2015); трудных жизненных ситуациях (House, Landis, Umberson, 1988; Collins et al., 1993; Holahan et al., 1995) и онкологических заболеваниях (Тарабрина с соавт., 2010; Яровая, 2014; Levin, Kissen, 2006).

В современных психологических исследованиях значительное внимание уделяется совладанию со стрессом, а также преодолению нежелательных последствий, вызванных влиянием на человека *стрессоров высокой интенсивности* (Тарабрина, 2009, 2011, 2012). Поддержка ближайшего окружения, а также людей, способных профессионально помочь травмированному человеку пережить драматическое событие, снижают риск развития длительных посттравматических реакций на стрессор, который продолжает переживаться актуально. Известно, что работа с людьми, пережившими сложную стрессовую ситуацию, ее проговаривание и обсуждение в первые часы после события помогает справиться с угрозой отсроченного

влияния стрессора (Эффективная терапия..., 2005; Тарабрина, Быховец, 2014). Социальная поддержка способствует переоценке события, поскольку во время взаимодействия с другими людьми человек получает доступ к чужому опыту, что помогает ему качественно улучшить собственные поведенческие модели.

В зарубежных исследованиях показано, что воспринимаемая человеком безопасность является модератором связи социальной поддержки и посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) после пережитого события (Cai et al., 2014). Также установлено, что по тому, как воспринимается социальная поддержка, можно предсказать уровень депрессии (Ferrajão, Oliveira, 2014), учитывая половую и расовую принадлежность субъекта (Boyras et al., 2015).

Значительный объем проводимых в настоящее время исследований посвящен роли социальной поддержки в развитии ПТСР у ветеранов войны (Brinn, Auerbach, 2015), а также мирных жителей (Nuttman-Shwartz, Dekel, Regev, 2015). При анализе рисков развития ПТСР у бывших военнослужащих внимание обращается на то, что отсутствие социальной поддержки повышает вероятность возникновения ПТСР и его тяжесть (Brewin, Andrews, Valentine, 2000). Как показано в исследованиях ветеранов войн во Вьетнаме и Афганистане, которые были не популярны в обществах, потребовались значительные усилия со стороны социальных институтов к изменению общественного сознания с отрицательного полюса на положительный, что в значительной степени повысило уровень социальной поддержки бывшим военнослужащим (Знаков, 1990; Тарабрина, Лазебная, 1992).

Однако осуществление социальной поддержки ветеранам войны, особенно тем, кто страдает ПТСР, значительно осложняется их тяжелыми негативными переживаниями. В структуре ПТСР имеется симптом «numbing» (эмоциональное онемение, отчужденность, отстраненность), который является зачастую труднопреодолимым препятствием к продуктивному социальному взаимодействию и требует квалифицированной психолого-психиатрической помощи, открывающей (в случае ее эффективности) возможности личности воспринимать сочувствие и поддержку близкого окружения. Вышесказанное в равной мере относится к индивидам с ПТСР, которые подвергались другим видам травмирующего воздействия: жертвам преступлений, насилия, стихийных и антропогенных катастроф (Тарабрина, 2009; Saugh, 1991; Norris, 1992).

В исследовании Нутманн-Шварц с соавт. сравнивался уровень ПТСР у городских и сельских жителей разного возраста после непре-

рывных ракетных атак. Также учитывался вклад отдельных ресурсов (социально-демографических переменных) и социальных факторов (например, места проживания, чувства принадлежности к определенному сообществу). Результаты показали, что в целом у пожилых людей уровень посттравматического стрессового расстройства выше, чем у молодых. Тем не менее место жительства, а также индивидуальные и социальные ресурсы, как показало исследование, влияют на уровень ПТСР больше, чем возраст участников (Nuttman-Shwartz, Dekel, Regev, 2015). Также было установлено, что на развитие ПТСР влияет социальная близость людей, например, их совместное проживание. Обнаружено, что ПТСР может развиваться не только у супругов, имеющих реальный военный опыт, но и у их партнеров, не имеющих такого опыта, а это значит, что уровни ПТСР обоих супругов взаимосвязаны (Bramsen, Ploeg, Twisk, 2002).

Влияние различных социальных факторов, в том числе и социальной поддержки на снижение симптомов ПТСР, во многом зависит от целого ряда побочных переменных, одной из которых является переменная «возраст». Данные многочисленных исследований показывают, что уровень ПТСР меняется от более молодого к старшему поколению (Wetherell, 1998; Ron, 2014); изменяется характер и интенсивность социальной поддержки. Если в период средней взрослости преобладает взаимовыручка, доверительные отношения, поиск помощи, основой которых является схожесть опыта и стоящих перед разными людьми задач: профессиональных, социальных, мировоззренческих, то в более старшем возрасте отношение к социальной поддержке становится иным. Это изменение вызвано сужением социальных контактов, потерей интереса к разнообразному и тесному общению, уплощением иерархии потребностей у достаточно большого числа людей старшего возраста. Немаловажную роль в этих изменениях играет ухудшение здоровья, которое ограничивает ресурсы человека, влияет на мотивационно-потребностную сферу личности, на предпочтения, вкусы, жизненные приоритеты. Изменения могут быть связаны и с недоверием к другим людям, с наличием негативного опыта в получении социальной поддержки, с неумением просить о помощи, особенно при переживании человеком последствий влияния на него стрессоров высокой интенсивности, которые в старшем возрасте принимают кумулятивный характер.

Говоря о *возрастных различиях* в социальной поддержке, нельзя не коснуться вопроса о *возможных когортных различиях* между группами людей, взросление которых приходилось на разные

исторические периоды развития общества (Харламенкова, Проценко, 2015). Действительно, интенсивные социальные процессы, которые произошли в России за последние два с лишним десятилетия, создали условия для появления межпоколенческих различий в системе ценностей, потребностей, нравственных ориентиров. Однако наряду с определенной динамикой социальных и этических ценностей отмечается и их стабильность, обусловленная многовековыми культурными особенностями российской ментальности. Целый ряд исследований, проводившихся в области социальных представлений (К. А. Абульханова, Т. П. Емельянова, Н. А. Смирнова (Александрова), М. И. Воловикова, И. А. Джидарьян и др.), показал, что социальные репрезентации россиян о порядочном человеке, о счастье, об умном человеке и т. д. устойчиво включают в себя социально-этический фактор (ассоциации «скромный», «доброжелательный», «добрый», честный», «помогает другим») (Абульханова, 1997). В исследованиях социальных представлений об умном человеке, проведенных в начале 1990-х годов, а затем в 2004 и в 2010 г. с использованием метода поперечных срезов, убедительно показано, что социально-этические характеристики входят в ядро социальных репрезентаций и не смещаются на периферию ни в одной из обследуемых групп (Александров, Александрова, Харламенкова, 2011).

«Устойчивость ядра может объясняться тем, что динамика как структур субъективного опыта, так и культуры имеет своей основой наложение новых элементов на ранее сформированные, а не замену старых новыми» (Александров, Александрова, 2009, с. 235), а это значит, что *социальная поддержка*, которая включается респондентами в социально-этический фактор, менее всего подвержена влиянию глобальных перемен, происходящих в обществе, и ее динамика во многом может быть обусловлена возрастом и связанным с ним изменением уровня социальной активности человека.

Немаловажно исследование социальной поддержки и представлений о ней в трудных жизненных ситуациях, когда человек по каким-то причинам оставляет привычные для него условия социального общения и оказывается в непривычной для него обстановке. В такой ситуации может усилиться потребность в безопасности, возникнуть тревожность, чувство беспомощности, страх. Нам представляется, что изучение социальной поддержки в таких жизненных обстоятельствах может подтвердить существующие и выявить новые данные об интересующих нас явлениях – психологической безопасности, посттравматическом стрессе и социальной поддержке.

5.2. Социальная поддержка и психологическая безопасность в трудных жизненных обстоятельствах: эмпирическое исследование*

Изменение обстоятельств жизни, социального статуса субъекта, который попадает в особые условия жизни и, по существу, лишается привычного ресурса обращения за помощью, позволяет изучить представления о безопасности личности в связи с жесткой регламентацией социальных ролей, выявить специфические механизмы приспособления к сложным жизненным обстоятельствам. Конкретным объектом теоретико-эмпирического исследования стала выборка солдат срочной службы, которые находятся в подобных обстоятельствах.

Изучение поставленного вопроса тем более важно в свете обнаруженной нами тенденции: большинство исследований, проведенных на разных выборках солдат-срочников, посвящено изучению психических заболеваний, в том числе шизофрении, тревожности, депрессии (Lönqvist et al., 2009; Stefanis et al., 2004), а также таким явлениям, как буллинг и дедовщина (Østvik, Rudmin, 2001). Из наиболее близких к рассматриваемой нами проблеме можно отметить исследование личностных особенностей и совладающего поведения в стрессовых ситуациях (Larsson, 1989), а также работу, посвященную изучению установки на риск и безопасность во взаимосвязи с лидерством и сплоченностью группы (Börjesson, Österberg, Enander, 2011). В отечественной психологии в ряде диссертационных исследований изучен уровень тревожности, реакции на фрустрацию, временная перспектива и другие психологические особенности в группах солдат-срочников (Громов, 2002; Квасова, 2013).

Состояние, в котором находятся солдаты срочной службы, можно рассматривать как неоднозначное: с одной стороны, его следует оценивать как стрессовое, а с другой – как мобилизующее силы, требующее от человека демонстрации выносливости, жизнестойкости, стрессоустойчивости (Карояни, 2006). Согласно К. Долану и М. Эндеру, военная среда отличается особыми видами стрессоров. Кроме того, некоторые аспекты среды имеют парадоксальный характер; показано, что ожидание срочником социальной поддержки от других солдат, от семьи и друзей может само по себе стать потенциальным источником стресса (Dolan, Ender, 2008). Не только средовые факторы, но и недостаточность внутренних ресурсов, наличие травматического опыта препятствуют принятию помощи.

* Результаты исследования впервые опубликованы в статье: Дымова, Тарабрина, Харламенкова, 2015.

В исследовании Т. Хойта с соавт., проведенном, в частности, на солдатах, было показано, что при наличии признаков ПТСР способность к самораскрытию, к выражению эмоций относительно травматических событий снижается. Выявлено, что выражение положительных эмоций имеет большую вероятность, чем выражение отрицательных, и степень самораскрытия во многом зависит от того, перед кем раскрывается человек. Социальная поддержка уменьшает риск ПТСР, однако эта связь не является безусловной и определяется целым рядом факторов, в том числе и тем, какую цель преследует человек в процессе самораскрытия (Нойт et al., 2010).

Ключевые конструкторы данного исследования: «психологическая безопасность», «травматический опыт» и «социальная поддержка». Понятие «психологическая безопасность» было использовано преимущественно для оценки представлений о безопасности и косвенно для оценки среды; «травматический опыт» – для характеристики истории жизни человека с точки зрения его травмированности; «социальная поддержка» – для определения специфики совладания с трудными жизненными обстоятельствами (служба в армии).

Целью исследования стало изучение различий в представлениях молодых людей с разным травматическим опытом о психологической безопасности и анализ особенностей принятия социальной поддержки в трудных жизненных обстоятельствах.

Задачи

1. Выявить различия в представлениях о психологической безопасности у молодых людей с разным травматическим опытом.
2. Провести анализ психотравмирующих событий в группах молодых людей с разным травматическим опытом.
3. Определить специфику социальной поддержки при разном травматическом опыте.

Гипотеза: в трудных жизненных обстоятельствах психологическая безопасность ассоциируется с самосохранением и принятием социальной поддержки. Чем выше уровень индивидуальной травматизации личности, тем более выражена потребность в эмоциональной поддержке, ожидаемой от самых близких людей, и менее – потребность в социальной интеграции.

Участники исследования – 123 солдата-срочника, мужчины в возрасте от 18 до 25 лет, проходившие воинскую службу в частях Московской области. Для оценки и сопоставления представлений респондентов основной выборки о психологической безопасности

были дополнительно обследованы 132 студента гуманитарных вузов г. Москвы (60 девушек и 72 юноши).

В процессе исследования были использованы следующие *методические приемы*.

1. Для изучения представлений о психологической безопасности применялась *Анкета психологической безопасности*, разработанная в лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН в 2011 г., которая представляет собой список из 60 слов-дескрипторов, наиболее часто ассоциирующихся с психологической безопасностью. Респондентам предлагалось оценить степень близости того или иного дескриптора к своему представлению о безопасности (по шкале от +2 – абсолютно соответствует – до –2 – совершенно не соответствует).
2. Для определения типа социальной поддержки в межличностных отношениях использовался *Опросник социальной поддержки F-SOZU-22* Г. Соммер, Т. Фридрих (1993) в адаптации А. Б. Холмогоровой, Г. А. Петровой (Холмогорова, Петрова, 2007). Опросник содержит ряд утверждений с ответами от «совсем не соответствует» до «полностью соответствует» и включает следующие шкалы: эмоциональная поддержка (наличие позитивного чувства близости, доверия и общности); инструментальная поддержка (возможность получения важной, полезной информации, получения помощи в решении проблем, в домашних, учебных делах, оказание материальной помощи); удовлетворенность социальной поддержкой (степень удовлетворенности респондента вниманием и пониманием других людей, его оценка этих отношений как безопасных, доверительных); социальная интеграция (наличие круга значимых людей и людей с общими интересами, а также степень включенности опрашиваемого человека в этот круг, ощущение человеком собственной значимости для данной группы лиц). В результате подсчитывается общий балл по всем шкалам.
3. *Опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnaire – LEQ)* (Тарабрина, 2007) основан на самоотчете и предназначен для оценки влияния на личность психических травм, предшествующих актуальной травме. Охватывая жизненный путь (с раннего детства) до настоящего момента, методика дает возможность определить степень влияния события на актуальное состояние человека. Фиксируется количество и характер травматических событий и степень их влияния в настоящем.

Опросник состоит из четырех разделов: криминальные события (грабежи, кражи), природные катастрофы и общие травмы, ситуации физического и сексуального насилия и другие события. По результатам работы с опросником подсчитывается Индекс травматизации (ИТ). Индекс травматизации ниже 2 баллов указывает на отсутствие признаков посттравматического стресса. В настоящем исследовании он оказался равным 1,7.

4. *Опросник выраженности психопатологической симптоматики* (Symptom Check List-90-Revised, SCL-90-R) (Derogatis, 1983; Тарабрина, 2007) как инструмент для определения актуального психологического симптоматического статуса состоит из 90 утверждений. Они объединены в 9 основных шкал: соматизация – SOM, обсессивно-компульсивные расстройства – O-C, межличностная сензитивность – INT, депрессия – DEP, тревожность – ANX, враждебность – HOS, фобическая тревожность – FNOB, паранойяльные симптомы – PAR, психотизм – PSY, и в 3 обобщенных шкалы: общий индекс тяжести симптомов – GSI, индекс наличного симптоматического дистресса – PSDI, общее число утвердительных ответов – PST.

Статистический анализ данных осуществлялся с помощью программного пакета Statistica 7.0, были использованы: U-критерий Манна–Уитни, расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s), факторный анализ (Method of Principal components, Varimax raw), критерий ϕ – угловое преобразование Фишера.

Для понимания особенностей представлений о психологической безопасности у исследуемой выборки было проведено сравнение показателей основной группы (солдат-срочников) с группами юношей и девушек, обучающихся в вузах г. Москвы. Для этой цели использовали Анкету психологической безопасности.

Оценка предпочтений в выборе слов-дескрипторов в сравниваемых группах осуществлялась путем подсчета суммы баллов по ответам +1 и +2 по каждому из 60 дескрипторов Анкеты психологической безопасности у всех респондентов группы с последующим расчетом верхних квартилей. Если суммы баллов по определенному дескриптору превышали значения верхнего квартиля, то их рассматривали как наиболее предпочитаемые ассоциации (таблица 1). Результаты представлены в таблице 1, указаны дескрипторы с наибольшими суммами баллов.

Важно отметить, что для юношей обеих групп психологическая безопасность ассоциируется с «контролем ситуации», «уверенностью в себе», «самосохранением» и «здоровьем». Различия между

Таблица 5.1

Предпочтения (ранги) в выборе дескрипторов в группе солдат-срочников и в группах сравнения (юношей и девушек)

Дескрипторы	Основная группа	Группы сравнения	
	Солдаты-срочники n = 123	Студенты-юноши n = 72	Студенты-девушки n = 60
Контроль ситуации	1	1	3
Уверенность в себе	2	2	5
Надежные друзья, верность	3	8	9
Самосохранение	4	4	11
Поддержка, помощь	5	–	6
Здоровье	6	6	7
Свобода	7	5	14
Доверие	8	–	12
Жизненный опыт, опытность	9	10	–
Надежность	10	11	8
Любовь	11	–	–
Терпимость, сдержанность	12	–	–
Компетентность, ум	13	13	–
Уверенность в окружении	14	16	1
Позитивное окружение	15	–	–
Наличие денег	–	3	–
Владение информацией	–	7	15
Дом, жилье	–	9	4
Защита, защищенность	–	12	2
Обдумывание, прогнозирование	–	14	–
Активность, скорость реакции	–	15	–
Чувство комфорта	–	–	10
Мир в стране	–	–	13

Примечание. Цифры указывают на большее (1 ранг) или меньшее (15 или 16 ранг) предпочтение дескриптора в группе значимых ассоциаций; знак «–» означает, что сумма баллов, набранная по данному дескриптору, не превышает значения верхнего квартиля, и этот дескриптор не входит в группу самых предпочитаемых ассоциаций.

ними состоят в том, что для солдат-срочников такими же важными оказываются «надежные друзья, верность» и «поддержка, помощь», а для юношей-студентов – «наличие денег» и «свобода». Группа девушек отличается иными предпочтениями: на первом месте в представлениях о психологической безопасности стоит «уверенность в окружении», «защита, защищенность», а затем «контроль ситуации», «дом, жилье» и «уверенность в себе». Интересно отметить, что в группу наиболее часто выбираемых дескрипторов у юношей-студентов по сравнению с основной группой не попали: «поддержка, помощь», «доверие», «любовь», «терпимость, сдержанность», «позитивное окружение». У девушек (по сравнению с двумя группами юношей) отсутствуют пункты «жизненный опыт, опытность», «компетентность, ум». Особенностью основной группы по сравнению с группой сравнения является ассоциация психологической безопасности с «любовью», «терпимостью, сдержанностью» и «позитивным окружением», что частично подтверждает гипотезу исследования.

Дальнейший анализ результатов был построен только на основной группе солдат-срочников. Выборка ($n = 123$) была разделена на две подгруппы: N – группа с низкими значениями – и T – группа с высокими значениями по показателю Индекса травматизации (ИТ) методики LEQ (медианный критерий). В первую группу ($n = 57$) вошли респонденты со значениями по ИТ ниже 1,7 баллов, во вторую группу ($n = 66$) – респонденты со значениями по ИТ выше 1,8 баллов.

Целью разделения выборки по Индексу травматизации стало предположение о том, что в зависимости от собственного опыта респондентов представления о безопасности среды будут различаться и высокий уровень травматизации, по-видимому, приведет к снижению возможностей обращения к социальной поддержке. В связи с этим дальнейший анализ строился таким образом, чтобы выявить различия в представлениях о психологической безопасности (с помощью «Анкеты психологической безопасности») у групп N и T (таблица 5.2) и определить характер социальной поддержки, обусловленный этим представлением.

Самые высокие ранги в двух группах респондентов получили такие дескрипторы, как «контроль ситуации» и «уверенность в себе», а одно из последних мест в перечне часто выбираемых дескрипторов занимает «компетентность, ум». Для группы N важными оказались «самосохранение» и «надежные друзья», для группы T – «надежные друзья» и «здоровье».

Таблица 5.2

Предпочтение (ранги) в выборе дескрипторов в группах солдат-срочников с более низким (N) и более высоким (T) индексом травматизации

Дескриптор	Ранги	
	группа N ИТ<1,7	группа T 1,8≤ИТ≤2,6
<i>Основные переменные</i>		
Контроль ситуации	1	1
Самосохранение	2,5	6
Доверие	10,5	7
Уверенность в себе	2,5	2
Надежность	12	9
Поддержка, помощь	5	5
Жизненный опыт, опытность	7,5	10,5
Свобода	7,5	8
Надежные друзья, верность	4	3
Любовь	9	10,5
Компетентность, ум	10,5	12
Здоровье	6	4
<i>Дополнительные переменные</i>		
Ответственность, долг	–	+
Мудрость	–	+
Позитивное окружение	+	–
Физическая подготовка, сила	–	+
Равновесие, стабильность	–	+
Уверенность в окружении	–	+
Терпимость, сдержанность	+	+

Примечание. 1) «основные переменные» – дескрипторы, имеющие наибольшие суммы баллов в обеих группах; «дополнительные переменные» – дескрипторы, выбираемые в одной из групп; 2) знак «+» указывает на попадание дескриптора в группу высокочастотных выборов, знак «–» – на отсутствие дескриптора в группе высокочастотных выборов.

В целях уменьшения размерности данных (количества переменных) был использован факторный анализ – метод главных компонент (Principal Component Analysis, PCA) и варимакс-вращение (Varimax Rotation). Факторизация была проведена по 12 основным и 7 дополнительным переменным (таблица 5.2).

В результате выделено три фактора, определяющих представления о психологической безопасности солдат-срочников группы N ($IT < 1,7$).

1-й фактор – *самосохранение* – «самосохранение» (0,82), «компетентность, ум» (0,73), «равновесие, стабильность» (0,72), «здоровье» (0,62); собственный вес равен 3,08, процент объясняемой дисперсии – 31,4%.

2-й фактор – *доверие и надежные друзья* – «доверие» (0,83), «надежные друзья, верность» (0,82), «позитивное окружение» (0,80), «любовь» (0,7), «надежность» (0,64), «поддержка, помощь» (0,62), «уверенность в окружении» (0,62), «мудрость» (0,60); собственный вес равен 2,1, процент объясняемой дисперсии – 14,6%.

3-й фактор – *уверенность в себе* – «уверенность в себе» (0,74), «физическая подготовка, сила» (0,72), «жизненный опыт» (0,67), «контроль ситуации» (0,65), «терпимость, сдержанность» (0,61); собственный вес – 1,8, процент объясняемой дисперсии – 11,3%.

Выступая в качестве главной характеристики психологической безопасности, самосохранение ассоциируется группой N со стабильностью, здоровьем, с возможностью использовать *когнитивные навыки* и интеллектуальные способности, т. е. с собственными активными ментальными действиями. Менее явно оказались выраженными *социально-психологические* характеристики – наличие надежного и позитивного окружения, а также такие *личностные* ресурсы, как уверенность в себе, жизненный опыт, контроль ситуации и терпимость.

Представления о психологической безопасности в группе T ($IT \geq 1,8$) характеризуют следующие три наиболее весомых фактора.

1-й фактор – *доверие и надежные друзья* – «доверие» (0,75), «свобода» (0,73), «любовь» (0,73), «надежные друзья, верность» (0,67), «равновесие, стабильность» (0,65), «надежность» (0,62), «уверенность в окружении» (0,53); собственный вес равен 4,2, процент объясняемой дисперсии – 22%.

2-й фактор – *самосохранение* – «самосохранение» (0,73), «контроль ситуации» (0,71), «ответственность, долг» (0,70), «мудрость» (0,66); собственный вес равен 2,2, процент объясняемой дисперсии – 11,8%.

3-й фактор – *здоровье* – «здоровье» (0,76), «уверенность в себе» (0,65), «жизненный опыт, опытность» (0,64), «физическая подготовка, сила» (0,62), «терпимость» (0,54); собственный вес – 1,7, процент объясняемой дисперсии – 8,9%.

В отличие от группы N для респондентов группы T самыми значимыми оказались *социально-психологические* ресурсы – надежные друзья, уверенность в окружении, которые сопряжены с проявлением положительных чувств – доверия, любви и ощущением свободы. Самосохранению как отдельному фактору отводится второе место и в отличие от группы N оно связано не с интеллектуальными ресурсами, а с необходимостью контроля ситуации и с проявлением ответственности. По существу, самосохранение возможно только при усиленном тестировании ситуации, при повышенной бдительности, что, как известно, характерно для проявления посттравматического стресса. Спецификой группы T является выделение особого фактора – *здоровья*, который, по-видимому, актуален не только в силу трудных обстоятельств, в которых находятся солдаты-срочники, но и в силу их травматического жизненного опыта.

В целом можно сказать, что для группы N психологическая безопасность, в первую очередь, ассоциируется с самосохранением, которое, как отмечалось выше, связано в этой группе с собственными активными ментальными действиями. В группе T наибольшую значимость имеют окружение и надежные друзья и возможность проявления в отношениях с ними свободы, любви и стабильности. Самосохранение в этой группе занимает второе место и связано с контролем ситуации (таблица 5.3).

Для определения актуального психологического симптоматического статуса респондентов и уточнения полученных выше данных был проведен анализ различий между группами N и T по показателям методики SCL-90-R (таблица 5.4).

Таблица 5.3

Факторная структура представлений
о психологической безопасности в группах солдат-срочников
с различным уровнем выраженности травматического опыта

Номер фактора	Группа N	Группа T
1	Самосохранение	Доверие и надежные друзья
2	Доверие и надежные друзья	Самосохранение
3	Уверенность в себе	Здоровье

Таблица 5.4

Различия между группами N и T в выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R)

Шкалы	Сумма рангов группа N	Сумма рангов группа T	U	p-level
Соматизация	3257,5	4368,5	1604,5	0,16
Обсессивность–компульсивность	3043,0	4583,0	1390,0	0,01**
Межличностная сензитивность	3295,5	4330,5	1642,5	0,23
Депрессия	3122,5	4503,5	1469,5	0,04*
Тревожность	3003,5	4622,5	1350,5	0,01**
Враждебность	3207,0	4419,0	1554,0	0,09
Фобическая тревожность	3305,5	4320,5	1652,5	0,25
Паранойяльные симптомы	2959,5	4666,5	1306,5	0,00**
Психотизм	3098,5	4527,5	1445,5	0,03*
GSI – общий индекс тяжести симптомов	3033,5	4592,5	1380,5	0,01**
PSDI – индекс наличного симптоматического дистресса	2876,5	4749,5	1223,5	0,00**

Примечание. U – значение критерия Манна–Уитни; p-level – уровень значимости, * – значимость различий на уровне ниже 0,05, ** – значимость различий на уровне ниже 0,01.

Выявлены различия по шкалам «Обсессивность–компульсивность», «Депрессия», «Тревожность», «Паранойяльные симптомы» и «Психотизм», а также по общим индексам, что уточняет специфику травматизации в исследуемых группах.

Для ответа на вопрос о взаимосвязи выделенных 19 дескрипторов, определяющих особенности представлений о психологической безопасности, с психопатологической симптоматикой был осуществлен корреляционный анализ переменных в каждой группе респондентов. Установлено, что в группе N количество взаимосвязей основных дескрипторов (таблица 5.2) представлений о психологической безопасности с показателями шкал опросника SCL-90-R минимально (равно 15), причем только одна корреляция приходится на первый фактор (взаимосвязь показателя «Самосохранение» со шкалой «Соматизация», $r_s = -0,3$, $p = 0,02$) и две – на второй фактор (взаимосвязи показателя «Надежные друзья, верность» со шкалами «Межличностная сензитивность», $r_s = 0,34$, $p = 0,1$ и «Враждеб-

ность», $r_5 = 0,28$, $p = 0,03$). В группе Т сопряженность представлений о психологической безопасности и психопатологической симптоматики более тесная. Выявлено 24 корреляции, причем на первые два фактора приходится 16 взаимосвязей, отрицательный характер которых свидетельствует о том, что ослабление ключевых для группы маркеров психологической безопасности – «Доверия» и «Самосохранения» – взаимосвязано с увеличением значений показателей по шкалам Депрессии, Межличностной сензитивности, Паранойяльных симптомов и Психотизма. Дескриптор «Равновесие, стабильность» коррелирует со всеми показателями опросника SCL-90-R. Снижение ощущения стабильности при высоких значениях Индекса травматизации, как показали данные исследования, сопряжено с появлением выраженной психопатологической симптоматики, что в целом соответствует картине посттравматического стресса (Тарабина, 2009).

В группе N представления о психологической безопасности слабо связаны с психопатологической симптоматикой. Ведущим и положительно коррелирующим со всеми показателями опросника SCL-90-R дескриптором является «Уверенность в себе». Это означает, по нашему мнению, что повышение уверенности в себе в группе с низкими значениями по Индексу травматизации сопряжено с появлением психопатологической симптоматики. Но этот, на первый взгляд, парадоксальный факт требует дополнительного исследования и осмысления. На данном этапе можно предполагать, что условия, в которых находятся солдаты-срочники, не способствуют проявлению самостоятельности и в данном контексте измеренный параметр уверенности может быть проявлением самоуверенности, которая, как правило, не приветствуется в условиях срочной службы. Это объясняет корреляцию параметра уверенности с тревогой, межличностной сензитивностью, подозрительностью и другой психопатологической симптоматикой.

С целью описания картины психической травматизации (особенно в группе солдат-срочников с высоким индексом травматизации) был осуществлен анализ характера психотравмирующих событий (на основе данных, полученных с помощью опросника LEQ) (таблица 5.5).

Данные показывают, что для молодых людей, в настоящее время проходящих срочную службу в армии, наиболее травматичными являются смерть или заболевание близкого человека и известия об этих событиях, а также семейные обстоятельства воспитания молодого человека.

Таблица 5.5

Количество общих и психотравмирующих событий
в картине жизни солдат-срочников (по LEQ)

№ п/п	Тип события, номер пункта по LEQ	Общие события		Психотравмирующие события	
		Количество	% от общего числа	Количество	% от общего числа
1	Криминальные события (кражи) – 1, 2, 3, 4	111	13,5	20	8,2
2	Природные и техногенные катастрофы, аварии – 5, 6, 7, 8	123	15	25	10,4
3	Физические травмы, заболевания, угроза жизни самого субъекта – 9, 10, 16, 17	103	12,5	27	11,2
4	Быть очевидцем или участником смерти или травмирования кого-либо – 11, 12, 18, 19	122	14,8	33	13,7
5	Травмы, смерть или заболевание близкого человека, известие об этом – 13, 14, 15, 25	117	14,3	59	24,5
6	Экономические лишения – 24, 26, 27	81	9,8	26	10,8
7	Семейные обстоятельства воспитания самого субъекта – 21, 22, 23, 20	93	11,3	39	16,2
8	Ситуации сексуального насилия – 31, 32, 33	23	2,8	0	0%
9	Ситуации с детьми субъекта – 28, 29, 30	6	0,7	1	0,4
10	Ситуации физического насилия – 34, 35, 36	44	5,3	11	4,6
11	Всего	823	100	241	100

Анализируя данные таблицы 5.6, важно отметить, что практически по всем ситуациям, кроме ситуаций сексуального насилия, получены значимые различия, наиболее выраженная разница наблюдается именно по параметру «Серьезное заболевание, травмирование или смерть близкого родственника». По данным опроса, для юношей с высокими показателями по ИТ потеря отца представляет собой травматическое событие, снижающее ощущение собственной защищенности и безопасности.

Таблица 5.6
Количество общих и психотравмирующих событий
в группах солдат-срочников с низким и высоким индексом травматизации (по LEQ)

№ п/п	Тип события, номер пункта по LEQ	Общие события						Психотравмирующие события						φ
		Количество		% от общего числа		Количество		% от общего числа		Группы		Группы		
		Группы		Группы		Группы		Группы		N	T			
		N	T	N	T	N	T	N	T					
1	Криминальные события (кражи) – 1, 2, 3, 4,	44	67	14,9	13,3	1	19	2,3	28,4				4,85**	
2	Природные и техногенные катастрофы, аварии – 5, 6, 7, 8	47	75	15,9	14,8	2	23	4,25	30,7				4,9**	
3	Физические травмы, заболевания, угроза жизни самого субъекта – 9, 10, 16, 17	35	66	11,9	13	1	26	2,86	39,4				6,02**	
4	Быть очевидцем или участником смерти или травмирования кого-либо – 11, 12, 18, 19	35	66	11,9	13	2	31	5,7	46,9				6,65**	
5	Травмы, смерть или заболевание близкого, известие об этом – 13, 14, 15, 25	41	76	13,9	15	4	53	9,75	69,7				9,26**	
6	Экономические лишения – 24, 26, 27	25	56	8,5	11	1	26	2,3	46,4				5,85**	
7	Семейные обстоятельства воспитания самого субъекта – 20, 21, 22, 23	35	59	11,9	11,7	4	35	11,43	59,3				6,01**	
8	Ситуации сексуального насилия – 31, 32, 33	14	9	4,7	1,8	0	0	0	0				0	
9	Ситуации с детьми субъекта – 28, 29, 30	3	3	1	0,6	0	1	0	33,3				0	
10	Ситуации физического насилия – 34, 35, 36	16	28	5,4	5,5	1	10	6,25	35,7				2,94*	
11	Всего	295	505	100	100	15	224	100	100				–	

Примечание: N – группа с низким уровнем индекса травматизации; T – группа с высоким уровнем индекса травматизации. Уровень значимости φ – критерия углового преобразования Фишера: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$.

Учитывая тот факт, что для всей выборки солдат-срочников важными являются поддержка, помощь и позитивное окружение, которые ярко проявились при анализе данных группы с низкими показателями по ИТ (N), выделение на этом фоне группы (Т) с иными представлениями о психологической безопасности может еще раз свидетельствовать об изменении картины мира и о специфике реагирования на опасность у людей с высоким уровнем травматизации в трудных жизненных обстоятельствах. Прежде всего, иначе воспринимается социальное окружение, которое, по-видимому, недостаточно ресурсно для молодого человека в отношении поддержки психологического благополучия. Для проверки выдвинутой общей гипотезы по каждой группе солдат-срочников были рассчитаны коэффициенты корреляции количественных показателей типов социальной поддержки и дескрипторов представлений о психологической безопасности (таблицы 5.7–8).

Установлено, что эмоциональную поддержку (наличие эмоционально значимых, поддерживающих отношений) солдаты-срочники с низкими показателями по Индексу травматизации (таблица 5.7) в большей степени соотносят с общением с окружающими их людьми, с верными, позитивными, надежными друзьями, а также с избеганием опасности и отсутствием тревоги. Инструментальная поддержка предоставляет возможность получения важной, полезной информации, помощь в решении проблем, в домашних, учебных делах, оказание материальной помощи. С данным типом поддержки респонденты связывают самые разные возможности – физическую подготовку, наличие денег, а также контроль ситуации и владение информацией. Наличие круга значимых людей с теми же интересами, степень включенности человека в круг общения, ощущение собственной значимости входят в шкалу социальной интеграции. Этот показатель соотносится со свободой, надеждой, радостью и фантазией. Удовлетворенность человека вниманием и пониманием других людей, его оценка отношений как безопасных и доверительных взаимосвязана с надеждой на лучшее, с отсутствием тревоги и страха, кроме того, с ощущением личной территории.

Выявлено, что солдаты-срочники, имеющие высокий показатель индекса травматизации (таблица 5.8), воспринимают эмоциональную поддержку как поддержку семьи (отца и матери), исключая поддержку друзей, на которую была ориентирована предыдущая группа. Также они выделяют отсутствие угроз и жизненный опыт как составляющие эмоциональной поддержки, соотносят ее с когнитивными ресурсами психологической безопасности – с обду-

Таблица 5.7

Значимые корреляции количественных показателей типов социальной поддержки и дескрипторов представлений о психологической безопасности в группе N

№	Дескрипторы	rs	p
<i>Эмоциональная поддержка</i>			
1	Позитивное окружение	0,28	0,034
2	Безмятежность, легкость	0,27	0,046
3	Отсутствие тревоги	0,26	0,048
4	Надежные друзья, верность	0,32	0,001
5	Общительность, открытость	0,34	0,01
6	Счастье	0,28	0,03
7	Уверенность в окружении	0,29	0,034
8	Избегание опасных ситуаций	0,26	0,047
<i>Инструментальная поддержка</i>			
9	Контроль ситуации	0,37	0,005
10	Наличие денег	0,36	0,005
11	Физическая подготовка, сила	0,33	0,01
12	Владение информацией	0,33	0,01
<i>Социальная интеграция</i>			
13	Свобода	-0,27	0,04
14	Уход в мечты, фантазии	-0,30	0,01
15	Радость	-0,31	0,02
16	Надежда на лучшее	-0,32	0,01
<i>Удовлетворенность поддержкой</i>			
17	Надежда на лучшее	-0,29	0,03
18	Личная территория	-0,27	0,04
19	Отсутствие тревоги, страха	-0,27	0,04

Примечание: r_s – коэффициент корреляции по критерию Спирмена; p – уровень значимости.

мыванием, прогнозированием, самоанализом, соблюдением правил. Инструментальная поддержка, по мнению юношей, включает соблюдение норм и порядка, чувство спокойствия, автономию и независимость; она менее ресурсна, чем в группе N. Социальная ин-

Таблица 5.8

Значимые корреляции количественных показателей типов социальной поддержки и дескрипторов представлений о психологической безопасности в группе Т

№	Дескрипторы	rs	p
<i>Эмоциональная поддержка</i>			
1	Надежность	0,39	0,001
2	Порядок, соблюдение норм	0,25	0,05
3	Жизненный опыт, опытность	0,33	0,01
4	Самоанализ, самопознание	0,24	0,05
5	Обдумывание, прогнозирование	0,27	0,03
6	Поддержка отца	0,32	0,01
7	Везение, удача	0,34	0,01
8	Отсутствие угроз	0,27	0,03
9	Поддержка мамы	0,26	0,03
<i>Инструментальная поддержка</i>			
10	Поддержка, помощь	0,35	0,004
11	Порядок, соблюдение норм	0,31	0,01
12	Жизненный опыт, опытность	0,30	0,01
13	Автономия, независимость	0,25	0,04
14	Спокойствие, умиротворение	-0,27	0,03
15	Надежда на лучшее	-0,30	0,02
<i>Удовлетворенность поддержкой</i>			
16	Доверие	-0,45	0,00
17	Надежность	-0,29	0,002
18	Обращение к Богу, религии	-0,31	0,01
19	Надежда на лучшее	-0,25	0,04
20	Уверенность в окружении	-0,26	0,04

Примечание: r_s – коэффициент корреляции по критерию Спирмена; p – уровень значимости.

теграция в данной группе не взаимосвязана с дескрипторами представлений о психологической безопасности, что может выступать косвенным показателем проблемы поиска референтной группы как пространства, в котором минимально ощущение опасности.

Удовлетворенность поддержкой реализуется с помощью доверия и обращения к Богу, религии.

Сравнение двух групп по показателям типа социальной поддержки (критерий Манна–Уитни) выявило различия по шкалам эмоциональной поддержки ($U = 1482$, $p = 0,04$) и социальной интеграции ($U = 1502$, $p = 0,05$), что позволило в целом верифицировать гипотезу исследования, т. е. в трудных жизненных обстоятельствах психологическая безопасность ассоциируется с самосохранением и принятием социальной поддержки, причем, чем выше уровень индивидуальной травматизации личности, тем выше потребность в эмоциональной поддержке, ожидаемой от самых близких людей, и ниже потребность в социальной интеграции.

Обсуждая результаты исследования, следует обратить внимание на то, что трудные жизненные обстоятельства, например, служба в армии, которая имеет целый ряд специфических угроз, а также повышенный риск психотравматизации, накладывают особый отпечаток на представление человека о психологической безопасности, сужая возможности обращения к социальной поддержке.

Специфика военной службы, особенно служба солдата-срочника связана с множественными ограничениями и с изоляцией человека от привычного для него окружения и образа жизни. Наиболее существенной чертой этой ситуации является отсутствие рядом близких людей, т. е. возможности обращения за регулярной помощью. Потребность в ней нашла отражение практически во всех полученных нами результатах – в представлениях о психологической безопасности, в особенностях психопатологической симптоматики, в оценке параметров социальной поддержки. Оказалось, однако, что интенсивность и характер потребности в поддержке не одинаковы и зависят не только от обстоятельств жизни, но и от интенсивности травматического опыта человека. Полученные данные показывают, что при высоком Индексе травматизации круг значимых людей существенно сужается и включает самых близких из них (чаще отца и мать), причем так называемая эмоциональная поддержка имеет однонаправленный характер (ожидается от окружения), а сам молодой человек соотносит ее с обдумыванием, прогнозированием, самоанализом, соблюдением правил. Парадоксальность ситуации состоит в том, что явное позиционирование себя как человека, нуждающегося в социальной поддержке, контрастирует с ограничениями, препятствующими ее реализации; появляется избирательность в выборе субъектов, оказывающих поддержку, в средствах ее принятия, происходит замещение эмоциональной поддержки рациональ-

ной. Отсутствие связей показателя социальной интеграции с параметрами психологической безопасности, а также ее низкий уровень еще раз подтверждают амбивалентность отношения молодых людей, имеющих высокий уровень травматизации и проходящих службу в армии, к социальной поддержке. В отличие от них люди с низким уровнем травматизации ориентированы на друзей и доверяют им. Они предпочитают более позитивные, активные действия; эмоциональный и инструментальный виды поддержки у них разнообразны и поэтому ресурсны.

Выбор в настоящем исследовании трех важнейших конструкторов – психологической безопасности, травматического опыта и социальной поддержки – не случаен, но обусловлен потребностью показать, что трудные жизненные обстоятельства наиболее сложны для людей, имеющих травматический жизненный опыт, который в совокупности с актуальными трудностями препятствует принятию поддержки и, по существу, редуцирует ее к поиску опекающего родителя, который не всегда способен поддержать собственные ресурсы ставшего уже взрослым ребенка.

Параметры психологической безопасности и травматического опыта как модуляторы поиска социальной поддержки позволяют предсказать, какие ориентиры будут установлены по отношению к помогающему социуму и какой выбор сделает человек с тем или иным уровнем травматического опыта.

Наличие социальной поддержки в трудных жизненных ситуациях, в том числе при разных физических и психических недугах, привычно рассматривается как ресурс совладающего поведения. Этот хорошо известный факт тем не менее остается не всегда эмпирически подтвержденным.

Проведенное исследование показало, что для оценки степени значимости и ресурсности социальной поддержки важно объединить ситуационные и личностные характеристики. Психологическая безопасность как своеобразный маркер степени трудности ситуации и травматический опыт как индивидуальная история выступают предикторами поиска человеком социальной поддержки, и, чем выше уровень травматизации, тем менее вариативна ожидаемая помощь и более пассивен субъект, нуждающийся в ней.

При анализе проблемы психологической безопасности был выделен ряд факторов, позволяющих представить ее структуру. Одним из таких факторов является позитивное окружение, которое выполняет разные функции. Это, например, расширение границ психологического пространства личности (глава IV), а также функция за-

щиты этих границ и восстановления целостности личности после влияния различных травматических факторов, которая изучалась в настоящей главе. В качестве механизма такой защиты рассматривалась социальная поддержка, при этом и конструкт «позитивное окружение» и механизм «социальная поддержка» исследовались в большей степени в их позитивном проявлении, а именно *позитивное окружение* определялось нами как социальное окружение, с одной стороны, защищающее человека от опасности, а с другой стороны, имеющее особые ресурсы восстановления его идентичности после влияния стрессовых факторов; *социальная поддержка* также описывалась как механизм, с помощью которого реализуется функция социального окружения в оказании человеку разного рода помощи.

Несмотря на очевидность этой связи нельзя не учитывать того, что довольно часто человек оказывается в менее позитивной среде, которая, однако, не исключает возможности обращения к социальной поддержке. И, наоборот, окружение может быть позитивным, а оказываемая им поддержка – негативной. А это значит, что связь фактора «позитивное окружение» и механизма «социальная поддержка» не столь однозначна и проста, если их изучение не ограничено определенными смысловыми рамками. Для настоящей работы такими смысловыми рамками выступает проблема психологической безопасности.

Исследование показало, что психологическая безопасность человека как социального существа не может быть определена только его собственным внутренним состоянием защищенности. Оказалось, что ему необходимо ассоциировать себя с определенным социальным окружением, которое и обеспечивает это состояние внутреннего комфорта. Чем менее психически травмирован человек, тем более он обращается к собственным ресурсам – опыту, разуму, контролю, при этом значимость социального окружения не утрачивается абсолютно. Изучение социальной поддержки позволило нам понять, что важно не само по себе наличие позитивного окружения, но реализация этим окружением определенных функций, с помощью которых человек ощущает свою стабильность, устойчивость своей идентичности (эмоциональная поддержка), необходимость изменения (когнитивная поддержка), а также возможность этого изменения с помощью определенных ресурсов (инструментальная поддержка). Позитивное окружение – это не только наличие круга людей, принимающих и понимающих конкретного человека, но и среда, в которой содержатся ресурсы поддержки (восстановления) и ресурсы

личностного роста (изменения) этого человека. Без осознания того, что позитивное окружение должно иметь те или иные потенциалы для развития человека, анализ проблемы психологической безопасности личности был бы крайне ограниченным и неполным.

Потенциал развития каждого человека, которым владеет позитивное окружение, может быть востребован только при определенном уровне активности самой личности. «Таким образом, мотивация человеческого поведения – это опосредствованная процессом отражения субъективная детерминация поведения человека миром. Через эту мотивацию человек вплетен в контекст действительности... Обстоятельства жизни при этом и выступают как путь осознания истинных масштабов того, за что мы боремся в жизни. В этом смысле превратности судьбы, жизненные передряги, когда что-то грозит помешать основному в ней, выступают как фактор мобилизации душевных сил. Или, напротив, внутренним отношением к происходящему является страдание...» (Рубинштейн, 1997, с. 93).

С.Л. Рубинштейн утверждал, что внешние причины действуют только через внутренние условия, т. е. личность может использовать ту или иную возможность, если будет иметь в этом потребность, или иметь определенный жизненный опыт, знать, как получить необходимую информацию. Это знание и этот опыт также являются важнейшими факторами психологической безопасности человека (см. главу II) и будут более детально исследованы в следующей главе книги (в главе VI).

ГЛАВА VI

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ: ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В настоящей главе обсуждаются результаты исследования конструкта *Опытность, информированность* как третьей составляющей психологической безопасности личности (см. главу II). Основное внимание уделяется профессиональному опыту и отдельным его параметрам, а также их связи с уровнем психической травмы, который, как было показано в предыдущих главах книги, тесно связан с представлениями о психологической безопасности личности. В главе обсуждаются результаты теоретико-эмпирического исследования психофизиологических, когнитивных и личностных особенностей работников энергетической отрасли, четко определен характер самой деятельности, связанной с условиями повышенной опасности; доказываемая важность анализа и оценки вклада опыта, а также информированности человека о различных сторонах его жизнедеятельности в его ощущение и переживание собственной безопасности.

6.1. Профессиональная деятельность личности в особых условиях труда

Настоящая глава посвящена исследованию роли профессионального опыта в деятельности, связанной с условиями повышенной опасности, а также в динамике профессионально важных качеств (ПВК) оперативного персонала энергетической отрасли в контексте изучения психологической безопасности личности. В исследовании решались следующие вопросы: каким образом различные аспекты профессионального опыта обусловлены: 1) выраженностью разноразмерных ПВК (психофизиологических, когнитивных, личностных); 2) потенциальными возможностями ПВК компенсировать

негативное влияние психотравмирующих воздействий стрессоров профессиональной деятельности на психологическую безопасность личности и ее профессиональную продуктивность.

Проблема психологической безопасности личности в профессиональной деятельности имеет особую актуальность и практическую значимость, особенно в тех профессиях, которые представляют потенциальную угрозу жизни и здоровью людей. Значимость этой проблемы возрастает и в контексте изучения факторов профессиональной надежности и безопасности деятельности персонала. К числу таких профессий традиционно относятся те сферы деятельности, где возможность возникновения экстремальных психотравмирующих событий носит высоковероятностный характер и угроза жизни непосредственна (армия, полиция, подразделения министерства чрезвычайных ситуаций и т. п.). Однако имеются и сферы деятельности, в которых угроза жизни не столь очевидна, но тем не менее она существует и осознается сотрудниками как непосредственная составляющая их ежедневной работы. Условия деятельности называют особыми, когда деятельность специалистов сопряжена с эпизодическим, непостоянным вмешательством экстремальных факторов или высокой осознанной вероятностью их появления. При этом экстремальные факторы не имеют большой мощности и интенсивности, а возникающие негативные состояния работника выражены умеренно. В данных условиях угроза психологической безопасности личности и природа психической травматизации в гораздо большей степени опосредованы и преломляются через призму различных подструктур личности, способных выступать в качестве систем психологической защиты, ресурсов личности, обеспечивающих ее психологическую безопасность. К таким особым условиям труда можно отнести и профессиональную деятельность оперативного персонала энергетической отрасли.

В психологическом аспекте деятельность оперативного персонала в энергетике связана с рядом потенциально психотравмирующих факторов и сопровождается переживанием скрытой, но осознаваемой и непосредственной угрозы своей жизни и жизни других людей. Вероятность получения травм, связанных с повреждением электрическим током, и необходимость заботы об обеспечении безопасности жизни других людей определяют специфику ежедневного труда оперативного состава энергетической отрасли. Сложность и ответственность труда, а также напряженность и подчас экстремальный характер деятельности требует от сотрудников оперативных служб энергетической отрасли способности к мобилиза-

ции ресурсов различных уровней индивидуально-личностной системы (Абрамова, Белехов, 1988). Хроническое, ежедневное переживание вероятной нештатной ситуации и понимание собственной ответственности за ее возникновение/предотвращение (как результат соблюдения правил техники безопасности, профессиональной компетентности и уровня развития психологических профессионально важных качеств личности) предъявляет повышенные требования к эмоциональной саморегуляции человека и может приводить к развитию стресса, интенсивность которого во многом зависит от индивидуально-личностных ресурсов оператора. Психологические последствия стресса отражаются, с одной стороны, на качестве профессиональной деятельности, а с другой – становятся причиной психической травматизации: развития посттравматических стрессовых состояний и/или других психопатологических симптомов как признаков неэффективного преодоления переживаемого стресса.

Реальная угроза жизни и здоровью, связанная с условиями профессиональной деятельности в электроэнергетике, и в то же время невысокая интенсивность прямого воздействия на психику позволяют отнести эту угрозу к разряду «невидимых» стрессоров, действие которых недостаточно изучено в современной психологической науке. Также недостаточно изучены факторы устойчивости личности к воздействию подобных стрессоров. Анализ различных компонентов личностной системы, а также формирование личностных свойств, относимых к профессионально важным качествам, представляется перспективным и практически значимым, особенно для понимания специфики профессионального становления специалистов в этой сфере деятельности.

Известно, что профессионально важные качества (ПВК) – это психологические особенности личности работника, или индивидуальные качества субъекта, которые оказывают влияние на эффективность выполнения деятельности по основным параметрам (производительности, качеству и надежности) и на успешность ее освоения (Шадриков, 1994, 1996). ПВК включают в себя широкий спектр разных качеств – от природных задатков до профессиональных знаний: особенности личности (мотивация, направленность, смысловая сфера, характер), психофизиологические особенности (темперамент, особенности ВНД), особенности психических процессов (память, внимание, мышление, воображение), а в отношении определенных видов деятельности – даже анатомо-морфологические характеристики человека (Шелепова, 2007).

Основными профессионально важными качествами для оперативного персонала в энергетике являются психофизиологические характеристики: скорость реакции, особенности функционального состояния, гибкость, подвижность, скорость протекания нервных процессов, характеристики утомляемости, истощаемости или работоспособности нервной системы, которые определяют уровень функциональных возможностей центральной нервной системы в целом. Именно на этой, генетически обусловленной основе со временем формируются не только отдельные функциональные системы и психические процессы человека (профессиональное восприятие, развитая оперативная память, мышление, в том числе техническое, развитые пространственные представления и пр.), но и особенности характера и личность в целом (Ворона, Короченко, 2012а, 2014).

При изучении ПВК следует учитывать, что некоторые из них могут быть природными и относительно стабильными (например, типологические свойства нервной системы), другие, наоборот, подлежат развитию и тренировке. В ряде случаев низкий уровень некоторых ПВК может компенсироваться в процессе *профессионального опыта*. Под этим подразумевается возможность успешного выполнения деятельности при недостаточном развитии одних качеств за счет более высокого развития других.

Возможности профессиональной компенсации реализуются по двум основным направлениям. Во-первых, это компенсация недостаточно развитых психических функций другими, более выраженными. Например, низкая подвижность нервных процессов, а следовательно, и скорость реакции в ряде случаев могут компенсироваться умением заранее планировать свою деятельность, больше внимания уделять прогнозированию нежелательных ситуаций, требующих экстренных действий. Это позволяет предупредить возникновение таких ситуаций или заранее подготовиться к ним. Во-вторых, наряду с компенсацией одних психических свойств другими возможна компенсация недостаточно выраженных функций с помощью умений и навыков. Однако возможности профессиональной компенсации далеко не безграничны (Душков, Королев, Смирнов, 2002).

Становление профессионала и развитие профессионально важных психологических качеств личности в любом виде профессиональной деятельности неразрывно связано с накоплением определенного профессионального опыта, совершенствованием профессиональных знаний, умений, навыков, развитием личностных и профессиональных компетенций. Изучение становления и развития системы

профессионально важных качеств в особых условиях труда является актуальной и востребованной областью исследований, особенно в сфере электроэнергетики, поскольку именно здесь мы сталкиваемся с повышенными требованиями к профессиональной подготовке и к индивидуально-психологическим особенностям специалистов. Хронический осознаваемый стресс формирует повышенную уязвимость личности к воздействию психотравмирующих факторов и способен оказывать деструктивное влияние на психологическую безопасность личности и качество профессиональной деятельности. *Опытность* является ключевым фактором как для развития личности в профессии, так и для ее устойчивости к негативным влияниям внешних факторов.

6.2. Профессиональный опыт как основа формирования профессионально важных качеств личности

Понятие «профессиональный опыт» является одним из наиболее важных в психологии труда, однако его теоретическое содержание недостаточно глубоко разработано. Считается, что личный профессиональный опыт, приобретенный и накопленный в процессе трудовой деятельности, может трансформироваться как стихийно, так и целенаправленно. Он может актуализироваться в настоящем и предопределять направление будущей активности субъекта труда, может быть предметом управления со стороны субъекта или организации (Исмагилова, 1999). То же самое следует сказать и о профессиональных знаниях, умениях и навыках, которые являются важнейшими компонентами профессионального опыта, при этом, не исчерпывая полностью его содержание (Беспалов, 2009).

В акмеологических и психологических исследованиях можно найти различные подходы к определению понятия «опыт». К теоретическим предпосылкам исследования профессионального опыта относят, во-первых, развитие всего комплекса наук о человеке, реализацию системного и комплексного подходов в психологии (Ломов, 1989; Ананьев, 2001); во-вторых, исследования проблем психологии профессионального развития (Ананьев, 2001; Бодров, 2001; Деркач, 2004; Зеер, 2008; Исмагилова, 1999; Климов, 2003; Маркова, 1996; Митина, 1997; Никифоров, 1996; Платонов, 1986; Фонарев, 2005; Шадриков, 1996; и др.) и проблем становления личности (Рубинштейн, 2002; Брушлинский, 1994); в-третьих, рассмотрение профессионального развития в единстве с личностным (Митина, 2002).

Анализ исследований профессионального опыта показывает, что этот сложный психологический феномен по-разному понимается и рассматривается. В самом общем виде, опыт представляется в качестве одной из подструктур личности, включающей в себя совокупность знаний, умений и навыков (Платонов, 1986; Исмагилова, 1999; Зеер, 2008), способы, приемы и правила решения трудовых задач (Стрелков, 2001). Важно также то, что внимание исследователей в большей степени акцентировалось на проблеме освоения опыта развивающейся личностью, в меньшей – на проблеме формирования опыта и опытности в зрелом возрасте.

Профессиональный опыт – сложная система, которая внешне выступает как совокупность способов, приемов и правил решения трудовых задач. Их выполнение обеспечивается когнитивными и смысловыми структурами, которые формируются в обучении и профессиональной деятельности и обеспечивают выполнение трудовых функций.

Профессиональный опыт может быть рассмотрен как результат взаимодействия внешних факторов и внутренних детерминант, и его формирование может быть представлено как результат цепи таких событий профессиональной жизни, как: накопление, переработка и освоение информации, влияющей на профессиональную деятельность; старение и отмирание не востребуемых и неактуальных профессиональных действий и поведения; пересмотр своего профессионального потенциала; изменение образа Я профессионала (Исмагилова, 1999, Банщикова, 2006).

В структуре профессионального опыта Ф. С. Исмагилова выделяет интеллектуальную, операциональную, эмоциональную и коммуникативную сферы, а профессиональный опыт специалиста рассматривает как целостную иерархическую систему, которая обладает собственными свойствами, не сводимыми к свойствам составляющих ее компонентов (Исмагилова, 1999).

Оценивая значение опыта в жизни и деятельности человека, исследователи акцентируют свое внимание на позитивном и негативном его влиянии не только на личность, но и на профессиональную деятельность и поведение субъекта. Положительно оценивая значение опыта в жизни человека, Б. Г. Ананьев обращает внимание на то, что опыт обладает большей сохранностью, чем отдельные функции, и сам выступает как условие сохранения профессиональных и трудовых качеств человека при наступлении возрастных изменений. В роли этой стабилизированной системы и выступает опыт человека, который зависит, как считал Б. Г. Ананьев, не от возрастных из-

менений, а от содержания актуальной деятельности, и ее воздействия на эти возрастные изменения (Ананьев, 2001).

Анализ исследований позволяет выделить две возможные формы влияния профессионального опыта на личность – конструктивную и деструктивную (Раевская, 2001). Конструктивное влияние опыта может быть связано с анализом достижений и ошибок, как собственных, так и деятельности других людей; с самоанализом и выделением в себе «сильных» и «слабых» качеств и формированием на этой основе адекватной профессиональной и личной самооценки; с развитием способности к саморегуляции и произвольному самоконтролю в деятельности, способного в некоторой степени компенсировать собственные «слабые» качества; с формированием мотивации к самоизменению, профессиональному и личному саморазвитию. С другой стороны, деструктивное влияние опыта может проявляться в консервативности, неумении отказываться от привычных способов действий и решений, в излишне выраженном и необоснованном риске в принятии профессиональных решений. Опыт переживания неудач в профессиональной деятельности может формировать неуверенность в себе, высокий уровень тревожности и страхов, эмоциональную нестабильность личности.

Профессиональный опыт приобретается в процессе трудовой деятельности. В связи с этим его уровень часто оценивают по стажу работы в профессии. При этом большой стаж работы не всегда достаточен для приобретения необходимого профессионального опыта. Можно продолжительное время работать в одной профессиональной сфере, но так и не стать в ней профессионалом, поэтому не вполне правомерно отождествлять стаж и опыт работы (Исмагилова, 1999). Подобное может происходить при неблагоприятном сочетании внешних, социальных условий профессиональной деятельности и личностных особенностей, ресурсов работника. Несмотря на это в большинстве случаев наблюдается положительная связь стажа работы по специальности с уровнем профессионального опыта специалиста, который, как правило, со временем становится шире, разнообразнее, богаче и пр. В связи с этим, по стажу работы частично можно оценивать характер профессионального опыта человека.

На основании этого в исследовании роли опыта в динамике профессионально важных качеств оперативного персонала энергетической отрасли нами были рассмотрены такие параметры профессионального опыта, которые можно обозначить как формальные

(возраст, стаж) и содержательные (профессиональное образование, присвоенный разряд и группа допуска по электробезопасности) параметры опыта.

Целью исследования стало изучение связей различных параметров опыта персонала с признаками психической травматизации, связанной с опасными условиями профессиональной деятельности, а также с выраженностью разноуровневых профессионально важных качеств личности.

В связи с целью исследования были поставлены следующие задачи: 1) выявить значение различных параметров опыта (возраст, стаж работы, уровень профессионального образования и квалификации) в преодолении негативного психотравмирующего воздействия на личность факторов профессиональной деятельности; 2) изучить динамику разноуровневых профессионально важных качеств личности (психофизиологических, когнитивных и личностных) в зависимости от возраста, профессионального стажа, образования и уровня профессиональной квалификации.

Гипотеза исследования: различные аспекты профессионального опыта могут как способствовать развитию профессионально важных качеств, выступающих в качестве ресурсов преодоления стрессов и угроз повседневной деятельности, так и деструктивно влиять на продуктивность деятельности, эмоциональную стабильность и благополучие личности и, таким образом, приводить к нарушению психологической безопасности профессионала.

6.3. Программа эмпирического исследования связи параметров профессионального опыта и системы профессионально важных качеств личности

Участниками исследования выступили 385 сотрудников филиала ОАО «МРСК Сибири» – «Читаэнерго», относящихся к категории оперативного и оперативно-ремонтного персонала в возрастном диапазоне от 19 до 66 лет (средний возраст $31,8 \pm 9,8$), 358 мужчин и 27 женщин, преимущественно электромонтеры, обслуживающие подстанции по эксплуатации распределительных сетей, электромонтеры оперативно-выездных бригад, мастера, диспетчеры энергосистем. Было проведено психодиагностическое исследование профессионально важных качеств и собраны данные по основным параметрам, характеризующим их опыт: стаж работы, уровень профессионального образования и квалификационные характеристики (разряд, группа допуска по электробезопасности).

По уровню образования участники исследования были отнесены к одной из пяти групп: неполное среднее образование – 8 чел. (2,2%); среднее – 130 чел. (33,8%); среднее профессиональное – 197 чел. (51%); неполное высшее – 33 чел. (8,7%); высшее – 17 чел. (4,3%). Общий стаж работы, а также стаж работы в энергетике у респондентов варьируется от 1 до 720 месяцев (в среднем – 126 мес.).

Квалификационные характеристики анализировались на основе присвоенного электромонтеру разряда (согласно Единому тарифно-квалификационному справочнику работ и профессий рабочих (ЕТКС), он может варьировать от 2-го по 8-й); в нашем исследовании принимали участие электромонтеры, имеющие разряды со 2-го по 4-й, и сотрудники более высокого уровня – мастера (обозначены в исследовании рангом «5») и диспетчеры (обозначены рангом «б»). Таким образом, все испытуемые были распределены следующим образом в соответствии с разрядом/должностью: II разряд имеют 54 человека (14%); III разряд – 203 человека (53%); IV разряд – 90 человек (23%); на должности мастера (V) работают 30 человек (8%), диспетчера (VI) – 7 человек (2%).

В качестве еще одной из квалификационных характеристик оперативного персонала в нашем исследовании рассматривается группа допуска по электробезопасности. Она представляет собой систему квалификационных требований, в соответствии с которой проводится обязательное обучение (инструктаж) персонала с последующей сдачей экзамена и выдачей (в случае положительного результата сдачи экзамена) соответствующего удостоверения, определяющего полномочия персонала в доступе и работах с электрохозяйством учреждения, предприятия и т. п. В соответствии с Правилами техники безопасности для персонала, обслуживающего электроустановки, установлено пять квалификационных групп по электробезопасности:

- первая квалификационная группа присваивается персоналу, использующему в своей работе электроинструмент, не требующий специального обучения. В нашем исследовании персонал с этой группой допуска не представлен.
- вторая квалификационная группа допуска (до 1000 В) присваивается квалификационной комиссией электротехническому персоналу, обслуживающему установки и оборудование с электроприводом, молодым электромонтерам, электромонтажникам и сотрудникам, которые просрочили продление группы допуска более чем на 6 месяцев.

- третья квалификационная группа присваивается только электротехническому персоналу. Эта группа дает право единоличного обслуживания, осмотра, подключения и отключения электроустановок от сети напряжением до 1000 В.
- четвертая квалификационная группа присваивается только лицам электротехнического персонала; эта квалификационная группа дает право на обслуживание электроустановок напряжением выше 1000 В и на обучение молодого поколения на рабочем месте.
- пятая квалификационная группа присваивается лицам, ответственным за электрохозяйство, и другому инженерно-техническому персоналу в установках напряжением выше 1000 и до 10000 В.

Распределение по группам допуска по электробезопасности в нашем исследовании представлено следующим образом: II гр. – 92 чел. (25,7%); III гр. – 195 чел. (54,5%); IV гр. – 71 чел. (19,8%); V гр. – 26 чел. (7,3%).

Таблица 6.1

Описательная статистика параметров опыта
(социально-демографические и квалификационные характеристики)

Показатели	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартное отклонение
Возраст	31,80	19,00	66,00	9,72
Образование	2,79	1,00	5,00	0,80
Стаж общий (мес.)	125,85	1,00	720,00	125,99
Стаж работы в энергетике (мес.)	69,57	0,50	720,00	101,97
Разряд	3,30	0,00	6,00	0,89
Группа допуска по электробезопасности	3,08	2,00	5,00	0,83

В процессе исследования были использованы следующие *методические приемы*.

1. *Исследование интенсивности переживаемого стресса*, связанного с условиями профессиональной деятельности, проводилось с помощью методик, апробированных в лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН:

- *Миссисипская шкала, гражданский вариант* (МШ, Тарабрина, 2001) – специально разработанная шкала для оценки степени выраженности посттравматических реакций; итоговый суммарный балл позволяет выявить меру воздействия травматического опыта.
 - *Опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики* (SCL-90-R, Symptom Check List, Derogatis, 1983; Тарабрина, 2001) состоит из 90 утверждений. Оценка и интерпретация результатов производится по 9 основным субшкалам, которые объединяют группы симптомов: соматизация, обсессивность-компульсивность, межличностная сензитивность, депрессивность, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльность, психотизм. При интерпретации результатов используются три обобщенных шкалы второго порядка, которые позволяют более глубоко оценить психопатологический статус обследуемого. К ним относятся: 1) индекс общий тяжести состояния (GSI) – обобщенный единичный показатель, который позволяет оценить глубину расстройства; 2) индекс наличного симптоматического дистресса (PSDI) – дает комбинированную (обобщенную) информацию о количестве симптомов и интенсивности ощущаемого дистресса; 3) общее число утвердительных ответов (PST) фиксирует общее количество симптомов из 90 возможных.
2. *Исследование психофизиологических и познавательных (когнитивных) профессионально важных качеств* оперативного персонала проводилось с помощью комплекса методик, часть которых была реализована посредством компьютерной психодиагностической системы для контроля функционального состояния и операторской работоспособности человека PDS-4 (Косачев, Терехов, Устюшин, 2000):
- *«Простая зрительно-моторная реакция»* – используется для оценки уровня активации центральной нервной системы, уровня и стабильности сенсомоторных реакций. Испытуемому через случайные промежутки времени предъявляется световой сигнал. Предлагается максимально быстро отреагировать на его появление нажатием кнопки. Интервал между сигналом и началом ответа представляет собой время реакции. Результаты выполнения методики анализировались по следующим показателям: 1) класс активации ЦНС; 2) оценка уровня активации; 3) число пропущенных стимулов; 4) число упреждающих реак-

ций; 5) суммарное число ошибок; 6) среднее время реакции; 7) стабильность реакций.

- «Сложная зрительно-моторная реакция из двух альтернатив» используется для оценки уровня операторской работоспособности, уровня и стабильности зрительно-моторных реакций человека в ответ на световые раздражители двух типов; регистрируется время реакции и количество ошибочных действий по категориям. Соотношение времени реакции на сигналы возбуждающего (красного) и тормозного (зеленого) света выявляет уравновешенность нервных процессов. Произвольная сенсомоторная реакция выбора сложнее простой сенсомоторной реакции и поэтому характеризуется большими значениями времени. Усложнение реакции связано, прежде всего, с логическим компонентом – принятием решения.

Основные показатели: 1) уровень сенсомоторных реакций; 2) оценка уровня сенсомоторных реакций; 3) число упреждающих реакций; 4) число неправильных реакций; 5) суммарное число ошибок; 6) безошибочность; 7) среднее время реакции; 8) быстродействие; 9) стабильность реакций.

- «Таблица 3×3» применяется для оценки уровня произвольного внимания в сочетании с показателями быстродействия, безошибочности и стабильности реакций. Показатели: 1) уровень произвольного внимания; 2) оценка уровня произвольного внимания; 3) число пропущенных заданий; 4) число неправильных ответов; 5) суммарное число ошибок; 6) безошибочность; 7) среднее время реакции; 8) быстродействие; 9) стабильность реакций.
- «Оперативная память» позволяет оценить уровень оперативного запоминания информации в сочетании с показателями быстродействия, безошибочности и стабильности реакций. Анализу подверглись следующие показатели методики: 1) уровень оперативной памяти; 2) оценка уровня оперативной памяти; 3) число пропущенных заданий; 4) число неправильных ответов; 5) суммарное число ошибок; 6) безошибочность; 7) среднее время реакции; 8) быстродействие; 9) стабильность реакций.

Помимо компьютерной диагностики, были применены бланковые методы исследования познавательных процессов (внимания, памяти, мышления и интеллекта):

- «Корректирующая проба» Бурдона–Анфимова используется для исследования концентрации и устойчивости внимания, его рас-

- пределения и переключения. Испытуемому предоставляется бланк, на котором имеется 20 строчек различных букв. Предлагается, просматривая строчку за строчкой, как при чтении, находить и вычеркивать букву «О», за исключением буквосочетания «ОС». Экспериментатором фиксируется индивидуальное время выполнения задания. Анализ осуществлялся по показателям «Количество ошибок на концентрацию внимания», «Количество ошибок на переключение внимания», «Суммарное число ошибок», «Время выполнения теста», на основании которых рассчитывался общий балл, учитывающий скорость и качество выполнения заданий по формуле: $T = t + 2,5W + 2V$, где T – время выполнения пробы с поправкой на ошибки, t – время работы, W – количество ошибок О; V – количество ошибок ОС.
- «Проба Мюнстерберга» (Психологические тесты, 2006, с. 336) позволяет оценить сенсомоторную реактивность и активность внимания, а также способность распределения внимания и помехоустойчивость. Основной показатель – количество слов, найденных испытуемым на бланке методики за 2 минуты.
 - Методика «10 слов», «12 чисел» использовалась для оценки памяти, активности внимания. Испытуемому предъявляется записанные в одну строчку 10 коротких (односложных и двухсложных) слов, разнообразных и не имеющих между собой никакой связи; 12 двужначных чисел в таблице 4×3. Фиксируется количество правильно воспроизведенных стимулов. Инструкция: «Ваша задача в течение 1 минуты запомнить 10 слов/12 чисел. Когда закончится время, сразу же напишите столько, сколько запомните. Порядок воспроизведения значения не имеет, важно количество правильно воспроизведенных слов/чисел из вашего варианта».
 - «Краткий ориентировочный тест» (В. Н. Бузин, Э. Ф. Вандерлик) – позволяет получить информацию об общем уровне интеллектуального развития индивида, уровне его осведомленности и способности к обучению. В структуру теста включены такие компоненты интеллектуального развития, как: способность к обобщению и анализу информации, пространственное мышление, математические способности, грамотность, лингвистические способности, выбор оптимальной стратегии, скорость и точность восприятия, опора на существенные признаки, гибкость мышления. Результаты методики позволяют сделать выводы об общем уровне интеллектуального развития (интегральный показатель «С»), а также оценить интеллектуальные

особенности по 5 шкалам: способность к анализу и обобщению информации (С1); способность к пространственному мышлению (С2); устойчивость мыслительной деятельности – эмоциональная деструкция (С3); гибкость мыслительных процессов (С4); способность к концентрации внимания (С5).

– «Стандартные прогрессивные матрицы Дж. Равена» (Тест возрастающей трудности) используется для исследования невербального интеллекта; логичности мышления, уровня интеллектуального развития. Данный тест часто используется для измерения фактора «G» – фактора общего интеллекта. Анализировались показатели, фиксируемые при проведении обследования с помощью компьютерной системы диагностики PDS-IV: 1) количество правильных ответов по группе А; 2) количество правильных ответов по группе В; 3) количество правильных ответов по группе С; 4) количество правильных ответов по группе D; 5) количество правильных ответов по группе Е; 6) количество правильных ответов за 20 минут; 7) количество правильных ответов всего; 8) общее время выполнения теста (в минутах).

3. Диагностика особенностей эмоционально-волевой, мотивационной сферы и других профессионально важных личностных характеристик и особенностей характера проводилась с помощью методик: «16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла», «Методика исследования уровня субъективного контроля (УСК)», «Методика диагностики реактивной и личностной тревожности Спилбергера–Ханина».

Обработка полученных данных проводилась с помощью программного пакета Statistica 6.0; использовался ранговый коэффициент корреляции r_s Спирмена.

6.4. Интенсивность психотравмирующего воздействия факторов профессиональной деятельности оперативного персонала энергетической отрасли

Исследование степени психотравмирующего воздействия особых условий профессиональной деятельности и степени общего психологического неблагополучия у оперативного персонала проводилось с помощью методики «Миссисипская шкала» (МШ, гражданский вариант), предназначенной для оценки степени выраженности посттравматических реакций после переживания психотравмирующих

событий. Исследование интенсивности выраженности психопатологических симптомов, отражающих наличие определенных соматических и психологических проблем у оперативного персонала энергетической отрасли, проводилось с помощью «Опросника психопатологической симптоматики» (SCL-90-R). Описательная статистика показателей интенсивности переживаемого стресса и психопатологической симптоматики представлена в таблице 6.2.

Результаты исследования выраженности признаков посттравматического стресса с помощью методики «Миссисипская шкала» (гражданский вариант) показали, что среднее значение находится в диапазоне – «средний уровень выраженности признаков посттравматического стресса». Данные сопоставлены с исследованиями Н. В. Тарабриной; среднее значение показателя в нашей выборке

Таблица 6.2
Описательная статистика результатов методик
«Миссисипская шкала» и «SCL-90-R»

Шкалы опросников МШ и SCL-90-R	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартное отклонение
МШ	68,66	38,00	121,00	13,22
SOM (соматизация)	0,6	0,00	102,00	5,22
O-C (обсессивность–компульсивность)	0,52	0,00	2,70	0,43
INT (межличностная сензитивность)	0,51	0,00	2,67	0,44
DEP (депрессивность)	0,31	0,00	2,23	0,33
ANX (тревожность)	0,29	0,00	3,00	0,33
HOS (враждебность)	0,3	0,00	2,33	0,37
PHOV (фобическая тревожность)	0,18	0,00	2,57	0,28
PAR (паранойальность)	0,43	0,00	2,33	0,43
PSY (психотизм)	0,15	0,00	2,20	0,26
GSI (индекс общей тяжести состояния)	0,33	0,00	2,47	0,29
PST (общее количество симптомов)	22,75	0,00	88,00	17,42
PSDI (индекс наличного симптоматического дистресса)	1,19	0,00	3,67	0,37

по Миссисипской шкале совпадает со средними значениями, полученными при исследовании сотрудников МВД, что свидетельствует об определенной подготовке оперативного состава энергетической деятельности к условиям работы (Тарабрина, 2009). Традиционно принятое деление выборки по показателю «уровень ПТСР» на три группы – «Нет ПТСР», «Частичное ПТСР» и «ПТСР», предполагается сделать в последующих работах.

Результаты шкал опросника психопатологической симптоматики SCL-90-R также были сопоставлены с результатами исследований Н. В. Тарабриной. Показатели шкалы «Соматизация» несколько выше значений у сотрудников МВД и ниже показателей военнослужащих, беженцев, а также значительно ниже показателей лиц с ПТСР. Результаты по шкалам «Обсессивность–компульсивность», «Паранойальность» и «Фобическая тревожность» группы оперативного персонала примерно те же, что и у группы ветеранов Афганистана (норма), значения шкалы «Обсессивность–компульсивность» ниже в группе студентов и беженцев (норма), выше показателей группы пожарных. Данные шкалы «Межличностная сензитивность» сходны с показателями сотрудников МВД и ветеранами Афганистана (норма). Результаты по шкалам «Депрессивность» и «Враждебность» значимо ниже данных всех групп, обследованных под руководством Н. В. Тарабриной. Значения шкал «Тревожность» и «Психотизм» также невысоки, они близки только к одной группе – пожарных. Значения индекса общей тяжести состояния «GSI» несколько выше значения группы пожарных, но значимо ниже значений остальных групп. Показатель общего количества симптомов «PST» имеет те же средние значения, что и группы пожарных и ветеранов Афганистана (норма), значения остальных групп существенно выше. Показатели индекса наличного симптоматического дистресса «PSDI» – средние в сравнении с исследуемыми Н. В. Тарабриной группами и ближе по значениям с данными группы «соматоформные больные».

В целом можно говорить о том, что у оперативного персонала энергетической отрасли признаки посттравматического стресса и различных психопатологических симптомов находятся на среднем уровне.

В связи с этим представляется важным отметить, что к числу факторов, выявленных в нашем исследовании, способных снижать психологическую безопасность личности у оперативного персонала энергетической отрасли, можно отнести и специально организованную деятельность, осуществляемую в целях охраны труда и безопасности производства работ. Это систематическое подроб-

ное информирование персонала о происшедших травматических и аварийных ситуациях в сфере электроэнергетики с детальным разбором причин и последствий. В индивидуальных беседах и интервью сотрудники сообщают о достаточно значимом психотравмирующем влиянии подобных сведений, которые, с одной стороны, определяют более внимательное отношение к качеству своей профессиональной деятельности, а с другой – могут формировать излишнюю напряженность в работе и хронический стресс. В целом можно предположительно говорить о специальном, профессионально значимом для предотвращения травматизма снижении чувства психологической безопасности в профессии с целью формирования бдительности, осторожности и соблюдения техники безопасности в деятельности. Однако, как подтверждают результаты исследования, это может формировать определенную эмоциональную нестабильность, психологическое неблагополучие уязвимой части выборки, а значит, неблагоприятно сказываться на качестве профессиональной деятельности.

Анализ значимых корреляций между параметрами опыта оперативного персонала и признаками посттравматического стресса и психопатологических симптомов позволяет описать некоторые закономерные, статистически достоверные связи. С возрастом усиливается выраженность признаков посттравматического стресса ($r_s = 0,16^*$) и симптомов соматизации ($r_s = 0,12$). С увеличением стажа профессиональной деятельности (в том числе в сфере электроэнергетики) также усиливается выраженность признаков посттравматического стресса ($r_s = 0,16$), соматизации ($r_s = 0,12$), межличностной сензитивности ($r_s = 0,11$) и уровня выраженности фобических реакций (фобической тревожности) ($r_s = 0,11$). Кроме того, с увеличением стажа мы обнаруживаем и закономерное увеличение общего уровня выраженности психопатологических симптомов, фиксируемых интегральными показателями методики SCL-90-R: GSI (индекс общий тяжести состояния, позволяющий оценить интенсивность симптомов в целом) – ($r_s = 0,10$), и показателя, фиксирующего общее количество симптомов PST ($r_s = 0,11$). Все связи значимые.

Отрицательную связь с признаками посттравматического стресса (МШ) имеет только уровень профессионального образования ($r_s = -0,15$), что согласуется с выводами исследований предикторов

* Здесь и далее указанные связи значимые. Критические значения коэффициента корреляции при $n = 350$ равны: $r_s = 0,105$ при $p < 0,05$, $r_s = 0,138$ при $p < 0,01$, $r_s = 0,175$ при $p < 0,001$.

посттравматического стресса (низкий уровень образования наряду с низким уровнем интеллектуального развития считается одним из предикторов неблагоприятного преодоления переживаемых стрессов и ПТСР), и, напротив, повышение уровня образования связано с менее травматичным для личности переживанием стрессов. Результаты настоящего исследования подтверждают, что преодоление стрессов, связанных с особыми условиями профессиональной деятельности, сопряжено с уровнем профессионального образования. Возможно, повышение уровня профессионального образования обеспечивает формирование необходимых компетенций и профессионально важных качеств личности, способных усиливать психологическую устойчивость личности к воздействию психотравмирующих факторов.

Интенсивность признаков посттравматического стресса и психопатологических симптомов не обнаруживает в нашем исследовании значимых связей с уровнем квалификации оперативного персонала энергетической отрасли (разряд и группа допуска). В психологическом аспекте, а также с позиции рассмотрения психологической безопасности личности в этой сфере профессиональной деятельности такое отсутствие связи может свидетельствовать о том, что уровень квалификации сотрудника не гарантирует безопасности и не обеспечивает его защиты от потенциальных опасностей, связанных с профессиональной деятельностью. Отсутствие связей в данном случае может свидетельствовать скорее о том, что уровень психической травматизации и переживаемого стресса связан не столько с уровнем квалификации, сколько с другими переменными, возможно, личностными характеристиками и уровнем развития ПВК.

6.5. Динамика психофизиологических и когнитивных характеристик профессиональной деятельности оперативного персонала энергетической отрасли

Профессиональная деятельность специалистов-энергетиков во многом специфична, что связано со сложностью оборудования, частыми внештатными и аварийными ситуациями, риском для жизни, жесткой регламентацией труда, работой на высоте и на открытых площадках в любое время года и многими другими факторами. В большинстве случаев деятельность сопряжена с необходимостью принятия решения в условиях дефицита времени и высокой ответственностью за правильность принятых решений (Абрамова, Белехов, 1988).

Сенсомоторные реакции и параметры опыта. В структуре действий оперативного персонала энергетической отрасли, имеющего дело со сложными техническими устройствами, большое значение имеют сенсомоторные реакции. Психофизиологические характеристики деятельности у оперативного персонала исследовались с помощью компьютерной системы психодиагностики PDS-IV, методика «Простая зрительно-моторная реакция», «Сложная зрительно-моторная реакция из двух альтернатив». Описательная статистика результатов диагностики с помощью методик «Простая зрительно-моторная реакция» (ПЗМР) и «Сложная зрительно-моторная реакция» (СЗМР) представлены в таблице 6.3.

Значимые корреляционные связи параметров опыта и психофизиологических (по методикам СЗМР и ПЗМР) показателей представлены в таблице 6.4.

Таблица 6.3
Описательная статистика методик «ПЗМР» и «СЗМР»

	Показатели	M	SD	Min.	Max.
ПЗМР	1. Класс активации ЦНС	2,73	1,3	0,00	5,00
	2. Оценка уровня активации	0,38	0,27	0,01	0,94
	3. Число пропущенных стимулов	0,39	2,25	0,00	24,00
	4. Число упреждающих реакций	1,35	3,80	0,00	70,00
	5. Суммарное число ошибок	1,73	4,62	0,00	70,00
	6. Среднее время реакции	306,55	125,46	4,00	2000,00
	7. Быстродействие	2,81	1,00	1,00	5,00
	8. Стабильность реакций	3,07	0,96	0,06	5,00
СЗМР	1. Уровень сенсомоторных реакций	2,27	1,00	0,00	5,00
	2. Оценка уровня сенсомот. реакций	0,30	0,24	0,00	0,82
	3. Число упреждающих реакций	0,63	1,37	0,00	17,00
	4. Число неправильных реакций	3,79	5,84	0,00	67,00
	5. Сумма ошибок	4,96	7,68	0,00	70,00
	6. Безошибочность	2,60	1,23	1,00	5,00
	7. Среднее время реакции	566,14	135,02	375,00	2000,00
	8. Быстродействие	3,01	1,10	1,00	5,00
	9. Стабильность	2,53	1,06	1,00	5,00

Таблица 6.4
Значимые корреляционные связи параметров опыта и показателей методик «ПЗМР» и «СЗМР»

Сенсомоторные реакции	Маркеры опыта						Группа допуска
	Возраст	Образование	Общий стаж	Стаж работы в области электроэнергетики	Разряд		
ПЗМР	Класс активации ЦНС	-0,29***	0,13**	-0,28***	-0,25***	-	-0,11*
	Оценка уровня активации	-0,14**	0,16***	-0,13**	-	-	-
	Число пропущенных стимулов	0,13**	-	0,11*	-	-	-
	Число упреждающих реакций	-	-	-	-0,12*	-	-
	Сумма ошибок	-	-	-	-0,10*	-	-
	Среднее время реакции	0,31***	-0,12*	0,29***	0,24***	-	-
	Быстродействие	-0,32***	0,11*	-0,30***	-0,27***	-	-0,11*
	Стабильность реакций	-	-	-	-	--	-
	Уровень сенсомоторных реакций	-	0,14**	-	-	---	-
	Оценка уровня сенсомоторных реакций	-	0,19***	-	-	--	-
СЗМР	Число упреждающих реакций	0,11*	-	0,12*	-	-	-
	Число неправильных реакций	-0,21***	-	-0,18***	0,17***	-	-
	Сумма ошибок	-0,12*	-	-	-0,12*	-	-
	Безошибочность	0,10*	-	-	0,11*	-	-
	Среднее время реакции	0,21***	-0,12*	0,19***	0,18***	-	-
	Быстродействие	-0,16***	0,14**	-0,14**	-0,12*	-	-
	Стабильность реакций	-	-	-	-	-	-

Примечание. * – уровень значимости $p < 0,05$; ** – уровень значимости $p < 0,01$; *** – уровень значимости $p < 0,001$.

Результаты показывают, что психофизиологические аспекты сенсомоторных реакций не имеют значимых связей с разрядом испытуемых, что может косвенно свидетельствовать о том, что для занимаемой должности у оперативного персонала энергетической отрасли они не имеют решающего значения и не играют ведущей роли при присвоении разряда. Анализ полученных связей опыта и уровня сенсомоторных реакций позволяет выявить две преобладающие тенденции: показатели возраста и стажа (в том числе стажа профессиональной деятельности в области электроэнергетики) сопряжены со снижением уровня активации ЦНС, показателей быстродействия и увеличением средней скорости реакций, количеством допускаемых ошибок в сенсомоторных пробах. Напротив, уровень образования и квалификационные характеристики (группа допуска) демонстрируют наличие значимых положительных связей с уровнем активации ЦНС и сенсомоторных реакций, показателями быстродействия, а также сопряжены со снижением среднего времени реакции. Кроме того, стаж работы в энергетике, т. е. сочетание общего стажа и квалификационных характеристик, благоприятно отражается на продуктивности деятельности: увеличивается безошибочность деятельности, снижается количество импульсивных, упреждающих реакций и ошибок в деятельности. Таким образом, закономерно объяснимое снижение уровня сенсомоторных реакций и психофизиологических показателей с возрастом испытуемых, вероятно, способно компенсироваться более высоким уровнем образования, квалификации испытуемых и стажем оперативной работы в сфере электроэнергетики.

Внимание и параметры опыта. К профессионально важным характеристикам внимания оперативного персонала энергетической отрасли относятся: внимательность к деталям, способность к произвольной концентрации внимания, к распознаванию небольших отклонений параметров технологических процессов от заданных значений по различным признакам, быстрая переключаемость и помехоустойчивость (Дмитриева, Крылов, 1979). Описательная статистика показателей методик, направленных на изучение функций внимания, представлена в таблице 6.5.

Корреляционные связи параметров опыта и характеристик внимания (по методикам «Корректурная проба», «Таблица 3×3», «Проба Мюнстерберга») представлены в таблице 6.6.

Полученные результаты исследования психофизиологических аспектов и продуктивности функций внимания подтверждают тенденции, обнаруженные при исследовании сенсомоторных реакций:

Таблица 6.5
 Описательная статистика показателей методик «3×3»,
 «Корректурная проба» (КП), «Проба Мюнстерберга»

Показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
1. Уровень произвольного внимания	2,35	0,79	0,00	5,00
2. Оценка уровня произвольного внимания	0,33	0,20	0,01	0,85
3. Число пропущенных заданий	0,11	0,60	0,00	8,00
4. Число неправильных ответов	5,85	6,03	0,00	60,00
5. Сумма ошибок	5,95	6,13	0,00	60,00
6. Безошибочность	2,97	0,94	1,00	5,00
7. Среднее время реакции	4531,88	1347,02	1651,00	10264,00
8. Быстродействие	2,75	1,07	1,00	5,00
9. Стабильность реакций	2,25	0,96	1,00	5,00
1. Время выполнения	211,09	41,65	123,00	370,00
2. Общий балл	229,81	43,83	134,50	439,50
3. Количество ошибок О	6,62	6,61	0,00	39,00
4. Количество ошибок ОС	0,82	1,29	0,00	9,00
5. Суммарное число ошибок	7,43	6,95	0,00	40,00
Проба Мюнстерберга	15,36	5,06	2,00	25,00

Таблица 6.6

Значимые корреляционные связи параметров опыта и показателей методик «Таблица 3×3», «Корректурная проба», «Проба Мюнстерберга»

Характеристики внимания	Маркеры опыта						Группа допуска
	Возраст	Образование	Общий стаж	Стаж работы в области электротехники	Разряд	Группа допуска	
Уровень произвольного внимания	-0,17***	0,17***	-0,19***	-	-	-	0,14**
Оценка уровня произвольного внимания	-0,11*	0,19***	-0,10*	-	-	-	-
Среднее время реакции	0,26***	-0,22***	0,25***	0,11*	-	-	-
Быстродействие	-0,24***	0,20***	-0,22***	-0,10*	-	-	-
Стабильность реакций	0,13**	-	0,13**	0,11*	-	-	0,11*
Число пропущенных заданий	-	-0,13**	-	-	-	-0,14**	-
КП время выполнения	0,26***	-0,16**	0,29***	0,14*	-	-	-0,11*
КП общий балл	0,26***	-0,18***	0,30***	0,15***	-	-	-0,14***
КП ошибки О	-	-0,11*	-	-	-	-	-
КП сумма ошибок	-	-0,12*	-	-	-	-	-0,10*
Проба Мюнстерберга	-	-	-	-	-	-	0,16***

Примечание: * – уровень значимости $p < 0,05$; ** – уровень значимости $p < 0,01$; *** – уровень значимости $p < 0,001$.

с возрастом и с увеличением стажа работы показатели, характеризующие скорость выполнения методик, имеют отчетливую тенденцию к снижению: оценки уровня произвольного внимания снижаются, как и показатели быстродействия, среднего времени реакций. Однако следует отметить закономерное увеличение стабильности реакций и ухудшение показателей продуктивности выполнения методик (в частности, корректурной пробы).

Уровень образования и квалификационные характеристики в целом демонстрируют иное направление связей с психофизиологическими показателями и продуктивностью функций внимания: более высокие уровни образования и квалификации сопряжены с более высокими оценками психофизиологических параметров уровня произвольного внимания, показателями быстродействия и снижением среднего времени реакции, времени выполнения заданий и количества ошибок (соответственно, с увеличением продуктивности) деятельности функций внимания.

Таким образом, внимательность, являясь одним из ПВК оперативного персонала, обнаруживает следующую связь с опытом: наблюдается закономерное снижение функций внимания с возрастом и стажем, т. е. формальными характеристиками опыта, но рост показателей при повышении уровня профессионального образования и уровня профессиональной квалификации (группы допуска). Способность к продуктивной концентрации внимания, как показывают результаты нашего исследования, повышается по мере профессионального становления специалиста, повышения уровня его квалификации. Возможно и обратное рассмотрение этой связи: тренировка функций произвольного внимания и повышение его продуктивности может значительно облегчать процесс профессионального становления в профессии, являться предиктором повышения профессиональной квалификации специалиста.

Память и параметры опыта. Значимыми характеристиками памяти для оперативного персонала являются достаточный объем оперативной памяти, памяти на условные обозначения – знаки, символы, планы, схемы, графики, а также способность произвольно запоминать, хранить и воспроизводить достаточно большие объемы информации – правила и инструкции (Дмитриева, Крылов, 1979). Исследование психофизиологических параметров и продуктивности функций памяти в нашем исследовании показало, что выявленные тенденции влияния опыта на профессионально важные качества подтверждаются и в этой части исследования. Описательная статистика показателей методики «Оперативная па-

Таблица 6.7
 Описательная статистика показателей методик
 «Оперативная память», «10 слов», «12 чисел»

	Показатели	M	SD	Min	Max
Оперативная память	Уровень ОП	1,36	0,65	1,00	4,00
	Оценка уровня ОП	0,10	0,16	0,01	1,04
	Число пропущенных заданий	0,59	3,49	0,00	40,00
	Число неправильных ответов	11,82	8,39	0,00	40,00
	Сумма ошибок	12,42	8,82	0,00	40,00
	Безошибочность	2,21	1,08	1,00	5,00
	Среднее время реакции	6996,34	2117,94	0,00	16362,00
	Быстродействие	1,36	0,75	1,00	5,00
	Стабильность реакций	1,55	0,95	1,00	5,00
10 слов	8,01	1,45	0,00	10,00	
12 чисел	7,21	2,12	2,00	12,00	

мать», «10 слов», «12 чисел» представлена в таблице 6.7, значимые связи маркеров опыта и показателей памяти представлены в таблице 6.8.

Таким образом, исследование памяти и ее продуктивности в процессе профессиональной деятельности подтверждает выявленную тенденцию возрастной и профессиональной динамики при исследовании сенсомоторных реакций и функций внимания: с возрастом и увеличением стажа работы снижаются психофизиологические параметры и продуктивность мнестической деятельности, в то время как увеличение уровня образования и уровня квалификации (более высокий уровень группы допуска по электробезопасности) связано с повышением показателей безошибочности, стабильности реакций, качества и продуктивности запоминания информации в целом.

Интеллект и параметры опыта. Профессионально важными для специалистов в сфере электроэнергетики характеристиками мышления являются скорость мыслительных процессов (умение решать проблемные ситуации в короткие сроки, быстро ориентироваться в окружающей обстановке), способность к анализу и синтезу, планированию, пониманию словесного и графического материала, склонность к конструированию и проектированию (Дмитриева, Крылов, 1979).

Таблица 6.8
 Значимые корреляционные связи маркеров опыта и показателей методик
 «Оперативная память» (ОП), «10 слов», «12 чисел»

Характеристики памяти	Маркеры опыта					Группа допуска
	Возраст	Образование	Общий стаж	Стаж работы в области электроэнергетики		
Уровень ОП	-0,15***	0,21***	-0,15***	-0,11*	-	-
Оценка уровня ОП	-0,12*	0,21***	-0,12*	-	-	-
Число пропущенных заданий	0,18***	-0,19***	0,18***	-	-	-
Число неправильных ответов	-	-0,14**	-	-	-	-0,15***
Сумма ошибок	0,13*	-0,17***	0,12*	-	-	-0,14**
Безошибочность	-0,13*	0,15***	-0,13**	-	-	0,11*
Среднее время реакции	0,29***	-0,33***	0,31***	0,25***	-	-0,13**
Быстродействие	-0,20**	0,18**	-0,12***	-0,16***	-	-
Стабильность реакций	-0,11*	0,18***	-	-	-	0,14***
10 слов	-0,29***	0,17***	-0,29***	-0,21***	-	-
12 чисел	-	0,12*	-	-	-	0,13**

Примечание: * – уровень значимости $p < 0,05$; ** – уровень значимости $p < 0,01$; *** – уровень значимости $p < 0,001$.

Оценка показателей мыслительной деятельности и интеллекта у оперативного персонала энергетической отрасли в нашем исследовании проводилась с помощью методик «Краткий ориентировочный тест (КОТ)» и «Стандартные прогрессивные матрицы Дж. Равена». Описательная статистика методик представлена в таблице 6.9.

Корреляционные связи параметров опыта и показателей мышления и интеллекта представлены в таблице 6.10.

Таблица 6.9

Описательная статистика показателей методики «Стандартные прогрессивные матрицы Дж. Равена» и методика «КОТ»

Показатели		Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
КОТ	Общий балл (С)	15,43	5,67	2,00	30,00
	Способность к анализу и обобщению информации (С1)	8,86	3,10	1,00	16,00
	Способность к пространственному мышлению (С2)	1,29	0,90	0,00	4,00
	Устойчивость мыслительной деятельности (С3)	1,24	1,37	0,00	4,00
	Гибкость мыслительных процессов (С4)	2,20	1,31	0,00	6,00
	Способность к концентрации внимания (С5)	1,29	0,76	0,00	5,00
Тест Дж. Равена	Субтест А	9,88	2,32	1,00	12,00
	Субтест В	8,77	2,42	0,00	12,00
	Субтест С	6,94	2,50	0,00	12,00
	Субтест D	6,59	2,88	0,00	12,00
	Субтест E	3,63	2,63	0,00	12,00
	Общий балл за 20 минут	34,95	10,12	3,00	56,00
	Общий балл всего	35,73	10,24	3,00	56,00
	Общее время выполнения теста	18,09	9,22	4,89	76,87

Таблица 6.10
Значимые корреляционные связи параметров опыта
и показателей мышления

Интеллект		Маркеры опыта					
		Возраст	Образование	Общий стаж	Стаж работы в области электроэнергетики	Разряд	Группа допуска
КОТ	С	-0,12*	0,31***	-0,25***	-0,21***	-	0,12*
	С1	-	0,29***	-0,23***	-0,22***	0,10*	-
	С2	0,16*	0,19***	0,18***	-0,11*	-	0,13*
	С3	-	0,21***	-0,11*	-0,13**	-	-
	С4	-0,25***	0,21***	-0,26***	-0,18***	-	-
	С5	-	-	-	-	-	0,12*
Тест Дж. Равена	Субтест А	-0,17***	0,11*	-0,17***	-0,12**	-	-
	Субтест В	-0,24***	0,30***	-0,25***	-0,13*	0,13*	0,13**
	Субтест С	-0,17***	0,20***	-0,21***	-0,18**	-	-
	Субтест D	-0,17***	0,16***	-0,17***	-	-	-
	Субтест E	-0,13**	0,22***	-0,14**	-	-	0,13**
	Балл за 20 минут	-0,28***	0,25***	-0,28***	-0,17***	-	-
	Балл всего	-0,22***	0,24***	-0,23***	-0,14**	-	-
Время выполнения	-	0,16***	-	-	-	-	

Примечание. * – уровень значимости $p < 0,05$; ** – уровень значимости $p < 0,01$; *** – уровень значимости $p < 0,001$.

Анализ связей параметров опыта и интеллектуальных процессов, исследуемых с помощью методик «КОТ» и «Прогрессивные матрицы Дж. Равена», показал, что с возрастом, как и с увеличением показателя стажа работы, наблюдается снижение скорости и продуктивности мыслительной деятельности. Аналогичная тенденция наблюдается и относительно показателя стажа работы в области электроэнергетики.

Положительные связи уровня интеллектуальных процессов отчетливо прослеживаются с уровнем профессионального образования и профессиональной квалификации: чем выше уровень образования и квалификации участников исследования, тем выше

показатели, характеризующие уровень интеллектуального развития и продуктивность мыслительной деятельности. Интересно отметить, что положительная корреляция обнаруживается также и с показателем времени выполнения теста Равена: вероятно, это свидетельствует о более развитой способности к напряженному интеллектуальному труду, требующему настойчивости, вдумчивости, внимательности и доведения начатого дела до конца без потерь качества, что также является важным профессионально значимым качеством оперативного персонала энергетической отрасли.

6.6. Изменение личностных характеристик в процессе профессиональной деятельности в особых условиях труда

Опыт и эмоционально-личностные характеристики. Одним из основных факторов напряженности труда оперативного персонала является высокий уровень эмоциональной нагрузки, обусловленный степенью ответственности за безопасность других лиц, значимостью ошибки, степенью риска для собственной жизни, а также возможностью внезапного возникновения аварийных ситуаций и необходимостью их быстрого устранения. Деятельность электромонтеров предъявляет повышенные требования к их психической устойчивости, поэтому особый уровень профессионально важных качеств представителей энергетической отрасли формируют характеристики эмоционально-волевой сферы: нервно-психическая и эмоциональная устойчивость, уравновешенность, способность адекватно реагировать на стрессовые факторы, способность сохранять производительность деятельности при наличии риска или опасности, адекватный уровень личностной и реактивной тревожности (отсутствие во внештатной обстановке напряженности, растерянности, излишней нервозности, замешательства, чрезмерной осторожности).

Методика диагностики личностной и реактивной тревожности Спилбергера–Ханина позволяет оценить уровень актуальной тревоги человека как состояния, возникающего в ситуациях неопределенности и степень тревожности человека как устойчивую личностную характеристику, обуславливающую готовность человека к тревожным реакциям, проявляющимся в постоянном беспокойстве и неуверенности в будущем. Описательная статистика показателей реактивной и личностной тревожности у оперативного персонала энергетической отрасли представлена в таблице 6.11.

Анализ корреляционных связей уровня реактивной и личностной тревожности с параметрами опыта показывает, что у персона-

Таблица 6.11

Описательная статистика показателей реактивной и личностной тревожности

Показатели тревожности	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Реактивная тревожность	20,92	7,04	5,00	45,00
Личностная тревожность	34,03	6,05	21,00	63,00

ла с возрастом возрастают как показатели личностной тревожности ($r_s = 0,23^*$), так и ситуативной ($r_s = 0,15$). Показатели стажа работы аналогичным образом положительно связаны с уровнем тревожности: с увеличением общего стажа работы усиливается как ситуативная ($r_s = 0,15$), так и личностная тревожность ($r_s = 0,24$); стаж работы в сфере электроэнергетики сопряжен с возрастанием уровня личностной тревожности ($r_s = 0,21$). Выявленные связи подтверждают степень неблагоприятного воздействия на эмоциональное благополучие личности и эмоциональную стабильность факторов профессиональной среды. Известно, что при неблагоприятных условиях организации деятельности и недостаточных психофизиологических и эмоционально-волевых ресурсах человека происходит снижение адаптационных возможностей организма. Вследствие данного факта в процессе работы раньше наступают утомление и переутомление. Это создает негативный эмоциональный фон, в результате которого возникают чувство усталости, избыточное напряжение психических ресурсов и дезадаптация в профессиональной деятельности, способная приводить к снижению эффективности выполнения работы, к профессиональному выгоранию и психосоматическим нарушениям, формированию повышенной уязвимости личности к неблагоприятному воздействию психотравмирующих и стрессовых факторов.

Анализ связей уровня тревожности у оперативного персонала и уровня профессионального образования показывает иную картину: с увеличением уровня образования мы наблюдаем снижение уровня как ситуативной ($r_s = -0,10$), так и личностной тревожности ($r_s = -0,11$). Таким образом, и здесь обнаруживает себя компенсаторная роль повышения уровня образования в преодолении угроз,

* Здесь и далее указанные связи являются значимыми. Критические значения коэффициента корреляции при $n = 350$ равны: $r_s = 0,105$ при $p < 0,05$, $r_s = 0,138$ при $p < 0,01$, $r_s = 0,175$ при $p < 0,001$.

связанных с условиями профессиональной деятельности. Образованность и компетентность дает то, что сам оперативный персонал называет «опытностью», т. е. обладание необходимыми знаниями, умениями и навыками, уверенность при производстве работ, проявление необходимой осторожности, внимательности и бдительности, умение защитить себя и позаботиться о безопасности других при производстве работ.

Значимых связей уровня личностной и ситуативной тревожности с такими параметрами опыта, как разряд и группа допуска, не обнаружено. Такой вывод также логичен, закономерен и свидетельствует о том, что уровень как ситуативной, так и личностной тревожности связан, скорее, с когнитивными структурами личности, ее представлениями, убеждениями о потенциальной опасности, которую может представлять их профессиональная деятельность, нежели с объективными факторами угроз: при любой группе допуска, а также при любом разряде и должности электрическое напряжение, с которым приходится иметь дело оперативному персоналу, смертельно опасно, поэтому и тревога, фиксируемая в нашем исследовании, скорее связана с личностными и когнитивными характеристиками, а также длительностью нахождения в профессии, чем с уровнем профессиональной квалификации и занимаемой должностью.

Интернальность личности и профессиональная деятельность, связанная с повышенной опасностью. Способность личности принимать ответственность за результаты своей жизни и деятельности на себя – важный фактор профессиональной успешности в любой сфере деятельности. Уровень субъективного контроля, или интернальность личности, – характеристика степени независимости, самостоятельности и активности человека в достижении своих целей, его личной ответственности за свои действия и поступки; это личностная характеристика, описывающая, в какой степени человек ощущает себя активным субъектом собственной деятельности и готов брать на себя ответственность за то, что происходит с ним и вокруг него, а в какой – пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств. Описательная статистика результатов исследования уровня субъективного контроля у оперативного персонала энергетической отрасли представлена в таблице 6.12.

Исследование уровня субъективного контроля у оперативного персонала показывает в среднем нормативные значения шкал методики с некоторым снижением по шкале «Интернальность в области производственных отношений». Такое снижение содержатель-

Таблица 6.12
 Описательная статистика методики
 «Уровень субъективного контроля»

Показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Шкала общей интернальности (Ио)	6,03	2,19	1,00	10,00
Интернальность в области достижений (Ид)	7,36	2,33	1,00	10,00
Интернальность в области неудач (Ин)	5,38	2,64	1,00	10,00
Интернальность в семейных отношениях (Ис)	6,54	2,42	1,00	10,00
Интернальность в области производственных отношений (Ип)	4,59	1,75	1,00	9,00
Интернальность в области межличностных отношений (Им)	6,37	2,38	1,00	10,00
Интернальность в отношении здоровья и болезни (Из)	5,42	2,98	1,00	10,00

но можно интерпретировать как характерное для условий жесткой регламентации труда, иерархической структуры соподчинения в сфере электроэнергетики. Однако результаты исследования показывают наличие такого снижения по этой шкале далеко не у всех сотрудников, что подтверждает наличие не только организационных, но и других факторов, оказывающих влияние на показатели интернальности. Мы предположили, что среди таких факторов могут выступать и анализируемые в данном исследовании параметры опыта персонала, такие, как возраст испытуемых, стаж работы и уровень квалификации. Корреляционные связи параметров опыта и интернальности личности в различных сферах по методике «Уровень субъективного контроля» представлены в таблице 6.13.

Полученные результаты демонстрируют, что интернальность в области производственных отношений не связана с возрастом, уровнем образования, разрядом. Также у оперативного персонала не имеется значимых связей опыта с интернальностью в отношении своего здоровья/болезни. Значимые связи по другим шкалам методики выявлены с возрастом испытуемых: определяется тенденция к снижению уровня интернальности с возрастом и стажем профес-

Таблица 6.13

Значимые корреляционные связи параметров опыта и показателей методики «Уровень субъективного контроля»

УСК	Маркеры опыта				
	Возраст	Образование	Общий стаж	Стаж работы в области электроэнергетики	Группа допуска
Ио	-0,10*	0,13**	-0,13**	–	0,12*
Ид	-0,12*	0,15***	-0,15***	–	–
Ин	-0,12*	0,24***	–	–	–
Ис	–	–	–	–	0,10*
Ип	–	–	-0,13**	-0,10*	–
Им	-0,14**	–	-0,19***	–	0,12*
Из	–	–	–	–	–

Примечание. * – уровень значимости $p < 0,05$; ** – уровень значимости $p < 0,01$; *** – уровень значимости $p < 0,001$.

сиональной деятельности и повышению уровня интернальности с ростом показателей уровня профессионального образования. Уровень квалификации обнаруживает также положительные связи с показателями интернальности личности: с общим показателем интернальности, интернальностью в сфере семейных и межличностных отношений: вероятно, уровень квалификации и возрастание степени профессиональной ответственности, подразумеваемой более высоким уровнем квалификации, усиливает и степень ответственности за других, прежде всего, коллег по работе, а также ближайшего окружения (в частности семьи), ответственность за безопасность и благополучие которого принимается сотрудниками на себя.

Опыт и характер. На психологическом уровне приоритетными для специалистов в области энергетики считается выбор более зрелых моделей поведения, отсутствие импульсивности, наличие достаточно развитых навыков решения проблем и выражения своих негативных переживаний. Высокий самоконтроль, ответственность, организованность, склонность к анализу способствуют достижению оптимального эмоционального и функционального состояния. Важными считаются умение подчиняться инструкциям, дисциплинированность, добросовестность, аккуратность в работе, предусмотрительность, бдительность, способность заменять эмоции рациональным объяснением происходящего, благодаря чему строится хорошо контролируемое поведение. От способности

быстро интерпретировать, логически объяснять задачу, особенно в условиях дефицита информации, зависит своевременность принятия решения и, как следствие, предотвращение аварийной ситуации. Для рассматриваемой сферы профессиональной деятельности это имеет, по сути, едва ли не решающее значение: в условиях ожидания изменений информации (показаний приборов), а затем и необходимости мгновенного реагирования для предотвращения или ликвидации аварии необходимо умение регулировать эмоции с помощью разумного объяснения происходящего.

Личностный опросник Р. Кеттелла (16 PF) является многомерной методикой, оценивающей свойства личности. С его помощью описывается личностная структура человека, основные черты характера, интеллектуального развития, эмоционально-волевые и коммуникативные особенности.

Описательная статистика показателей 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла (16 PF) представлена в таблице 6.14.

Корреляционные связи параметров опыта и личностных особенностей (по 16 PF Кеттелла) представлены в таблице 6.15.

С увеличением возраста и стажа испытуемых проявляются тенденции к снижению показателей эрудированности, общего кругозора (фактор В «Интеллектуальное развитие»), эмоциональной устойчивости (фактор С), доминантности (фактор Е), оптимистичности, экспрессивности (фактор F), социальной смелости (фактор Н) и увеличению таких показателей, как тактичность (фактор N), тревожность (фактор О), самодостаточность (фактор Q2), напряженность (фактор Q4). Таким образом, мы можем проследить возрастную динамику основных черт характера у оперативного персонала энергетической отрасли, которая затрагивает как интеллектуальные черты, так и эмоционально-волевые и коммуникативные характеристики. Возможно, происходит описанное Ф. С. Исмагиловой деструктивное влияние опыта на личность: сужение границ профессионального опыта и области поиска допустимых решений в интеллектуальной сфере, обеднение эмоциональной сферы, в коммуникативной сфере – пассивность, исполнительность, робость, доминирование установок и привычных форм взаимодействия, сдержанность и пессимистичность (Исмагилова, 1999). Профессиональный опыт работы в энергетике, согласно результатам нашего исследования, связан также с усилением подозрительности, что можно интерпретировать как отсутствие доверия другим, формирование тенденции проверять и перепроверять себя и других, что, собственно, является профессионально важным качеством, способным в каких-то ситуациях

Таблица 6.14
Описательная статистика показателей 16 PF Кеттелла

Показатели	Сред- нее зна- чение	Стан- дартное откло- нение	Мини- мальное значе- ние	Макси- мальное значе- ние
А «Замкнутость–общительность»	6,39	1,48	2,00	10,00
В «Интеллектуальное развитие»	6,28	1,96	1,00	10,00
С «Эмоциональная устойчивость»	6,29	2,10	1,00	10,00
Е «Подчиненность– доминантность»	4,59	1,67	1,00	10,00
Ф «Сдержанность– экспрессивность»	5,43	1,64	1,00	10,00
Г «Низкая–высокая нормативность поведения»	5,44	1,59	1,00	10,00
Н «Социальная робость– социальная смелость»	6,05	1,80	1,00	10,00
І «Жесткость–сензитивность»	4,94	1,50	1,00	9,00
І «Доверчивость– подозрительность»	5,39	1,72	1,00	10,00
М «Практичность– мечтательность»	3,78	1,65	1,00	10,00
Н «Прямолинейность– дипломатичность»	6,41	2,00	1,00	10,00
О «Спокойствие–тревожность»	5,26	1,99	1,00	10,00
Q1 «Консерватизм–радикализм»	4,26	1,72	1,00	10,00
Q2 «Конформизм– самодостаточность»	4,73	1,61	1,00	9,00
Q3 «Низкий–высокий самоконтроль»	7,25	1,66	3,00	10,00
Q4 «Расслабленность– напряженность»	4,48	1,59	1,00	9,00

обеспечить безопасность личности в условиях профессиональной деятельности, связанной с повышенной опасностью.

Повышение уровня профессионального образования и уровня квалификации сопряжено с усилением таких черт характера, как общительность, эрудированность, эмоциональная устойчивость, нормативность поведения (стремление следовать правилам, нормам, инструкциям), но в то же время с развитием способности восприни-

Таблица 6.15

Значимые корреляционные связи параметров опыта и показателей по 16 PF Кеттелла

Факторы	Параметры опыта					
	Возраст	Образование	Общий стаж	Стаж работы в области электроэнергетики	Разряд	Группа допуска
A	–	0,11*	–	–	0,10*	–
B	–0,13**	0,14**	–0,15***	–0,14**	–	–
C	–0,24***	0,11*	–0,26***	–0,22***	–	–
E	–0,15***	–	–0,16***	–	–	–
F	–0,35***	–	–0,35***	–0,22***	–	–
G	–	0,11*	–	–	–	–
H	–0,28***	–	–0,31***	–0,20***	–	–
I	–	–	–	–	–	–
L	–	–	–	0,16***	–	0,13**
M	–	–	–	–	–	–
N	0,15***	–	0,16***	0,10*	–	–
O	0,19***	–0,17***	0,21***	0,14**	–	–
Q1	–	0,11*	–	–	–	–
Q2	0,16***	–	0,10*	–	–	–
Q3	–	–	–	–	–	–
Q4	0,13**	–	0,14**	0,18***	–	–

Примечание. * – уровень значимости $p < 0,05$; ** – уровень значимости $p < 0,01$; *** – уровень значимости $p < 0,001$.

мать новое, снижением тревожности, становлением более адекватной и устойчивой самооценки личности, отсутствием ригидности и консервативного стремления сохранять привычный ход событий или принятые способы поведения. Обнаруженные тенденции можно рассматривать как конструктивное влияние опыта на личность, точнее, влияние отдельных параметров опыта (повышения уровня образования и квалификации).

Следовательно, в нашем исследовании находит подтверждение предположение о конструктивном и деструктивном влиянии профессионального опыта на личность (Раевская, 2001), но с важным дополнением: если деструктивная форма больше связана с возрас-

том и увеличением стажа работы, то конструктивная – с повышением уровня образования и квалификации персонала.

Профессиональная деятельность в особых условиях предъявляет повышенные требования к личности профессионала и к уровню развития его профессионально важных качеств. Действие хронических психотравмирующих факторов, связанных со спецификой профессиональной деятельности, негативно сказывается на эмоциональной стабильности личности, формирует повышенную уязвимость и специфические признаки психической травматизации, которые ранее связывались преимущественно с действием экстремальных психотравмирующих событий. Результаты нашего исследования показывают несколько меньшую интенсивность воздействия на личность психотравмирующих факторов профессиональной деятельности в сфере электроэнергетики и негативное влияние специфики труда на психику человека, на ее эмоционально-психологическое благополучие и стабильность. Длительность нахождения в профессии связана с выраженностью негативных психологических последствий, и эффективное преодоление потенциальных угроз коррелирует только с ростом профессионального образования и развитием определенных ПВК личности.

Обсуждая результаты проведенного исследования с позиций соотношения опыта и ПВК личности как ресурса психологической безопасности в условиях профессиональной деятельности, связанной с повышенной опасностью, можно сделать вывод о том, что опыт, трактуемый только с позиций *возраста испытуемых* и *стажа работы*, не способен защитить личность от профессиональных ошибок, которые могут повлечь за собой переживание угрозы жизни и связанную с ней психотравматизацию. Стаж работы непосредственно характеризует временной аспект трудовой деятельности человека и косвенно – его профессиональный опыт, что подтверждается результатами проведенного исследования. Стаж как длительность работы по специальности, по-видимому, не является значимым свойством профессионального опыта, способствующим развитию ПВК и преодолению потенциально психотравмирующих факторов, связанных с условиями профессиональной деятельности. Повышение качества профессиональной деятельности, понимаемое в нашем случае как способ защиты личности от вероятности возникновения угрозы, обусловленной возникновением ошибок в деятельности, значимо связано преимущественно с повышением уровня *профессионального образования* и *уровня профессиональной компетентности*, причем эта связь обнаруживается не столько с должностью

или присвоенным разрядом, сколько с повышением уровня квалификационной подготовки, которая дает право на производство работ с более высоким уровнем сложности и ответственности.

Изучение динамики психофизиологических, когнитивных и личностных профессионально важных качеств в деятельности, связанной с повышенной опасностью, тесно сопряжено с акмеологическими проблемами психологии развития личности. Точнее, целесообразно говорить о следующей взаимосвязи: показано, что возрастные особенности скорее негативно влияют на выраженность профессионально значимых характеристик человека (психофизиологических, когнитивных, личностных), которые не могут в полной мере компенсировать профессиональный стаж и опыт работы в определенной сфере профессиональной деятельности. Компенсаторными возможностями в более значимой степени обладают повышение уровня профессионального образования и профессиональной квалификации, компетентность в деятельности.

С возрастом и увеличением общего стажа работы снижается уровень активации ЦНС, быстрое действие, увеличивается среднее время реакции, возрастает количество пропущенных стимулов в заданиях, подразумевающих быстрое реагирование, снижаются качественные показатели продуктивности психофизиологических реакций и когнитивных процессов (памяти, внимания, мышления), наблюдается отчетливое деструктивное влияние стажа работы на личность и значимые ПВК.

Уровень профессионального образования и повышение квалификации способны компенсировать негативное влияние возраста на продуктивность деятельности и выраженность ПВК. Уровень профессиональной квалификации и образования, таким образом, выступают в качестве важных факторов профилактики снижения профессиональной продуктивности персонала, связанной с возрастными изменениями: психофизиологические показатели скорости и активации ЦНС закономерно снижаются, а качество и продуктивность деятельности увеличивается; наблюдается усиление тех личностных черт и особенностей характера, которые играют важную роль в безопасной и безаварийной деятельности. Можно говорить о вкладе уровня профессионального образования и повышения квалификации в развитие специфического профессионально обусловленного самоконтроля в деятельности, выполняющего защитные функции и позволяющего более эффективно и продуктивно реализовывать профессиональную деятельность и защищать личность от угроз, связанных со спецификой профессиональной деятельности.

ГЛАВА VII

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Хорошо известным нормативом научного исследования является контроль дополнительных переменных с целью достижения высокого уровня достоверности результатов. Для психологических исследований такими переменными являются пол, возраст, уровень образования и другие социально-демографические характеристики, влияние которых важно учитывать.

Потребность в безопасности является базовой потребностью человека, удовлетворение которой требует постоянного усилия со стороны личности, причем как при воздействии стрессоров разной интенсивности, так и вне их ощутимого влияния на субъекта. Несмотря на универсальность переживаний, связанных с нарушением безопасности, нельзя игнорировать разнообразие представлений о безопасности и, соответственно, вариативность реакций на опасность. Эта вариативность обусловлена целой совокупностью факторов, прежде всего, определяется возрастными и половыми особенностями человека.

В представлениях о том или ином явлении отражается субъективное восприятие этого явления, по которому можно понять отношение к нему, спектр переживаний, связанных с ним, а также действия, которые будут предприняты в реальной жизненной ситуации, проявляющей себя в конкретных феноменах. Все это верно и при исследовании представлений о безопасности, в которых концентрируется опыт субъекта в достижении и сохранении своего благополучия.

Довольно часто человек чувствует себя в безопасности тогда, когда ничто не угрожает его здоровью и удовлетворяется потребность в самосохранении. Потребности в самосохранении и в безопасности очень близки друг другу вследствие того, что их нали-

чие переживается человеком как стремление к сохранению жизни и здоровья, требует от него совершения конкретных действий (поддержания состояния стабильности или обращения в бегство, поиска помощи, включения в борьбу и др.), которые позволили бы ему справиться со страхом смерти и достигнуть состояния равновесия и покоя. Однако, несмотря на близость ощущений, связанных с этими потребностями, они не являются идентичными друг другу. Используя модель иерархии потребностей, предложенной А. Маслоу, можно отнести потребность в самосохранении к первому уровню иерархии (уровню физиологических потребностей), а потребность в безопасности – ко второму. Иными словами, потребность в безопасности ассоциируется с различными угрозами, и лишь одной из них является угроза жизни. Потребность в безопасности включает в себя потребность в самосохранении, но не ограничивается ею. Можно предположить, что в зависимости от социально-демографических, социально-психологических и личностных особенностей потребность в самосохранении будет по-разному оцениваться субъектами как одно из проявлений потребности в безопасности.

По-видимому, не следует понимать нарушение безопасности как локальное состояние, которое возникает в отдельных жизненных ситуациях, связанных с конкретными угрозами. Угроза может быть не столь реальной, а человек тем не менее будет ощущать себя дискомфортно и небезопасно, скорее всего, вследствие имеющегося у него жизненного опыта. И даже в том случае, когда этот опыт вполне благополучен, переживания по поводу собственной безопасности и безопасности близких людей время от времени появляются и хорошо знакомы человеку любого возраста.

При анализе индивидуально-психологических различий между людьми в их представлении о безопасности закономерным образом возникает вопрос о том, как связаны между собой *потребность* в безопасности, *состояние* опасности/безопасности и собственно *представление* о безопасности. *Потребность* в безопасности – это мера желания человека сохранить целостность своей индивидуальности (как системы личностных, субъектных и индивидных качеств) или достигнуть ее; *состояние* опасности/безопасности – это оценка и переживание актуально существующей ситуации как представляющей или не представляющей угрозу для субъекта. Уточним, что в этой ситуации субъект не всегда является пассивной стороной, а именно потерпевшим из-за чего-либо (либо, наоборот, преуспевшим благодаря чему-либо), но может быть виновником (или инициатором) событий, индуцируя/ослабляя степень угрозы.

Представление о безопасности – совокупность характеристик, которые человек приписывает состоянию безопасности и связанной с ним потребности в безопасности. Представление о безопасности изменяется в зависимости от актуального состояния человека и его жизненного опыта, его личностных и других характеристик, хотя, безусловно, ряд психологических характеристик, ассоциирующихся с безопасностью, не зависит от пола и возраста человека, является универсальным.

В данной главе будут рассмотрены половые и гендерные различия в представлении о безопасности, а также возрастная специфика этих представлений.

7.1. Половые и гендерные различия в представлении о психологической безопасности

В современной психологической литературе нередко можно встретить равноправное использование понятий «пол» и «гендер», которое становится все более распространенным. Однако, с нашей точки зрения, эти понятия обозначают в определенной мере связанные, но не идентичные конструкты. Известно, что половые различия соотносятся с биологическими особенностями человека как мужчины или как женщины. Гендерные различия принято сопоставлять с так называемым социальным полом – маскулинностью или фемининностью. В традиционных обществах с достаточно консервативными установками половые и гендерные особенности тесно связаны между собой: маскулинные черты чаще диагностируются у мужчин, а фемининные – у женщин. Однако в современном мире встречается большее разнообразие в соотношении половых и гендерных признаков и, соответственно, большая вариативность психологических характеристик.

«Мужской» и «женский» варианты представлений о психологической безопасности, по определению, не должны совпадать друг с другом. Можно предположить, что для женщин безопасность тесно связана с социальным кругом общения и семейным благополучием. Для мужчин безопасность, по-видимому, означает возможность принимать самостоятельные решения, свободу выбора и контроль социальной ситуации.

Гендерные различия в представлении о психологической безопасности будут совпадать с половыми различиями при сопряженности маскулинности с мужскими установками и фемининности – с женскими. При других вариантах связи между гендерными

и половыми различиями ожидается изменение представлений о психологической безопасности и тенденция их соответствия гендерной идентичности и несоответствия половой идентичности. Возможно амбивалентное или конфликтное сочетание характеристик психологической безопасности. В отдельных случаях у мужчин и женщин с разной гендерной идентичностью допустимо большее разнообразие в представлениях о психологической безопасности по сравнению с представлением типичного мужчины или типичной женщины, которое лишено амбивалентности и/или конфликтности.

Организация исследования, целью которого стало выявление половых, гендерных и возрастных различий (§ 7.2) в представлениях о психологической безопасности людьми разного пола и возраста, была осуществлена таким образом, чтобы результаты отдельных исследований можно было сопоставить между собой.

Методики:

1. Для оценки представлений о психологической безопасности применялась *Анкета психологической безопасности*, разработанная в лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН, которая представляет собой список из 60 дескрипторов, наиболее часто ассоциирующихся с психологической безопасностью (Харламенкова, 2012б). Всем респондентам необходимо было оценить степень близости того или иного дескриптора к своему представлению о безопасности (по шкале от +2 – абсолютно соответствует до –2 – совершенно не соответствует).
2. Методика «МиФ» (Маскулинность и Фемининность). Предлагаемая модификация методики базируется на перечне маскулинных и фемининных качеств, предложенных Т.Л. Бессоновой, которая основывалась на концепции андрогинии С. Бем (Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 2001). Респонденту предлагалось завершить предложения («На самом деле я...», «Мужчины считают, что я...», «Женщины считают, что я...» и др.), используя один и тот же список слов и четыре варианта ответов: «всегда», «обычно», «иногда», «никогда». Рассчитывались средние показатели маскулинности и фемининности и определялся тип гендерной идентичности: маскулинность и фемининность выше 17 баллов – андрогинный тип, маскулинность выше, а фемининность ниже 17 баллов – маскулинный тип, фемининность выше, а маскулинность ниже 17 баллов – фемининный тип, маскулинность и фемининность ниже 17 баллов – недифференцированный тип.

Для обработки результатов был использован статистический пакет Statistica 8.0: U-критерий Манна–Уитни, факторный анализ (Principal Component Analysis method, Varimax raw).

Гипотеза исследования: психологическая безопасность чаще всего ассоциируется с потребностью в самосохранении и со здоровьем, которые имеют свои особенности у мужчин и женщин с разной гендерной идентичностью.

Выборка: 45 женщин и 49 мужчин в возрасте от 35 до 45 лет разных профессий*.

Оценка предпочтений в выборе слов-дескрипторов в сравниваемых группах осуществлялась путем подсчета суммы баллов по ответам +1 и +2 по каждому из 60 дескрипторов Анкеты психологической безопасности у всех респондентов группы с последующим расчетом верхних квартилей. Если суммы баллов по определенному дескриптору превышали значения верхнего квартиля, то их рассматривали как наиболее предпочитаемые ассоциации. Результаты представлены в таблице 7.1, в которой указаны дескрипторы с наибольшими суммами баллов.

Первые пять рангов из группы наиболее частотных ассоциаций на слово «безопасность» у мужчин занимают «контроль ситуации», «уверенность в себе», «самосохранение», «жизненный опыт, опытность», «здоровье». При этом по сравнению с женщинами в группу наиболее предпочитаемых ассоциаций у мужчин не вошли «отсутствие угроз», «доверие», «отсутствие тревоги, страха», «любовь», «свобода», «мир в стране».

У женщин на первом месте оказались «здоровье», «контроль ситуации», «самосохранение», «дом, жилье», «защита, защищенность». В группу наиболее предпочитаемых ассоциаций у женщин не вошли «жизненный опыт, опытность», «физическая подготовка, сила», «компетентность, ум», «обдумывание, прогнозирование», «владение информацией».

Сопоставление представлений о психологической безопасности у мужчин и женщин позволяет определить, что для мужчин она тесно связана с внутренним опытом и уверенностью в себе, с развитием физических и интеллектуальных ресурсов, т. е., по существу, со своими умениями и возможностями. В представлениях женщин находиться в безопасности – значит иметь здоровье, свой дом и быть защищенной, используя внешние средства. В «мужской» безопасности можно выделить рациональную составляющую (обдумы-

* Данные были собраны А. П. Литавриной. Научный руководитель – Н. Е. Харламенкова.

Таблица 7.1

Предпочтения (ранги) в выборе дескрипторов мужчинами и женщинами

	Дескрипторы	Мужчины	Женщины
1	Контроль ситуации	1	2
2	Уверенность в себе	2	7
3	Самосохранение	3	3
4	Жизненный опыт, опытность	4	–
5	Здоровье	5	1
6	Надежность	6	6
7	Надежные друзья, верность	7	8
8	Владение информацией	8	–
9	Уверенность в окружении	9	10
10	Защита, защищенность	10	5
11	Физическая подготовка, сила	11	–
12	Компетентность, ум	12	–
13	Надежный спутник, опора	13	16
14	Дом, жилье	14	4
15	Обдумывание, прогнозирование	15	–
16	Отсутствие угроз	–	9
17	Доверие	–	11
18	Отсутствие тревоги, страха	–	12
19	Любовь	–	13
20	Свобода	–	14
21	Мир в стране	–	15

Примечание. Цифры указывают на большее (1 ранг) или меньшее (15 или 16 ранг) предпочтение дескриптора в группе значимых ассоциаций; знак «–» означает, что сумма баллов, набранная по данному дескриптору, не превышает значения верхнего квартиля, и этот дескриптор не входит в группу самых предпочитаемых ассоциаций.

вание, компетентность, ум), а в женской – эмоциональную (любовь, доверие, отсутствие страха).

Для получения статистически значимых различий между мужской и женской выборкой был применен критерий Манна–Уитни (таблица 7.2). Сравнивались дескрипторы, баллы по которым оказались выше нижнего квартиля.

Таблица 7.2

Статистически значимые различия между мужской и женской выборками при сравнении баллов, набранных по дескрипторам психологической безопасности

Дескрипторы	Сумма рангов мужчины	Сумма рангов женщины	U	P
Доверие	1972,0	2398,0	784	0,03
Дом, жилье	2005,5	2459,0	780	0,02
Радость	2042,0	2440,0	799	0,02
Жизненный опыт, опытность	2573,0	1891,5	856	0,04
Чувство комфорта	2026,0	2438,0	801	0,03
Любовь	2063,5	2401,0	838	0,04
Осторожность, отказ от риска	2593,0	1872,5	837	0,04
Счастье	1999,5	2466,0	774	0,01
Отсутствие угроз	2047,0	2417,5	822	0,03
Поддержка мамы	2062,5	2402,0	837	0,04

В целом полученные выше результаты нашли свое подтверждение при расчете статистически значимых различий. У мужчин – выше показатели по переменной «жизненный опыт, опытность», «осторожность, отказ от риска». У женщин наблюдаются высокие показатели по переменным, связанным с эмоционально-чувственной сферой: радость, любовь, счастье, доверие, чувство комфорта. Для женщин, как было показано выше, важна своя территория – дом; не менее важной оказалась поддержка мамы.

Несмотря на выявленные половые различия, безопасность у большинства респондентов ассоциируется с потребностью в самосохранении и со здоровьем, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу. Для понимания специфики этой связи у мужчин и женщин и уменьшения размерности данных (количества переменных) был использован факторный анализ – метод главных компонент (Principal Component Analysis, PCA) и варимакс-вращение (Varimax rotation). У мужчин факторизация была проведена по 9 переменным, набравшим наибольшее количество баллов (таблица 7.1).

В результате выделено три фактора, определяющих представления о психологической безопасности у мужчин.

1-й фактор – *«владение информацией»* – (владение информацией» (0,82), «надежность» (0,80), «контроль ситуации» (0,74), «уверен-

ность в себе» (0,6); собственный вес равен 2,05, процент объясняемой дисперсии – 31,7%.

2-й фактор – *самосохранение* – «самосохранение» (0,77), «жизненный опыт, опытность» (0,65), «здоровье» (0,50); собственный вес равен 1,4, процент объясняемой дисперсии – 17,4%.

3-й фактор – *уверенность в окружении* – «уверенность в окружении» (– 0,77), «надежные друзья» (– 0,54); собственный вес равен 1,3, процент объясняемой дисперсии – 13,7%.

Интересно отметить, что для мужчин безопасность связана с владением информацией и контролем ситуации, т. е. с активной жизненной позицией. Самосохранение, являясь вторым фактором, сопряжено с жизненным опытом и со здоровьем. Подтверждением того, что безопасность для мужчин определяется их собственной активностью (информированностью, опытом, умом и др.) является тот факт, что внешняя среда (окружение и друзья) рассматриваются как переменные, которые могут снижать собственную безопасность, так как веса переменных, которые входят в третий фактор, имеют отрицательное значение.

В женской выборке факторный анализ проводили по 8 переменным, набравшим наибольшие баллы. Было выделено три фактора, определяющих представления о психологической безопасности у женщин.

1-й фактор – *здоровье* – «здоровье» (0,86), «защита, защищенность» (0,68), «отсутствие угроз» (0,67); собственный вес равен 2,2, объясняемая дисперсия – 27,7%.

2-й фактор – *самосохранение* – «самосохранение» (0,87), «надежные друзья» (0,67), «контроль ситуации» (0,59); собственный вес равен 1,6, объясняемая дисперсия – 19,5%.

3-й фактор – *дом, жилье* – «дом, жилье» (0,75), «уверенность в себе» (0,7), «контроль ситуации» (– 0,57); собственный вес равен 1,4, процент объясняемой дисперсии – 17,4%.

У женщин «здоровье» и «самосохранение» попали в разные факторы. Здоровье сопряжено с отсутствием угроз и защищенностью и является первым фактором, а самосохранение (второй фактор) – с надежными друзьями и контролем ситуации. Третий фактор психологической безопасности – наличие своего дома, жилья.

Полученные данные подтверждают выдвинутую гипотезу и свидетельствуют о том, что для мужчины безопасность ассоциируется с активными физическими и ментальными действиями; самосохранение и здоровье тесно связаны между собой и сопряжены с жизненным опытом; достижение безопасности не соотносится с под-

держкой окружения, которое в представлениях мужчин в большей степени препятствует этому процессу. Для женщины быть в безопасности означает быть здоровой. В отличие от мужчин для нее важны не столько свои собственные возможности, сколько возможности окружения (надежные друзья, жилье).

Известно, однако, что половые различия не всегда соответствуют гендерным установкам, особенно в таких социальных условиях, в которых традиционные роли претерпевают изменения и начинают взаимно пересекаться, в чем-то дублировать друг друга. Для проверки второй части гипотезы о различиях в представлении о безопасности у субъектов с разной гендерной идентичностью были использованы данные, полученные с помощью опросника Миф. По результатам тестирования, выборка была разделена на 4 группы: 1) андрогинные (набравшие баллы выше 17 по шкалам маскулинности и фемининности) – 29 человек, 13 женщин и 17 мужчин; 2) фемининные (набравшие баллы выше 17 только по шкале фемининность) – 23 человека, 17 женщин и 6 мужчин; 3) маскулинные (набравшие баллы выше 17 только по шкале маскулинность) – 16 человек, 4 женщины и 12 мужчин; 4) недифференцированные (набравшие ниже 17 баллов по обеим шкалам) – 25 человек, 11 женщин и 14 мужчин.

Были проведены три необходимых для проверки гипотезы сравнения: маскулинных мужчин и фемининных женщин, андрогинных мужчин и женщин и недифференцированных мужчин и женщин. Различия по переменным (дескрипторам Анкеты психологической безопасности), по которым были получены невысокие баллы (в пределах нижнего квартиля) в анализе не учитывались.

Получены незначительные статистические различия, которые совпадают с выявленными половыми различиями (таблица 7.2) и показывают, что безопасность фемининной женщины связана

Таблица 7.3

Сравнение маскулинных мужчин и фемининных женщин по представлениям о психологической безопасности

Дескрипторы	Сумма рангов мужчины	Сумма рангов женщины	U	P
Доверие	115	320	37,0	0,004
Дом, жилье	124	310	46,5	0,01
Чувство комфорта	133	301	55,5	0,04

с наличием дома, чувством доверия к окружающим и ощущением комфорта. Для маскулинного мужчины эти факторы менее значимы, возможно, в силу того, что в паре с женщиной мужчина берет на себя другие функции по обеспечению безопасности, и тогда эта пара становится комплементарной.

Предполагалось, что сравнение андрогинных и недифференцированных мужчин и женщин не выявит различий между ними по представлению о психологической безопасности. Тем не менее оказалось, что это не так и сугубо женские и мужские черты проявились даже при наличии гендерного сходства. Интересно отметить, что андрогинные женщины не продемонстрировали типичные женские представления о безопасности, а андрогинные мужчины отметили как мужские (жизненный опыт, опытность), так и женские (отсутствие тревоги, страха; спокойствие, умиротворенность) характеристики (таблица 7.4). Однако в целом отмечена тенденция сближения половых и гендерных стереотипов в представлениях о психологической безопасности андрогинными мужчинами и женщинами.

Такая же картина наблюдается при сравнении мужчин и женщин, идентичность которых не дифференцирована по признакам маскулинности и фемининности. Между ними получены различия по переменным «доверие» ($U = 36,5$, $p = 0,04$), «безмятежность, легкость» ($U = 28,5$, $p = 0,008$) и «осторожность, отказ от риска» ($U = 29$, $p = 0,01$). По первым двум высокие значения получены у женщин, по последнему – у мужчин.

Результаты исследования представлений о безопасности у мужчин и женщин с разной гендерной идентичностью не противоречат

Таблица 7.4

Сравнение андрогинных мужчин и женщин по представлениям о психологической безопасности

Дескрипторы	Сумма рангов мужчины	Сумма рангов женщины	U	P
Порядок, соблюдение норм, правил	307	128,5	50,5	0,016
Отсутствие тревоги, страха	230,5	204	51,5	0,025
Жизненный опыт, опытность	296	139	61	0,047
Спокойствие умиротворенность	301	134	56	0,043
Отсутствие угроз	195	239	42,5	0,008

сложившимся в психологии стереотипам «мужского» и «женского», за исключением некоторых особенностей. Это, прежде всего, соотношение потребности в безопасности и потребности в самосохранении у мужчин и женщин и различия между полами в оценке влияния социального окружения на психологическую безопасность.

По нашим данным, и у мужчин, и у женщин потребность в самосохранении тесно связана с потребностью в безопасности. Специфика самосохранения была выявлена при проведении факторного анализа. Он показал, что самосохранение не идентично безопасности и вносит в нее вклад совместно с другими потребностями. Главным в обеспечении безопасности для мужчин является информированность и контроль – активные регулятивные функции, функции овладения обстоятельствами, ситуацией. Самосохранение, занимая второе место в представлениях о безопасности у мужчин, соотносится с жизненным опытом и, по существу, также основывается на функции овладения и регуляции.

У женщин представления о безопасности, в первую очередь, относятся со здоровьем и защищенностью, т. е. с тем, что женщине дала природа и предлагают обстоятельства жизни, которые она использует в целях своей безопасности. В отличие от мужчин женщине нужны дополнительные внешние ресурсы для обеспечения защищенности и безопасности. Самосохранение также занимает второе место, но в отличие от представления мужчин о безопасности тесно связано с надежностью ближайшего окружения. Это и не удивительно, ведь во многих исследованиях показано, что женщины стремятся к поддержанию коммуникативных связей, а мужчины – к развитию своего Я. Интересно другое, что свою безопасность мужчины не только не соотносят с надежностью окружения и уверенностью в нем, но и отвергают эту возможность, рассматривая ее как помеху. Следует допустить, что в разных выборках мужчин выявленная особенность может проявлять себя по-разному и выражаться в больших или меньших сомнениях в надежности окружения. Тем не менее нужно признать, что в отличие от женщин мужчины более автономны в достижении своей безопасности и больше доверяют своей информированности и осведомленности. Это, однако, не исключает того, что соединение мужского и женского вариантов в достижении и сохранении безопасности, например для построения семейной жизни, способно усилить как личную безопасность, так и безопасность супружеской пары. Конечно, возможно и обратное, т. е. ослабление личной, супружеской безопасности вследствие негативного влияния на семейную систему кого-либо из ее членов, но в этом случае данных

о половой и гендерной идентичности, по-видимому, будет недостаточно и возникнет необходимость в изучении личностных особенностей конкретного субъекта, а также в исследовании семьи и ее истории.

Подводя итоги исследования половых и гендерных различий в представлениях о безопасности, отметим, что специфика этих представлений определяется половыми различиями между людьми. Оказалось, что влияние гендера не столь существенно, как влияние пола и во многом совпадает с результатами, полученными при оценке различий между мужчинами и женщинами. Мужские (маскулинные) предпочтения в представлениях о психологической безопасности основаны на активных стратегиях поведения, женские (фемининные) – на пассивных. Это объясняется закрепившейся в филогенезе половой дифференциацией и связанной с ней спецификой мужского и женского поведения. Предложенное объяснение можно использовать и для обоснования предпочтений самостоятельных действий мужчинами и совместных, коммуникативных стратегий женщинами в достижении безопасности.

Важно также подчеркнуть, что в тех случаях, когда маскулинные и фемининные признаки уравниваются, т. е. в случае андрогинной идентичности, тенденция сближения половых и гендерных стереотипов в представлениях о психологической безопасности андрогинными мужчинами и женщинами сохраняется. При этом выявлен интересный феномен: представления андрогинных женщин о безопасности не включают типично женские ассоциации, а представления андрогинных мужчин включают как мужские (жизненный опыт, опытность), так и женские (отсутствие тревоги, страха; спокойствие, умиротворенность) характеристики. Этот феномен, скорее всего, имеет социальную природу и появляется вследствие выраженной маскулинизации женщин и андрогинизации мужчин, подкрепляемых обществом, и влияющих не только на представления о психологической безопасности, но и на разные сферы жизнедеятельности. Усиление этой тенденции может привести к нарушению баланса между мужским и женским в социуме и повлиять на процесс усвоения половой роли мальчиками и девочками.

7.2. Психологическая безопасность в представлении людей разного возраста

Наряду с половыми и гендерными различиями существуют возрастные различия в представлениях о психологической безопасности. В детстве и юности безопасность ребенка зависит от компетентнос-

ти и эмоциональной зрелости родителей и других взрослых людей, участвующих в его жизни. Значительную роль в психологической безопасности ребенка играет передача ему взрослыми людьми навыков сохранения своей безопасности и контроля различных угроз, а также развития внутренних ресурсов, обеспечивающих неуязвимость ребенка, его жизнестойкость.

В период ранней взрослости психологическая безопасность ассоциируется со свободой принимать жизненно важные решения, с развитием ответственности за эти решения. Однако переживание психологической безопасности только как *свободы действия* в отношениях с другими людьми связано с риском нарушения границ социального взаимодействия и последующим более строгим контролем группы за паритетностью в коммуникативных связях. Преувеличение в отношениях меры собственной *ответственности* за свободу действий, наоборот, увеличит риск вторжения других людей в психологическое пространство субъекта. Баланс между свободой и ответственностью в социальном взаимодействии является ресурсом обеспечения психологической безопасности в любом возрасте, особенно в период ранней взрослости, когда опыт самостоятельной постановки жизненных целей является не таким значительным, как в более старших возрастах.

В период средней взрослости важнейшим ресурсом безопасности является способность человека сохранять свою психологическую суверенность, умение строить границы персонального пространства при высоком в этом возрасте уровне коммуникативной активности. «Суверенность социальных связей – необходимая предпосылка формирования пристрастности и избирательности в социальных отношениях, которые уводят человека от общения по типу „анонимной стаи“ (К. Лоренц) и делают возможным „общение-встречу“ (М. Бубер)... Без практики подобной избирательности не может возникнуть субъектного отношения к другому, а следовательно, не может быть достигнута психологическая интимность» (Нартова-Бочавер, 2008, с. 155). Большое количество социальных связей, сложная ролевая структура отношений действительно могут повлиять на развитие личностной идентичности человека среднего возраста. Психологическая безопасность состоит в том, чтобы наряду с многообразием социальных контактов сохранить чувство собственного Я и перспективу личностного развития.

В старшем и позднем возрасте человеку приходится учиться принимать помощь от других людей. Его психологическая безопасность строится на мудром отношении к жизни и способности раз-

личать истинную социальную поддержку от поддержки, которая осуществляется в корыстных целях. Сужение пространства возможностей может стать для пожилого человека причиной его переживаний по поводу нарушения своей безопасности, если он не сможет принять это как данность. По сравнению с другими возрастными группами пожилой человек имеет уникальный ресурс психологической безопасности – мудрость жизни, которой, однако, он не всегда может пользоваться. В этом состоит один из парадоксов, с которыми мы нередко встречаемся в психологии: взрослый человек не всегда сам пользуется своими знаниями и опытом, но готов поделиться ими с другим, который, в свою очередь, не готов перенимать чужой опыт и пользоваться чужими знаниями.

Для определения различий между людьми разного возраста в представлении о психологической безопасности использовалась «Анкета психологической безопасности», описание которой представлено в разделе 7.1.

В качестве *гипотезы* было выдвинуто предположение о том, что с возрастом психологическая безопасность все более ассоциируется с возможностью получения социальной поддержки и связана с более узким пониманием психологической безопасности – не столько как безопасности общества, страны, мира в целом, сколько как личной безопасности респондента, его дома, ближайшего окружения.

В исследовании приняли участие 423 чел. в возрасте от 18 до 55 лет (132 чел. в возрасте 18–26 лет, из них 72 чел. – мужчины, 60 чел. – женщины; 157 чел. в возрасте 27–40 лет, из них 71 чел. – мужчины, 86 чел. – женщины; 134 чел. в возрасте 45–55 лет, из них 62 чел. – мужчины, 72 чел. – женщины). Выборка была уравнена по половому признаку: в исследовании приняли участие 205 мужчин и 218 женщин разного возраста* (Харламенкова, 2012б).

В каждом возрасте были определены признаки, которые чаще всего ассоциируются с психологической безопасностью. Для этой цели во всех трех возрастных группах по каждому из 60 слов вычислялись суммы положительных (+2 и +1) и отрицательных (–2 и –1) значений, учитывались и суммы баллов по показателю «0». Затем отдельно для положительных, отрицательных и нулевых значений (сумм) определяли нижний и верхний квартили. Слово-ассоциацию, значение суммы баллов по которому со знаком плюс попадало в верхний квартиль, а со знаком минус – в нижний квартиль,

* В сборе эмпирических данных принимали участие магистранты и студенты Л. Х. Ароян, О. А. Благова, А. И. Шипигузова, О. С. Бондарь.

рассматривали как точный признак психологической безопасности. Слово-ассоциацию, значение суммы баллов по которому со знаком минус попадало в верхний квартиль, а со знаком плюс – в нижний квартиль, рассматривали как случайный показатель, который делает минимальный вклад в общее представление о безопасности. Высокие значения по показателю «0» при равных суммах баллов с положительным и отрицательным знаком рассматривали как показатель, по которому наблюдается наибольший разброс, что может быть следствием влияния личностных особенностей.

На первом этапе анализа результатов выделили ассоциации, которые во всех трех группах описывают психологическую безопасность с высокой частотой (9 слов-ассоциаций). Самую большую сумму баллов набрала ассоциация «контроль ситуации», затем по мере убывания – «самосохранение», «уверенность в себе», «здоровье», а также «владение информацией», «жизненный опыт, опытность», «надежные друзья, верность», «уверенность в окружении» и «защита, защищенность». В целом можно сказать, что в общих признаках безопасности нашли отражение: 1) характеристика состояния: защищенность, уверенность; 2) цель достижения безопасности: самосохранение, здоровье; 3) средства достижения безопасности: контроль, жизненный опыт; 4) условия безопасности: надежное окружение, владение информацией. В качестве дополнительных и высокочастотных признаков безопасности у части выборки (у двух любых возрастных групп из трех) были выделены: у 18–26- и 27–40-летних респондентов – «дом, жилье», «наличие денег», «физическая подготовка, сила», «равновесие, стабильность»; у 27–40 и 45–55-летних респондентов – «надежность», «компетентность, ум» и «надежный спутник, опора»; у 18–26- и 45–55-летних респондентов – «поддержка, помощь». Частыми, характеризующими только одну из трех возрастных групп ассоциациями были: у 18–26-летних респондентов – «средства самообороны», «мир в стране»; у 27–40-летних респондентов – «личная территория»; у 45–55-летних – «мудрость», «порядок, соблюдение норм, правил», «активность, скорость реакции», «избегание опасных ситуаций». Из этого следует, что для молодых людей большое значение в понимании и достижении безопасности имеет внешнее благополучие, для периода средней взрослости – личное пространство, суверенность территории, для более взрослых людей – внутренние ресурсы, знание правил и избегание опасности. Можно предположить, что изменение представлений о безопасности происходит в направлении от ориентации на внешние средства к развитию внутренних возможностей.

«Неудачные» ассоциации, отвергаемые большинством респондентов как возможные дескрипторы психологической безопасности, представляют собой небольшую группу слов. Это – «уход в мечты, фантазии», «отстраненность от реальности (медитация, увлеченность и др.)», «воспоминания о детстве», «талисманы, обереги». За исключением одной ассоциации – «единение с природой», отвергаемой респондентами 18–26 лет, возрастные различия в ассоциациях, выбираемых редко, выявлены не были. Для упорядочивания данных по 9 общим показателям был проведен факторный анализ. Для определения числа факторов применялся критерий отсеивания Р. Кеттелла (Наследов, 2006). С этой целью строились графики собственных значений факторов. Количество факторов определялось по точке перегиба на графике собственных значений до его выхода на прямую после резкого спада, при этом если точку перегиба обозначить K , то можно выделить количество факторов, равное $K-1$, K и $K+1$. Мы использовали критерий K . Выделилось два фактора, объясняющие 43% дисперсии:

- 1) «*опытность, информированность*» (26%) – «контроль ситуации» (0,8), «жизненный опыт, опытность» (0,7), «владение информацией» (0,7);
- 2) «*позитивное окружение*» (17%) – «уверенность в окружении» (0,8), «надежные друзья, верность» (0,7), «защита, защищенность» (0,7).

Дополнение списка из 9 ассоциаций словами, которые также часто выбираются разными возрастными группами как признаки безопасности, несколько изменило эмпирическую модель безопасности. Факторизация 17 показателей позволила выделить 3 фактора, объясняющие 40% дисперсии:

- 1) «*позитивное окружение*» (22,1%) – «надежный спутник, опора» (0,7), «дом, жилье» (0,63), «поддержка, помощь» (0,62), «защита, защищенность» (0,6), «уверенность в окружении» (0,5), «надежные друзья, верность» (0,5);
- 2) «*опытность, информированность*» (11,4%) – «контроль ситуации» (0,7), «жизненный опыт, опытность» (0,6), «физическая подготовка, сила» (0,6), «владение информацией» (0,6);
- 3) «*внутренний комфорт*» (6,8%) – «равновесие» (0,7), «надежность» (0,6).

Обсуждая полученные результаты, можно отметить, что психологическая безопасность в основном ассоциируется со средствами, спо-

собами и с условиями ее достижения и редко – с описанием самого состояния. Возможно, это связано с тем, что состояние комфорта быстротечно, неустойчиво и сама жизнь сопряжена с опасностью, риском, поиском нового, неизвестного. В качестве условий безопасности называются социальные, личностные и интеллектуальные ресурсы, а в качестве средств достижения – контроль и физическая подготовка. Вследствие того, что психологическая безопасность ассоциируется с активным достижением равновесного состояния или состояния защищенности, средства, позволяющие отстраняться от реальности (уход в мечты, медитация, воспоминания о детстве, талисманы, обереги), не признаются ведущими к безопасности.

Для проверки основной гипотезы исследования анализ данных был проведен в каждой возрастной группе – ранней (18–26 лет), средней (27–40 лет) и людей более старшего возраста (45–55 лет). Группа пожилых людей в этом исследовании не принимала участия.

Некоторая возрастная специфика обнаружилась уже при анализе общего представления о безопасности. Для более точного и детализированного изучения вклада возрастного компонента в представления о психологической безопасности был проведен анализ данных отдельно в каждой возрастной группе.

В период юности и ранней зрелости (18–26 лет) психологическая безопасность наиболее часто ассоциировалась со следующими дескрипторами: «контроль ситуации», «уверенность в себе», «самосохранение», «дом, жилье», «надежность», «поддержка, помощь», «средства самообороны», «жизненный опыт, опытность», «наличие денег», «физическая подготовка, сила», «свобода», «защита, защищенность», «надежные друзья, верность», «мир в стране», «владение информацией», «здоровье», «уверенность в окружении». Ранее было показано, что специфическими для этой группы ассоциациями являются «средства самообороны» и «мир в стране».

Факторизация 17 выделенных дескрипторов позволила объяснить 53% дисперсии и выделить 5 факторов:

- 1) «*позитивное окружение*» (20%) – «поддержка, помощь» (0,7), «защита, защищенность» (0,7), «дом, жилье» (0,6), «мир в стране» (0,6), «уверенность в окружении» (0,6);
- 2) «*широта возможностей, ресурсы*» (9%) – «здоровье» (0,7), «наличие денег» (0,6), «свобода» (0,5);
- 3) «*физическая готовность*» (9%) – «средства самообороны» (0,8), «физическая подготовка, сила» (0,7);
- 4) «*опытность*» (8%) – «жизненный опыт, опытность» (0,7), «контроль ситуации» (0,6), «надежные друзья, верность» (0,5);

- 5) «информированность» (7%) – «владение информацией» (0,8), «уверенность в себе» (0,6).

У молодых людей общее представление о безопасности связано с позитивным социумом, от которого ожидают защиты и который ассоциируется не только с ближайшим окружением, но и с миром в целом. Небольшое место в представлениях о безопасности отводится опытности и информированности. Специфическими для возрастной группы являются факторы «широта возможностей, ресурсы» и «физическая готовность». В совокупности с первым фактором они показывают, что для молодых людей важную роль в понимании безопасности играют внешние средства, при этом к внутренним возможностям относят состояние здоровья, физическую подготовку и свободу, которую можно трактовать по-разному. Одной из возможных интерпретаций выбора ассоциации «свобода» может быть следующее объяснение: освобождение от социального давления, прежде всего, от контроля со стороны родителей и других взрослых, свобода от ограничений, правил, стереотипов. Само состояние безопасности характеризуется как состояние защищенности.

В период средней взрослости (27–40 лет) с психологической безопасностью часто ассоциируются следующие 16 признаков: «контроль ситуации», «уверенность в себе», «самосохранение», «дом, жилье», «надежность», «жизненный опыт, опытность», «наличие денег», «физическая подготовка, сила», «личная территория», «равновесие, стабильность», «защита, защищенность», «надежные друзья, верность», «владение информацией», «компетентность, ум», «надежный спутник, опора», «здоровье», «уверенность в окружении».

Как было показано выше, специфическими и наиболее выраженными для данной группы ассоциациями являются «личная территория», «равновесие, стабильность», «компетентность, ум», «надежный спутник, опора», «надежность». По сравнению с группой 18–26-летних респондентов менее значимыми становятся ассоциации «поддержка, помощь», «свобода», «мир в стране». Появление новых признаков психологической безопасности указывает на усложнение эмпирической модели безопасности: кроме обозначения способов и условий достижения безопасности, дается характеристика состояния как состояния равновесия, стабильности, и она отличается от представления о безопасности у молодых людей. Факторный анализ позволил выделить 4 фактора (52% объясняемой дисперсии):

- 1) «опытность, информированность» (24%) – «жизненный опыт, опытность» (0,8), «физическая подготовка, сила» (0,7), «владение

- ние информацией» (0,7), «контроль ситуации» (0,7), «компетентность, ум»(0,7);
- 2) «надежное жилище» – «дом, жилье» (0,7), «уверенность в себе» (0,6), «надежность» (0,6), «защита, защищенность» (0,5);
 - 3) «позитивное окружение» (9,3%) – «надежные друзья, верность» (0,7), «уверенность в окружении» (0,7);
 - 4) «широта возможностей, ресурсы» (7%) – «равновесие, стабильность» (0,8), «наличие денег» (0,7), «личная территория» (0,6), «здоровье» (0,5).

В отличие от представлений молодых людей безопасность рассматривается людьми среднего возраста не только как защищенность, но и как спокойствие, равновесие. Наиболее значимыми условиями безопасности становятся суверенность пространства, жизненный опыт и информированность, знания. Можно сказать, что люди этого возраста для достижения чувства безопасности начинают обращаться к собственным ресурсам – личностным, интеллектуальным.

В период *взростости* (45–55 лет) с психологической безопасностью наиболее часто ассоциируются 17 признаков: «контроль ситуации», «уверенность в себе», «самосохранение», «мудрость», «надежность», «поддержка, помощь», «жизненный опыт, опытность», «порядок, соблюдение норм», «защита, защищенность», «надежные друзья, верность», «владение информацией», «активность, скорость реакции», «компетентность, ум», «надежный спутник, опора», «здоровье», «уверенность в окружении», «избегание опасных ситуаций».

Специфическими для группы 45–55 лет являются такие дескрипторы, как «мудрость», «порядок, соблюдение норм», «активность, скорость реакции», «избегание опасных ситуаций»; опять возникает ассоциация «поддержка, помощь» (как у группы 18–25-летних респондентов). Для обеспечения психологической безопасности снижается ценность таких конструктов, как «дом, жилье», «наличие денег», «физическая подготовка, сила», «личная территория». Следует отметить, что личная ответственность в сохранении и достижении чувства безопасности становится наиболее выраженной. Прежде всего, наблюдается уменьшение вклада в представление о безопасности конструктов «дом», «личная территория», «средства самообороны», «власть» и увеличение сугубо личностных и субъектных качеств – мудрость и ответственность. Потребность в поддержке увеличивается, однако реализуется она иначе, чем в представлениях группы людей 18–26 лет. Социальное окружение сужается и персонифицируется. Это значит, что гипотеза исследования не фальсифицируется.

Факторный анализ позволил выделить 4 фактора, объясняющих 49% дисперсии:

- 1) «*позитивное окружение*» (21%) – «надежные друзья, верность» (0,8), «надежный спутник, опора» (0,7), «уверенность в окружении» (0,6), «защита, защищенность» (0,6), «здоровье» (0,5), «поддержка, помощь» (0,5);
- 2) «*опытность*» (12%) – «мудрость» (0,7), «жизненный опыт, опытность» (0,7), «контроль ситуации» (0,6), «уверенность в себе» (0,6), «надежность» (0,5);
- 3) «*избегание опасности*» (9%) – «избегание опасности» (0,8), «порядок, соблюдение норм» (0,7), «самосохранение» (0,4);
- 4) «*информированность*» (7%) – «активность, скорость реакции» (0,7), «владение информацией» (0,6), «компетентность, ум» (0,43).

На первый взгляд, фактор «позитивное окружение» у группы молодых людей идентичен такому же фактору у 45–55-летних респондентов. На самом деле это не совсем так. У молодежи наибольший вес в этом факторе имеют переменные «поддержка, помощь» и «защита, защищенность». В возрасте же 45–55 лет наибольший вес приходится на переменные «надежные друзья, верность» и «надежный спутник, опора», а защита и поддержка хотя и остаются, но занимают уже вторые места. Эмпирическая модель дополняется еще одной важной составляющей теоретической модели, называемой «возможные угрозы безопасности». Вследствие того, что анкета использовалась для оценки психологической безопасности, в нее не были включены пункты, связанные с угрозами. Тем не менее выбор переменных «отсутствие угроз», «избегание опасных ситуаций», «отсутствие тревоги, страха» косвенно указывает на близость конструкторов «безопасность» и «опасность», что и проявилось в представлениях людей старшего возраста.

Сопоставляя общее представление о психологической безопасности с представлениями людей разного возраста, отметим, что значительное место всегда занимает фактор «позитивное окружение», выступая в качестве одного из важнейших условий переживания безопасности. Очевидна возрастная динамика этого фактора.

В молодом возрасте социальный ресурс представлен очень широко и не персонифицирован. Это – и мир в целом, и общество в целом. В среднем возрасте социальные условия безопасности становятся менее ценными, они вытесняются личностными и интеллектуальными ресурсами, а также стремлением организовать свое пространство. В более позднем возрасте социальный ресурс опять становится

главенствующим, но качественно перестраивается. «Позитивное окружение» персонифицируется и наряду с фактором «опытность» делает основной вклад в социальное представление о психологической безопасности. Факторный анализ не позволил разделить условия и способы достижения психологической безопасности. Однако он хорошо дифференцирует разные условия (ресурсы) безопасности – социальные, интеллектуальные, личностные и физические, что находит отражение в общей эмпирической модели психологической безопасности, в которой первые два фактора указывают, соответственно, на социальный и личностно-интеллектуальный ресурс, т. е. на условия безопасности, а третий фактор – на состояние безопасности, которое характеризуется как равновесное и надежное.

Проведенное исследование было направлено на анализ имплицитных представлений о безопасности, которые, как известно, не противоречат эксплицитным представлениям об изучаемом феномене. Главная стратегия исследования состояла в том, что были разделены общие, сопряженные с возрастом представления о безопасности и факторы, которые определяют индивидуальные различия в представлениях внутри каждого из трех обследуемых возрастов. Общими, часто выбираемыми словами-ассоциациями оказались 9 признаков, которые можно рассматривать как ядро представлений о безопасности. Для большинства респондентов целью достижения этого состояния являются самосохранение и здоровье, средствами его достижения – контроль ситуации и жизненный опыт, условиями – надежное окружение и владение информацией, а само состояние безопасности описывается как защищенность и уверенность. Из этого следует, что безопасность является базовой личностной потребностью, удовлетворение которой обеспечивает человеку сохранение жизни. Контроль, владение информацией и жизненный опыт в совокупности представляют собой ресурсы защиты своей суверенности, прежде всего, благодаря определенным знаниям и надежному окружению.

Возрастные различия в описании состояния безопасности проявились в разной степени значимости ориентации на позитивное окружение, а также в отношении к необходимости владеть информацией и иметь жизненный опыт. Общие (в том числе и сопряженные с возрастом) представления о безопасности были дополнены данными о факторах, обуславливающих индивидуальные различия в данных представлениях, о которых речь пойдет в главе VIII.

В целом, подводя итоги исследования половых, гендерных и возрастных различий в представлении о психологической безопасности, следует сделать ряд важных выводов.

При проведении психологических исследований центральное место в изучении различных феноменов, на первый взгляд, должно занимать как можно более личное, субъективное представление о реальности, и чем более оно индивидуализировано, тем более достоверным будет ожидаемый результат. Как писал К. Поппер, теории это – сети, которые ученый накладывает на мир; чем более мелкими будут ячейки этих сетей, тем больше теория будет удовлетворять критерию истинности (Поппер, 1983). Однако, изучая психологическую безопасность, которая в житейском понимании часто соотносится с личной безопасностью конкретного человека, мы убеждаемся в том, что представления людей разного пола с разной гендерной идентичностью и разного возраста включают и факторы ближнего и дальнего окружения. Эти данные, полученные на разных выборках, подтверждают сформулированную нами теорию психологической безопасности (глава II), которая включает в себя три верифицируемых конструкта – Позитивное окружение, Опытность, информированность и Внутренний комфорт.

В исследуемых группах наиболее нагруженными факторами выступают либо Позитивное окружение, либо Опытность, информированность. Внутренний комфорт – это тот результат, к которому стремится человек при удовлетворении потребности в безопасности, но существенно важным для него в этом стремлении является социальное окружение и собственные внутренние ресурсы (опыт, знания, информация). При учете в исследовании переменной «пол» и «гендер» оказалось, что мужской вариант безопасности предполагает большую свободу в реализации своих возможностей в окружающем мире и более существенную, чем у женщин, опору на внутренние ресурсы. У женщин безопасность ассоциируется с защищенностью и наличием своего места (дома). Для женщин безопасность – это позитивное окружение. Полученные данные не вызывают большого удивления и вполне соответствуют традиционному распределению социальных ролей между мужчинами и женщинами. Интересно при этом заметить то, что для мужчин социальное окружение выступает как фактор, который является помехой в достижении психологической безопасности, но необходим в качестве отдаленного ресурса в процессе взросления. По-видимому, именно мужчинам с возрастом будет труднее всего принять необходимость обращения за социальной поддержкой и понять, что без помощи социального окружения достигнуть как психологической безопасности, так и опоры в дальнейшем личностном развитии будет очень трудно. Данные, полученные в пользу гипотезы о том, что с возрас-

том психологическая безопасность все более ассоциируется с возможностью получения социальной поддержки, подтверждают сделанный нами вывод.

Также подтверждается вторая часть этой гипотезы о том, что с возрастом возникает более узкое понимание психологической безопасности – не столько как безопасности общества, страны, мира в целом, сколько как личной безопасности респондента, его дома и близких. Правда, в исследовании не принимали участие люди более старшего, пенсионного возраста, но тенденция все равно достаточно хорошо заметна. У молодых людей безопасность соотносится и с надежностью окружения, и с миром в стране. В среднем и старшем возрасте ее границы сужаются до границ собственной территории, дома (особенно, у женщин), включая ближайшее окружение. Этот интересный феномен – сужение с возрастом психологического пространства как ресурса психологической безопасности не означает потери интереса к миру в целом, но показывает высокую значимость именно ближайшего круга людей и их социальной поддержки в обеспечении психологической безопасности пожилого человека. Эта тенденция проявляется со всей очевидностью именно потому, что с возрастом собственные возможности, особенно физические, начинают сокращаться, что может быть компенсировано помощью со стороны близких людей, но при желании эту помощь принимать.

Существуют разные точки зрения на позитивное старение. Одна из них состоит в том, что человек развивается в течение всего жизненного пути и поступательное развитие личности, сохранение высокого уровня активности возможно и в более поздние годы жизни. Активная жизненная позиция – необходимое условие позитивного старения. Так, согласно Л. И. Анцыферовой, пожилой человек должен сохранять установку на достижения, преобразование трудных ситуаций, активное к ним отношение. По мнению Анцыферовой, пассивные формы поведения в поздние годы жизни состоят в ожидании помощи от других, в зависимости от социальной поддержки (Анцыферова, 2004, с. 52).

С нашей точки зрения, социальная поддержка не умаляет собственной активности личности, но привносит в жизнь пожилого человека дополнительный источник жизненных сил. Нам представляется не совсем справедливым мнение, согласно которому поддержка делает человека пассивным, безучастным, равнодушным к жизни. Скорее, наоборот, социальная поддержка (при правильном ее осуществлении) является важнейшим ресурсом как для тех, кто ее принимает, так и для тех, кто ее предлагает. В связи с этим немаловажно

Глава VII

напомнить, что позитивное окружение – это не только социальная поддержка, но и условие развития суверенности личности, ее свободы в регуляции границ психологического пространства, в изъятии своей воли во взаимодействии с другими людьми, ведь наличие границ психологического пространства является условием равноправного взаимодействия с другими людьми, условием защищенности и свободы человека в решении поставленных жизненных задач (С. К. Нартова-Бочавер).

ГЛАВА VIII

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В главе VII были рассмотрены особенности представлений людей разного пола, гендерной идентичности и возраста о психологической безопасности. Следует предположить, что особенности личности (качества, установки, предпочтения) также могут вносить определенное своеобразие в представления человека о собственной безопасности. В одном из проведенных ранее исследований (Харламенкова, 2012а), в котором использовалась Анкета психологической безопасности (см. главу VII), было показано, например, что поддержка отца в юности и ранней взрослости, поддержка обоих родителей в период взрослости неоднозначно оценивается респондентами как показатель психологической безопасности. Для одних это гарантия стабильности и спокойствия, для других, наоборот, фактор дестабилизации. Конечно, поддержка отца не безусловна, однако, ее наличие или отсутствие в жизни человека существенно влияет на личностное развитие, прежде всего, на развитие автономии, внутренней независимости личности (Харламенкова, Кумыкова, Рубченко, 2015).

Традиционно, исследования в области психологии личности строятся таким образом, чтобы, кроме общепсихологических закономерностей, можно было бы сформулировать зависимости, учитывающие индивидуально-психологические различия людей. Например, закономерной является связь между скоростью решения математических задач и уровнем знаний, однако, кроме этого, скорость решения зависит и от личностных особенностей – мотивации достижения, уровня тревожности, открытости опыту и т. д.

Не менее распространенным подходом к исследованию личности в психологии является определение одних личностных особенностей путем анализа их сопряженности с другими характери-

ками личности. Обычно такие цели ставятся тогда, когда изучается малоизвестный личностный конструкт. Таким способом в свое время исследовали локус контроля, феномен привязанности и др.

В наших теоретико-эмпирических работах психологическая безопасность также изучалась с использованием разных исследовательских процедур и поэтапно. В настоящей главе представлены результаты двух исследований. Первое из них (раздел 8.1) было осуществлено с целью выделения различных типов личности (Харламенкова, 2012б). Основанием этого деления стал критерий чувствительности к угрозе. Цель второго исследования состояла в более дифференцированном и детальном изучении, описании выделенных типов личности с помощью дополнительных личностных опросников (раздел 8.2). Полученные результаты имеют высокую внешнюю валидность, т. е. могут быть перенесены на реальность, использоваться для постановки новых исследовательских целей и решения практических задач.

8.1. Чувствительность к угрозе: личностные типы

В современной психологии, несмотря на разнообразие исследований по психологии безопасности, изучение стратегий, которые активно использует сама личность для сохранения психического благополучия, требует тщательного анализа и переосмысления. Новизна этого подхода состоит в том, что человек как субъект своей жизни нередко своим отношением к ситуации и действиями либо сглаживает напряжение, либо провоцирует внешнюю агрессию, создает условия небезопасного существования.

Конечно, привычно рассматривать человека в качестве объекта внешних воздействий, и также привычно полагать, что достаточно наделить его знаниями (в том числе и психологическими), чтобы он научился справляться с внешними угрозами, понял, как отражать или избегать их, и тогда к нему вернуться спокойствие и благополучие. Такое представление о человеке и его природе существует до сих пор, и определенная доля правды в этом есть. Как писал С. Л. Рубинштейн, «отношение человека к миру – это отношение к нему как к бесконечности, которая включает в себя человека, может его поглотить и подавить, обуславливает всю его жизнь», однако отношение человека к миру – это и «отношение к миру как к объекту, в который человек может проникнуть познанием и переделать действием» (Рубинштейн, 1997, с. 71). Внешние воздействия преломляются через внутренние условия, что указывает на необходимость

учитывать активность самого субъекта, его жизненную позицию, индивидуальную историю развития, мировоззрение, стратегии социального взаимодействия, оценку своего места в мире, уверенность или неуверенность в возможности его изменения и т. д., ведь «существование социальных явлений не исключает существования психических явлений, точно так же как существование психических явлений не исключает существования биологических явлений и соответствующих закономерностей» (там же, с. 76).

Изучение общих закономерностей не подменяет собой необходимости анализа индивидуальных особенностей человека, более того, детальное исследование последних не только не исключает возможности формулировать общие психологические законы, но и, наоборот, нередко способствует возведению их в ранг универсальных принципов. Говоря о важности изучения индивидуального как единичного и потому реального, неповторимого и, безусловно, ценного, Рубинштейн пишет, что «преимущество индивидуального существует только при утверждении индивида как единства единичного, особенного и всеобщего, а не только как чистой, голой индивидуальности в смысле единичного и особенного» (там же, с. 112).

Построение типологии личности выполняет двоякую функцию. С одной стороны, исследуются индивидуальные особенности группы людей, объединенных некоторыми схожими чертами, характеристиками, а с другой стороны, доказывается, что эти индивидуальные особенности не исключение из правила, а необходимое дополнение его, без которого это правило остается «сухим остатком», теряет связь с реальностью. Такой принцип исследования особенно важен при изучении психологической безопасности, трактовка которой одним конкретным индивидом может не совпадать с мнением другого индивида. Чтобы понять, в чем состоят различия между людьми в понимании и переживании психологической безопасности и как эти различия встраиваются в общую модель психологической безопасности (глава II), было спланировано и проведено настоящее исследование, результаты которого изложены в двух разделах (8.1–2).

Чувствительность к угрозе, о которой идет речь в этом разделе и которая выступает критерием деления выборки на группы, – это, по существу, мера переживания человеком своей безопасности. Чем выше оценивается угроза ситуации, тем выше нами оценивалась чувствительность к угрозе и ниже ощущение спокойствия и безопасности. Иными словами, в исследовании, результаты которого изложены далее, психологическая безопасность рассматри-

вается как двуполусной конструкт, на одном конце которого находится полюс «безопасность», а на противоположном располагается полюс «опасность».

Цель исследования – выявить общие и частные стратегии переживания опасности или достижения безопасности как реакции на разные типы угроз.

Гипотезы исследования:

1. Предполагается, что в состоянии опасности наибольшей угрозой будет считаться угроза смерти и угроза потери самоидентичности, при этом спектр средств преодоления опасности будет сужаться при снижении степени угрозы.
2. Безопасность одинаково часто переживается как защищенность и как свобода.
3. Низкий уровень чувствительности к ситуации опасности связан с переживанием угрозы как случайного события, а также с ориентацией на внешние способы устранения этой опасности.

Задачи исследования:

1. Сопоставить описание ситуаций опасности и безопасности по категориям «главный герой», «тип угрозы», «средства достижения/сохранения безопасности».
2. Проанализировать ассоциации на слово «безопасность»; выделить группы ассоциаций, проследить различия в описании безопасности при наличии разных установок: «на опасность» и «на безопасность» на фоне нейтральной (стандартной) по отношению к опасности/безопасности инструкции.
3. Выявить индивидуальные различия между людьми в восприятии ситуаций опасности/безопасности и определить общие и частные стратегии преодоления опасности.

Основные гипотезы и задачи исследования определили логику эмпирической части работы.

Участники исследования: обследован 201 чел., 121 женщина ($M_e = 24 \pm 6,2$) и 80 мужчин ($M_e = 22 \pm 5,7$) с незаконченным высшим образованием*.

Тестовый материал: в качестве стимульного материала использовалась таблица № 14 из набора картинок Тематического аппер-

* В сборе эмпирических данных принимали участие Л. Х. Ароян, О. А. Благова, А. И. Шипигузова, О. С. Бондарь. Результаты исследования были опубликованы в статье: Харламенкова, 2012.

цептивного теста (ТАТ). На таблице изображен силуэт мужчины на фоне ярко освещенного окна, вся остальная поверхность картины черная. По мнению Е. Т. Соколовой, таблица выявляет общий фон настроения, иногда депрессивные и суицидальные тенденции, честолюбивые мечты (Соколова, 1980, с. 164), направлена на актуализацию личной темы.

Общее описание процедуры исследования: испытуемым, которые делились на три группы, предлагалось составить рассказ по предъявляемой таблице.

Первой группе ($n = 70$) и второй группе ($n = 70$) до предъявления инструкции «Составьте рассказ» предлагалось оценить изображенный на картинке сюжет, состояние героя по 10-балльной шкале «безопасное–опасное» (первичная оценка). Далее предъявлялась инструкция. Группу 1 просили представить героя в состоянии опасности и составить рассказ по картинке. Группе 2 предлагалось представить героя в безопасном состоянии и тоже составить рассказ. После того как рассказ был придуман, обеим группам предлагали оценить его по той же самой шкале (вторичная оценка). Третья группа ($n = 61$) получала стандартную инструкцию без предварительной оценки таблицы (картинки). Такая процедура работы с таблицей позволяла устранить влияние ее предварительной оценки на выбор сюжета рассказа, избежать узкой ориентации испытуемого на тему безопасность/опасность. После составления рассказа испытуемых группы 3 просили оценить свое первое впечатление от картинки по шкале «безопасность–опасность» (первичная оценка), а затем оценить сам рассказ (вторичная оценка). Далее всем трем группам испытуемых задавались стандартные вопросы: 1. Что угрожает герою рассказа? 2. Что нужно для достижения безопасности? Какие средства? (для группы 1); или; Что нужно для сохранения состояния безопасности (для группы 2). Группе 3 этот вопрос формулировали полностью: Что нужно для достижения либо сохранения безопасности? В конце исследования испытуемых просили привести ассоциации к слову «безопасность» в форме перечисления признаков.

Кодировка ответов. Анализ результатов начинался с объединения отдельных высказываний в группы. Анализировались рассказы и ответы на вопросы, а также ассоциации на слово «безопасность». Рассказ и ответы на вопросы оценивали по следующим категориям.

Тема рассказа: 1 – семейная; 2 – профессиональная; 3 – личная; 4 – социальная; 5 – интимная; 6 – тема физического комфорта/дискомфорта; 7 – фантастическая тема (Леонтьев, 1998, с. 113–115).

Герой: 1 – активный, 2 – пассивный.

Направленность угрозы: 1 – внешняя, 2 – внутренняя, 3 – отсутствует.

Типы угрозы: 1 – физическая угроза, угроза жизни; 2 – угрозы, связанные с профессией; 3 – ограничения (свободы, творчества); 4 – социальное одиночество; 5 – угроза психическому благополучию (аутоагрессия, недовольство собой, страхи, угрызения совести, депрессия); 6 – случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства; 7 – новое, неизвестное.

Средства достижения/сохранения безопасности: 1 – контроль за ситуацией, внимание; 2 – обращение за помощью; 3 – самоанализ, позитивное мышление, понимание; 4 – избегание, выжидание; 5 – отрицание избегания; 6 – знания, информированность; 7 – соблюдение правил, порядок; 8 – волевое усилие, изменение ситуации; 9 – течение времени, ход событий; 10 – физический комфорт, уединение; 11 – позитивное эмоциональное состояние.

Ассоциации на слово «безопасность» разделили по следующим категориям: 1 – защита от внешних угроз, защищенность; 2 – внешний комфорт (дом, семья, друзья); 3 – свобода, самореализация; 4 – порядок, контроль, соблюдение норм, правил; 5 – пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); 6 – активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность); 7 – здоровье; 8 – деньги, обеспеченность; 9 – быть с Богом, единение с природой; 10 – активные действия, противодействие; 11 – власть, государство.

Для уточнения принципа кодировки использовались экспертные оценки (6 экспертов работали парами с результатами каждой из трех групп испытуемых).

Обработка результатов проводилась с помощью U-критерия Манна–Уитни, W-критерия Уилкоксона, ϕ -критерия Фишера (программа Statistica 6.0).

Анализ результатов проводился в определенной последовательности.

1. *Сопоставление описания ситуаций опасности и безопасности по критериям «тема рассказа», «герой и направленность угрозы», «тип угрозы», «исход рассказа», «средства достижения/сохранения безопасности»*

С целью анализа результатов сравнивали три группы испытуемых, которым давали разные инструкции: группе 1 – «представить героя в состоянии опасности и придумать рассказ», группе 2 – «представить героя в состоянии безопасности и придумать рассказ», группе 3 – стандартная инструкция – «придумать рассказ». Сравни-

тельный анализ показал, что между двумя первыми группами есть различия по *восприятию картинки* (первичная оценка с помощью 10-балльной шкалы «безопасность–опасность») ($Me_1 = 2$, $Me_2 = 4$; $U = 1469$, $p = 0,00$, где Me – медиана). Однако в целом она воспринимается скорее как безопасная, нежели опасная. Восприятие картинки второй и третьей группой не различается ($U = 1872$, $p = 0,22$).

При сравнении оценок *рассказов* испытуемыми первой и второй группы по этой же шкале (вторичная оценка) оказалось, что первая группа воспринимает свои рассказы как содержащие угрозу в большей степени, чем вторая ($Me_1 = 7$, $Me_2 = 2$; $U = 575,5$; $p = 0,00$). Сравнение оценок картинки и рассказа в первой группе показало значительное увеличение показателей по шкале под влиянием инструкции ($T = 104,5$; $p = 0,00$), а во второй группе – значительное уменьшение оценок также под влиянием инструкции ($T = 181,5$; $p = 0,00$). Оценка восприятия картинки и восприятия своего рассказа по картинке не меняется у третьей группы, которой давали стандартную инструкцию ($T = 58,5$; $p = 0,6$).

Результаты (см. таблицу 8.1) подтвердили предположение о том, что выбранная картинка ТАТ действительно актуализирует личностные проблемы ($n = 103$). Далее по частоте упоминания располагаются интимная тема ($n = 43$) и тема физического комфорта/дискомфорта ($n = 37$). Реже всего актуализируется фантастическая ($n = 3$), профессиональная ($n = 13$), социальная ($n = 15$) и семейная тема ($n = 20$). Различия между первой группой и двумя остальными были получены только по социальной теме ($\varphi = 4,01$, $p = 0,00$; $\varphi = 2,5$, $p = 0,00$).

Таблица 8.1

Категория «тема рассказа»

(частота встречаемости рассказов по разным темам)

Номер группы	Тема рассказа						
	1	2	3	4	5	6	7
1-я группа	9	3	38	8	13	11	1
2-я группа	7	4	36	0	17	13	1
3-я группа	4	4	29	1	13	13	1
Сумма	20	13	103	15	43	37	3

Примечание. Цифрами обозначены темы рассказов: 1 – семейная; 2 – профессиональная; 3 – личная; 4 – социальная; 5 – интимная; 6 – тема физического комфорта/дискомфорта; 7 – фантастическая тема.

Для проверки гипотезы 1 о том, что в состоянии опасности наибольшей угрозой будет считаться угроза смерти и угроза потери самоидентичности, при этом спектр средств преодоления опасности будет сужаться при снижении степени угрозы, проводилось сопоставление рассказов, полученных при предъявлении разных инструкций («опасность», «безопасность», «стандартная») по отдельным категориям. При статистической обработке результатов различия между группами по переменной «активный герой» получены не были (см. таблицу 8.2). По переменной «пассивный герой» различия были выявлены только между 1 и 3 группами ($\varphi = 1,7$; $p = 0,04$).

По категории «направленность угрозы» различия получены только по субкатегориям «внутренняя угроза» при сравнении 1-й и 2-й групп ($\varphi = 3,99$; $p = 0,00$), 1-й и 3-й групп ($\varphi = 2,3$; $p = 0,01$) и «отсутствие угрозы» при сравнении 1-й группы с двумя остальными ($\varphi = 4,3$, $p = 0,00$; $\varphi = 3,8$, $p = 0,00$).

Группы 2 и 3 также различаются между собой по субкатегории «отсутствие угрозы» ($\varphi = 1,99$; $p = 0,027$). Кратко комментируя полученные результаты, отметим, что позиция героя рассказа в целом чаще представлена как пассивная, выжидательная, причем она одинаково часто встречается как в ситуации большей (группа 1), так и в ситуации меньшей опасности (группа 2). Это значит, что различия между группами во многом должны быть обусловлены индивидуальными особенностями. Три группы испытуемых различаются по показателю «внутренняя угроза», причем уверенность в наличии угрозы (группа 1) усиливает внутренние сомнения, переживания и напряжение, т. е. угрозу самоидентичности.

Оценивая общие, суммарные показатели по категории «тип угрозы» (см. таблицу 8.3), можно отметить, что вне зависимости от исходных установок чаще всего называется физическая угроза (угроза

Таблица 8.2
Категории «герой» и «направленность угрозы»

Номер группы	Герой		Направленность угрозы		
	Активный	Пассивный	Внешняя	Внутренняя	Отсутствует
1-я группа	26	43	32	38	0
2-я группа	29	40	22	15	34
3-я группа	32	29	21	21	19
Сумма	87	112	75	74	53

Таблица 8.3
Категория «тип угрозы»

Номер группы	Тип угрозы						
	1	2	3	4	5	6	7
1	28	1	4	12	22	3	1
2	11	0	4	9	5	2	5
3	18	0	2	9	9	2	4
Сумма	57	1	10	30	36	7	10

Примечание. Цифрами обозначены типы угроз: 1 – физическая угроза, угроза жизни; 2 – угрозы, связанные с профессией; 3 – ограничения (свободы, творчества); 4 – социальное одиночество; 5 – угроза психическому благополучию (аутоагрессия, недовольство собой, страхи, угрызения совести, депрессия); 6 – случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства; 7 – новое, неизвестное.

жизни, здоровью, опасность), затем угроза психическому благополучию (депрессия, недовольство собой, угрызения совести, уныние и др.) и угроза социального одиночества (проблемы общения, разлука, изоляция, непонимание со стороны других людей).

При статистической обработке результатов было выявлено, что установка на опасность (группа 1), по сравнению с иными установками, например, на безопасность (группа 2), приводит к повышению вероятности физической угрозы ($\varphi = 3,3$, $p = 0,00$), угрозы психическому благополучию ($\varphi = 3,8$, $p = 0,00$), а вероятность такой угрозы, как встреча с новым ($\varphi = 2,28$, $p = 0,01$), наоборот, снижается.

Различий между группами по остальным типам угроз выявлено не было. Эти результаты позволяют частично подтвердить гипотезу 1, согласно которой в состоянии опасности наибольшей угрозой будет считаться угроза смерти и угроза потери самоидентичности (сохранения психической безопасности), при этом спектр средств преодоления опасности будет сужаться при снижении степени угрозы. Вторая часть гипотезы проверяется при анализе категории «средства достижения/сохранения безопасности».

Анализ результатов показал, что большинство рассказов не имеют определенного финала, хотя положительный исход рассказа также встречается довольно часто (см. таблицу 8.4). Меньше всего рассказов с негативным исходом. Статистический анализ позволил конкретизировать результаты: все группы идентичны по количеству рассказов с неопределенным исходом, однако установка на угрозу значительно снижает количество позитивных исходов ($\varphi = 3,07$; $p = 0,00$)

Таблица 8.4
Категория «исход рассказа»

Номер группы	Исход рассказа		
	Позитивный	Негативный	Неопределенный
1-я группа	22	15	33
2-я группа	40	0	30
3-я группа	22	4	35
Сумма	84	19	98

и существенно повышает вероятность негативных исходов ($\varphi = 5,6$; $p = 0,00$).

В целом испытуемые чаще выбирают такие средства достижения/сохранения безопасности, как самоанализ, позитивное мышление; обращение за помощью к другому человеку и одинаково часто прибегают к контролю над ситуацией, к волевому решению проблемы, к изменению ситуации и к стратегии избегания опасности (см. таблицу 8.5).

Сравнительный анализ групп показал, что между двумя последними разница в средствах сохранения безопасности наблюдается только по субкатегории «избегание опасности». Сравнение двух основных групп выявило интересную тенденцию. При наличии опасной ситуации количество и разнообразие средств ее преодоления повышается. Различия между первой и второй группами получены

Таблица 8.5
Категория «средства достижения/сохранения безопасности»

Номер группы	Средства достижения/сохранения безопасности										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1-я группа	6	20	20	10	1	1	4	10	1	0	0
2-я группа	10	6	23	2	0	1	0	4	0	9	6
3-я группа	6	3	16	8	0	2	1	7	0	5	2
Сумма	22	29	59	20	1	4	5	21	1	14	8

Примечание: 1 – контроль над ситуацией, внимание; 2 – обращение за помощью; 3 – самоанализ, позитивное мышление, понимание; 4 – избегание, выжидание; 5 – отрицание избегания; 6 – знания, информированность; 7 – соблюдение правил, порядок; 8 – волевое усилие, изменение ситуации; 9 – течение времени, ход событий; 10 – физический комфорт, уединение; 11 – позитивное эмоциональное состояние.

по субкатегориям «обращение за помощью» ($\varphi = 3,2$; $p = 0,00$), «избегание» ($\varphi = 2,6$; $p = 0,003$) и «волевое усилие, изменение ситуации» ($\varphi = 1,78$; $p = 0,03$), причем показатели у первой группы оказываются выше, чем у второй. Эти данные позволяют полностью подтвердить первую гипотезу исследования.

2. *Анализ ассоциаций на слово «безопасность». Проверялась гипотеза 2: безопасность одинаково часто переживается как защищенность и как свобода*

Чаще всего «безопасность» понимается как внутренний комфорт (спокойствие, тепло), который был назван нами пассивным – 52% (см. таблицу 8.6); далее по степени убывания частоты ассоциаций идет защищенность, т. е. наличие границ (40%), внешний комфорт, т. е. дом, семья, друзья и т. д. (36%), и активно достигаемый внутренний комфорт (31%).

В 14% случаев безопасность интерпретируется как порядок, контроль, соблюдение норм и правил. Остальные категории безопасности, в том числе и свобода, самореализация, упоминаются менее чем в 7% случаев. Наиболее существенные различия между основными группами касаются самой нагруженной группы ассоциаций – пассивного внутреннего комфорта. При установке на восприятие ситуации как угрожающей субъект реже приписывает безопасности состояние комфорта, как пассивно ($\varphi = 1,7$; $p = 0,04$), так и активно ($\varphi = 1,6$; $p = 0,05$) достигаемого. Однако если учесть,

Таблица 8.6

Количество и характер ассоциаций на слово «безопасность» в разных группах

Номер группы	Группы ассоциаций										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1-я группа	29	27	6	11	32	17	6	3	1	2	2
2-я группа	29	29	5	9	42	26	3	2	1	1	1
3-я группа	22	16	2	9	31	19	4	0	0	2	1
Сумма	80	72	13	29	105	62	13	5	2	5	4

Примечание. 1 – защита от внешних угроз, защищенность; 2 – внешний комфорт (жилье, семья); 3 – свобода, самореализация; 4 – порядок, контроль, соблюдение норм, правил; 5 – пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); 6 – активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность); 7 – здоровье; 8 – деньги, обеспеченность; 9 – быть с Богом, единение с природой; 10 – активные действия, противодействие; 11 – власть, государство.

что полученные числовые значения попадают в зону неопределенности, то однозначно утверждать, что это действительно так, невозможно. Отсутствие существенных различий в ассоциациях между тремя группами показывает, что представление о безопасности устойчиво и практически не меняется в зависимости от контекста. Тем не менее гипотеза 2 о том, что безопасность одинаково часто переживается как защищенность и как свобода, не подтверждается.

3. *Выявление индивидуальных различий между людьми в восприятии опасности/безопасности*

Для проверки гипотезы 3 о том, что низкий уровень чувствительности к ситуации опасности связан с переживанием угрозы как случайного события, а также с ориентацией на внешние способы устранения этой опасности, был проведен кластерный анализ данных в каждой из трех исследуемых групп.

В таблице 8.7 представлены его результаты. Кластерный анализ позволяет выделить 4 группы испытуемых: 1) несензитивные к угрозе – кластеры 1₃, 2₂, 3₃; 2) высокосензитивные к угрозе – 1₂, 3₂; 3) умеренно сензитивные к угрозе – 2₁, 3₁ и 4) амбивалентные – 11, 23. Несензитивные к угрозе (n = 91) входят во все три обследуемые группы,

Таблица 8.7

Описательная статистика кластеров каждой обследуемой группы

Кластеры		Оценка картинки (среднее значение)	Оценка рассказа (среднее значение)	N
Группа 1 (инструкция «опасность»)				
1 ₁	Амбивалентные	1,7	8,2	32
1 ₂	Высокосензитивные к угрозе	6,4	6,3	16
1 ₃	Несензитивные к угрозе	1,5	2,9	22
Группа 2 (инструкция «безопасность»)				
2 ₁	Умеренно сензитивные к угрозе	4,3	3,6	21
2 ₂	Несензитивные к угрозе	2,4	1,3	34
2 ₃	Амбивалентные	7	1	15
Группа 3 (стандартная инструкция)				
3 ₁	Умеренно сензитивные к угрозе	4,1	4,1	12
3 ₂	Высокосензитивные к угрозе	6,7	8,6	14
3 ₃	Несензитивные к угрозе	2	2,1	35

высокосензитивные к угрозе – в первую и третью группы ($n = 30$), умеренно сензитивные – во вторую и третью ($n = 33$) и амбивалентные – в первую и вторую группы ($n = 47$). Безусловно, такое деление выборки в целом вызвано предлагаемыми нами инструкциями, однако не снижает внешнюю валидность исследования. Прежде всего это касается таких кластеров, как «амбивалентные» и «умеренно сензитивные к угрозе». Именно данные группы при определенных обстоятельствах могут демонстрировать снижение или повышение чувствительности к угрозе, но только в ограниченном, заданном их личностной структурой диапазоне.

Для проверки гипотезы, выдвинутой в этой части исследования, проанализируем представления испытуемых об угрозе и средствах ее устранения в выделенных путем кластеризации группах: «несензитивные к угрозе», «высокосензитивные к угрозе», «умеренно сензитивные к угрозе» и «амбивалентные».

«Несензитивные к угрозе» субъекты (кластеры 1_3 , 2_2 , 3_3) представляют собой часть выборки (45%), которая достаточно позитивно воспринимает неоднозначно интерпретируемый стимул (сюжетную картинку) вне зависимости от инструкции. Можно предположить, что это люди с низким уровнем тревожности, ориентированные на принятие другого человека с выраженным чувством доверия и эмпатии. Следует также иметь в виду, что среди этой группы людей могут встречаться субъекты, избегающие негативного опыта, игнорирующие его. С помощью критерия Уилкоксона было проведено сравнение первичной оценки (оценки картинке) и вторичной оценки (оценки рассказа по картинке) при разных инструкциях. Во всех трех случаях (кластерах) различия между первичной и вторичной оценками были выявлены. У несензитивных к угрозе испытуемых при предъявлении инструкции о наличии опасности (кластер 1_3) были найдены различия между восприятием картинке и восприятием своего рассказа, причем оценки по шкале «безопасность–опасность» повышались ($T = 7$; $p = 0,001$). В другой подгруппе испытуемых (кластер 2_2) при предъявлении инструкции о безопасности оценки по этой же шкале снижались ($T = 43,5$; $p = 0,00$). При стандартной инструкции (кластер 3_3) оценки также снижались ($T = 83$; $p = 0,02$). Данные указывают на то, что несензитивные к угрозе люди способны на нее реагировать, однако эта реакция не превышает среднего уровня оценок угрозы по шкале «безопасность–опасность», т. е. находится в диапазоне низких оценок.

Для прояснения особенностей этой части выборки был проведен анализ результатов с учетом отдельных категорий: «тип угрозы»,

Таблица 8.8
Категория «тип угрозы»

Группы	Тип угрозы (в долях)						
	1	2	3	4	5	6	7
Несензитивные	10,9	1,1	3,3	8,8	13,2	5,5	3,3
Сензитивные	38,1	0	7,9	14,3	28,6	1,6	6,4
Амбивалентные (кластер 1 ₁)	53,1	0	6,3	6,3	31,3	0	0
Амбивалентные (кластер 2 ₃)	26,7	0	6,7	0	20	0	6,7

Примечание. Цифрами обозначены типы угроз: 1 – физическая угроза, угроза жизни; 2 – угрозы, связанные с профессией; 3 – ограничения (свободы, творчества); 4 – социальное одиночество; 5 – угроза психическому благополучию (аутоагрессия, недовольство собой, страхи, угрызения совести, депрессия); 6 – случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства; 7 – новое, неизведанное.

«средства достижения/сохранения безопасности», «исход рассказа». По сравнению с остальными группами, профиль угроз оказывается несколько ниже. Выражены «угроза психическому благополучию» и «физическая угроза», а также «социальное одиночество» (см. таблицу 8.8). По сравнению с остальными группами несензитивные к угрозе испытываемые демонстрируют значимо более высокие показатели ($p < 0,01$) по типу угрозы «случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства», что частично подтверждает гипотезу 3.

При наличии установки на опасность (кластер 1₃) по сравнению с установкой на безопасность (кластер 2₂) значимо возрастают, прежде всего, угроза психическому благополучию, а затем физическая угроза ($p = 0,00$). Особенности этой группы испытываемых является разнообразие угроз и отсутствие фиксации на какой-либо из них.

Средствами достижения/сохранения безопасности называются самоанализ, позитивное мышление, понимание и (реже) контроль за ситуацией, внимание; волевое усилие, изменение ситуации (см. таблицу 8.9).

Первая из названных стратегий устойчива вне зависимости от изменения установок («опасность»–«безопасность»). При смене установок наблюдается повышение стремления к изменению ситуации волевым усилием и снижение ориентации на физический комфорт, уединение ($p \leq 0,01$) в случае переживания опасности. По категории «исход рассказа» из 91 рассказа испытываемых этой группы – несензитивных к угрозе – только в одном случае исход был явно негативным, остальные рассказы были либо с позитивными, либо с неопределенным исходом.

Таблица 8.9

Категория «средства избегания опасности/
достижения безопасности»

Группы	Средства избегания опасности/ достижения безопасности (в долях)										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Несензитивные	13,2	7,7	26,4	6,6	0	1,1	1,1	9,9	1,1	12,1	5,5
Сензитивные	3,2	12,7	28,6	9,5	1,6	0	1,6	12,7	0	3,2	3,2
Амбивалентные (кластер 1 ₁)	6,3	37,7	21,9	15,6	0	0	9,4	9,4	0	0	0
Амбивалентные (кластер 2 ₃)	20	6,7	53,3	0	6,7	0	0	6,7	0	6,7	6,7

Примечание. 1 – контроль за ситуацией, внимание; 2 – обращение за помощью; 3 – самоанализ, позитивное мышление, понимание; 4 – избегание, выжидание; 5 – отрицание избегания; 6 – знания, информированность; 7 – соблюдение правил, порядок; 8 – волевое усилие, изменение ситуации; 9 – течение времени, ход событий; 10 – физический комфорт, уединение; 11 – позитивное эмоциональное состояние.

Анализ ассоциаций (см. таблицу 8.10), предлагаемых испытуемыми этой группы на слово «безопасность», подтвердил наличие у них способности вариативно реагировать на угрозу, оставаясь при этом активными. По сравнению с сензитивными к угрозе испытуемыми они в большей степени склонны понимать безопасность как свободу, самореализацию ($\varphi = 1,8$; $p = 0,03$), а также объяснять ее через осуществление активных действий, противодействие ($\varphi = 7$; $p = 0,00$). Привычными для несензитивных к угрозе испытуемых ассоциациями являются такие группы ассоциаций, как «пассивный внутренний комфорт», «активный внутренний комфорт», «защищенность».

Высокосензитивные к угрозе субъекты (кластеры 1₂, 3₂) представляют собой часть выборки (15%), которая ощущает угрозу как при восприятии предлагаемой картинке, так и при оценке своего рассказа по картинке. С помощью критерия Уилкоксона было проведено сравнение первичной оценки (оценки картинке) и вторичной оценки (оценки рассказа по картинке) при разных инструкциях. В отличие от предыдущей группы несензитивных к угрозе испытуемых в этой группе различия между переменными не были выявлены. Как в случае инструкции о наличии опасности (кластер 1₂), так и в случае предъявления стандартной инструкции (кластер 3₂) первичная и вторичная оценки совпадали ($T = 27$, $p = 0,95$; $T = 26$, $p = 0,1$, соответственно). Такая же картина наблюдается в группе умеренно сензитивных к угрозе испытуемых.

Таблица 8.10

Количество и характер ассоциаций на слово «безопасность» в группах несензитивных ($n = 91$), сензитивных ($n = 63$) и амбивалентных (кластер 11, $n = 32$; кластер 23, $n = 15$)

Группы	Группы ассоциаций (в долях)										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Несензитивные	36,3	30,8	7,7	12,1	53,8	34,1	6,6	1,1	1,1	4,4	0
Сензитивные	44,4	31,7	1,6	19,1	55,6	28,6	4,8	1,6	0	0	0
Амбивалентные (кластер 1 ₁)	50	56,3	12,5	12,5	40,6	18,8	12,5	9,4	3,1	3,1	6,3
Амбивалентные (кластер 2 ₃)	26,7	21,9	6,7	13,3	60	21,9	0	0	0	0	0

Примечание. 1 – защита от внешних угроз, защищенность; 2 – внешний комфорт (жилье, семья); 3 – свобода, самореализация; 4 – порядок, контроль, соблюдение норм, правил; 5 – пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); 6 – активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность); 7 – здоровье; 8 – деньги, обеспеченность; 9 – быть с Богом, единение с природой; 10 – активные действия, противодействие; 11 – власть, государство.

Анализ данных с учетом отдельных категорий показал следующее. По типу угрозы доминируют, прежде всего, «физическая угроза» и значительно реже – «угроза психическому благополучию», «угроза социального одиночества». Средствами достижения/сохранения безопасности называются самоанализ, позитивное мышление, понимание; обращение за помощью; волевое усилие, изменение ситуации. По категории «исход рассказа» половина историй имеют неопределенный исход (50%), а остальные – позитивный и негативный (по 25%).

Умеренно сензитивные к угрозе (кластеры 2₁, 3₁) представляют собой группу, у которой, как и у высокосензитивных к угрозе субъектов, отсутствуют различия между первичной оценкой (оценкой картинки) и вторичной оценкой (оценкой рассказа по картинке) ($T = 35$, $p = 0,06$ для кластера 2₁; $T = 26,5$, $p = 0,9$ для кластера 3₁). По типу угрозы умеренно сензитивные индивиды, у которых наиболее часто фигурирует физическая угроза и угроза психическому благополучию, также идентичны высокосензитивным субъектам. Наблюдается слабо выраженная угроза социального одиночества. Обе группы не различаются и по средствам достижения/сохранения безопасности – по ориентации на такие стратегии, как самоанализ, позитивное мышление, понимание; обращение за помо-

щью; волевое усилие, изменение ситуации. У умеренно сензитивных к угрозе индивидов преобладают рассказы с неопределенным финалом. Такие же результаты получены у высокосензитивных к угрозе личностей.

Подводя промежуточные итоги, следует сделать вывод, что обе группы – высоко- и умеренно сензитивные к угрозе испытуемые – идентичны друг другу, поэтому представляют собой одну группу ($n = 63$, или 31% от общей выборки), которая может быть названа группой *сензитивных к угрозе субъектов* (см. таблицы 8–10).

По характеру ассоциаций на слово «безопасность» сензитивные к угрозе личности мало отличаются от несензитивных, однако типичным для них является более узкое толкование безопасности как состояния внутреннего комфорта и защищенности. Переживание безопасности как свободы практически не встречается.

Амбивалентные индивиды (кластеры 1₁, 2₃) представляют собой группу (23% общей выборки), у которой различия между первичной оценкой (оценкой картинке) и вторичной оценкой (оценкой рассказа по картинке) наиболее выражены по сравнению со всеми остальными группами ($T = 104,5$, $p = 0,00$ для кластера 1₁; $T = 2$, $p = 0,001$ для кластера 2₃).

Особенности выделенной группы состоят в том, что значения их оценок до и после предъявления инструкции значительно расходятся: либо в сторону повышения показателей по шкале «безопасность–опасность» (кластер 1₁), либо в сторону их снижения (кластер 2₃). Попадая в общую группу, названную «амбивалентные», испытуемые обеих подгрупп отличаются друг от друга по ряду признаков.

Одна подгруппа амбивалентных (кластер 1₁, $n = 32$) характеризуется тем, что первичное восприятие картинке не вызывает опасности (оценка не отличается от группы несензитивных к угрозе личностей). Однако, в отличие от несензитивных личностей, у амбивалентных после предъявления инструкции «представьте ситуацию опасности и составьте по ней рассказ», оценка по шкале «опасность–безопасность» значительно повышается. Прямое действие по инструкции, с нашей точки зрения, может означать, что такая личность внушаема, ориентирована на авторитет, зависима и в реально безопасной ситуации может почувствовать угрозу, если прислушается к мнению, оценке другого человека. Это своеобразная компенсация того, что в данной группе не акцентирована угроза социального одиночества (см. таблицу 8.8), которая выделяется в двух ранее описанных группах. Ослабление такой угрозы может означать

уверенность в возможности присоединиться к авторитетной фигуре, быть симбиотически связанным с ней. Эта же особенность типична для другой группы амбивалентных личностей. Данный комментарий следует рассматривать как предположение, которое подтверждается лишь частично и требует новых доказательств.

Страх утратить социальные связи, который, несмотря на незначительную по сравнению с другими угрозами частоту упоминания, наблюдается у несензитивных к угрозе и сензитивных личностей, следует рассматривать как стимул для поддержания и развития социальных контактов. Как отмечает Ж.-М. Кинодо, сепарационная тревога «является структурирующим переживанием для Эго, поскольку восприятие боли одиночества, во-первых, убеждает нас в том, что мы существуем в качестве отдельных и уникальных существ, уважающих других, и, во-вторых, в том, что эти другие отличаются от нас» (Кинодо, 2008, с. 15). По-видимому, снижение угроз, связанных с социальным одиночеством, вызвано ориентацией амбивалентной личности на послушание, конформизм и установление симбиотических отношений со значимым Другим, определяется уверенностью в постоянстве этих отношений, в их неизменности. Безусловно, могут быть случаи отрицания сепарационной тревоги либо ее вытеснения, однако в настоящей работе мы не ставили задачу их выявления.

Доказательством этого факта является выбор средств достижения/сохранения безопасности (см. таблицу 8.9). По сравнению с остальными группами (несензитивными $\varphi = 3,7$, $p = 0,00$; сензитивными $\varphi = 2,7$, $p = 0,00$; амбивалентными (кластер 2₃) $\varphi = 2,5$, $p = 0,00$) в группе амбивалентных (кластер 1₁) такое средство, как «обращение за помощью», является ведущим. Второе место по степени значимости отведено самоанализу и позитивному мышлению, третье – избеганию угрозы.

Отсутствие угроз, связанных со случайностью, с неподвижными обстоятельствами, а также с появлением чего-то нового, неизведанного (данные анализа рассказов) контрастирует с ассоциациями, которые дают испытуемые этой группы на слово «безопасность».

По характеру ассоциаций на слово «безопасность» (см. таблицу 8.10) амбивалентные (кластер 1₁) отличаются от несензитивных к угрозе испытуемых описанием безопасности с помощью таких групп категорий, как внешний комфорт (наличие близких, жилья, друзей) ($\varphi = 2,6$, $p = 0,01$) и деньги ($\varphi = 3,0$, $p = 0,00$), не учитывается важность такой категории, как активный внутренний ком-

форт (прояснение, доверие, знание, информированность) ($\varphi = 1,76$, $p = 0,03$). Оказалось, однако, что так же, как группа несензитивных к угрозе испытуемых, амбивалентные (кластер 1₁), кроме категорий «внешний комфорт (поддержка)» и «защищенность», описывают безопасность в терминах свободы и самореализации. По сравнению с сензитивными, амбивалентные (кластер 1₁) характеризуются пониманием безопасности как внешнего комфорта ($\varphi = 2,3$; $p = 0,01$) и свободы ($\varphi = 2,1$; $p = 0,01$). Если учитывать тот факт, что работа с картинкой (через механизм проекции) обнаруживает установки, скрытые от сознания субъекта, а ассоциации на слово «безопасность», наоборот, лежат в области осознаваемых оценок, то у амбивалентных (кластер 1₁) наблюдается явное противоречие между бессознательной зависимостью от другого человека (на уровне сознания обнаруживаемая как поиск внешнего комфорта) и сознательно декларируемой свободой как признаком безопасности. Выявленные тенденции подтверждают правильность выбора термина «амбивалентные» в качестве названия этой группы. Обнаружены оппозиции, которые показывают, что в этой группе могут конфликтовать неосознаваемое желание сохранения симбиотических отношений и сознательная установка на свободу и независимость. Выделенная особенность позволяет назвать эту группу амбивалентных личностей *зависимыми, несепарированными*.

Вторая группа амбивалентных (кластер 2₃, $n = 15$) малочисленна. Под влиянием инструкции первичная реакция на ситуацию (картинку) как на угрожающую заменяется на оценку рассказа, составленного по этой картинке, как безопасного. В данной группе угроза психическому благополучию (см. таблицу 8.8) менее выражена по сравнению с физической угрозой. При выборе средств используются рациональные приемы совладания с угрозой – самоанализ и позитивное мышление, а также контроль за ситуацией (см. таблицу 8.9).

Наиболее частыми ассоциациями на слово «безопасность» (см. таблицу 8.10) являются признаки, формирующие такие группы ассоциаций, как «пассивный внутренний комфорт» и «защищенность». Термин «амбивалентные» также подходит для обозначения этой группы, поскольку для нее типично проявление полярных установок: на активный анализ своего состояния и на пассивный внутренний и внешний комфорт, защищенность. В связи с наличием таких тенденций, которые указывают на фиксацию на стратегии самоанализа при отрицании угрозы психического благополучия (а значит, слабой интеграции Эго), эта группа амбивалентных была названа *диффузными*.

Гипотеза 3 о том, что низкий уровень чувствительности к ситуации опасности связан с переживанием угрозы как случайного события, а также с ориентацией на внешние способы устранения этой опасности, подтверждается частично.

Обсуждение результатов. Принято считать, что безопасность обеспечивается извне, определяется, как говорил А. Маслоу, условиями, в которых живет человек, «стабильностью, отлаженным функционированием хорошего общества» как в широком (социум), так и в более узком (семья) смысле этого слова. Безусловно, последовательность, предсказуемость, нехаотичность средовой культуры является основанием для появления ощущения внутреннего комфорта, стабильности каждого человека, включенного в эту среду. Однако для создания более полного представления о безопасности необходимо обращение не только к социальным, но и к личностным факторам, которые в работах цитируемых нами выше психологов рассматриваются через призму таких конструктов, как конгруэнтность (К. Роджерс), ответственность, спонтанность, доверие (К. Хорни), защита и участие (А. Маслоу).

Сопоставление двух контекстов, эмпирически заданных инструкциями «состояние опасности» и «состояние безопасности» на фоне стандартной (нейтральной по отношению к конструкту «опасность/безопасность») инструкции, позволило выделить наиболее выраженные по частоте угрозы, способы достижения/сохранения безопасности. Показано, что при разных инструкциях угроза в равной степени может быть как внешней, так и внутренней, при этом субъект чаще бывает пассивен, чем активен. По частоте упоминания называются, прежде всего, физическая угроза (угроза жизни, здоровью, опасность), далее угроза психическому благополучию (депрессия, недовольство собой, угрызения совести, уныние и др.) и угроза социального одиночества (проблемы общения, разлука, изоляция, непонимание со стороны других людей). Угроза жизни, страх нападения, ранения, самоуничтожения (самоубийства), т. е. физическая угроза в связи с часто выраженной угрозой психического благополучия в целом определяют базальные страхи человека не только за свое физическое здоровье, но и за целостность, ценность и открытость миру своего Я. Переживание диффузности и непоследовательности внутреннего опыта, страх разрушения (внедрения в психологическое пространство) или саморазрушения (сумасшествие, самоубийство) являются призмой, через которую преломляется социальная событийность, причем не всегда угрожающего характера. При увеличении степени угрозы статистически

значимо возрастают только эти два типа угроз – физическая угроза и угроза психического благополучия.

Типичными способами достижения безопасности называются самоанализ, позитивное мышление; обращение за помощью к другому человеку, в меньшей степени – контроль за ситуацией, волевое решение проблемы и стратегия избегания опасности. Самоанализ и позитивное мышление как самая распространенная стратегия достижения безопасности является средством, которое позволяет справиться с опасностью рациональным способом, изменить отношение к ней, принять адекватное решение. Связь физической угрозы с самоанализом, на первый взгляд, кажется артефактной. Однако самоанализ как универсальная, *общая личностная стратегия* очень вариативен. При физической угрозе он выполняет функции оценки своих сил, контроля уровня возбудимости, импульсивности. При угрозе психического благополучия самоанализ направлен на исследование и изменение Я, при угрозе социального одиночества – на анализ отношений. Вторую стратегию – обращение за помощью – также можно обозначить как *общую*. В случае опасности значимый Другой позволяет распределить ответственность, объединить усилия, контролировать эмоции, подтвердить универсальность опыта, переживаемого субъектом, а значит – указать на наличие выработанных человечеством способов решения проблемы. Эта мысль является центральным тезисом аналитической психологии К. Юнга, который утверждал, что «все люди глубоко связаны друг с другом... ни одно индивидуальное переживание не является абсолютно идиосинкратическим, отдельным от судьбы остальных» (Стайн, 2009, с. 132), т. е., согласно Джону Донну, «нет человека, что был бы сам по себе, как остров; каждый живущий – часть континента...» (там же).

Важно отметить, что вне зависимости от того, в каком состоянии находится человек («опасность», «безопасность», «нейтральное»), его представление о безопасности инвариантно. По выделенным группам ассоциаций с безопасностью чаще всего соотносят пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие), защищенность (отсутствие угроз, защита), внешний комфорт (дом, семья, друзья). В настоящем исследовании доказано, что при усилении угрозы вариативность используемых способов достижения безопасности увеличивается, т. е. состояние опасности является стимулом для актуализации внутренних ресурсов человека, его возможностей, направленных на нивелирование угрозы. В этом случае субъект прибегает как к общим (универсальным) стратегиям, так и к частным.

Кластерный анализ данных позволил выделить три группы людей, по-разному воспринимающих угрозу и по-своему реагирующих на нее. Предваряя интерпретации каждой группы в отдельности, следует отметить, что в целом личная безопасность человека проявляется в виде разных стратегий защиты Я, защиты своей идентичности. Несензитивные к угрозе личности (типичная угроза – угроза психическому благополучию) воспринимают безопасность не только как защищенность, но и как свободу, самореализацию, которые не конфликтуют друг с другом. Степень угрозы в этой группе ниже, чем во всех остальных, и, с нашей точки зрения, она сопряжена с *угрозой стагнации Я*. Кроме универсальных стратегий, применяются изменение ситуации усилием воли и контроль над ситуацией. Несензитивные к угрозе личности способны рассматривать некоторые опасности как случайность, неожиданность, что позволяет им дифференцировать разные типы угроз и повышать общий уровень личной безопасности.

Сензитивные к угрозе личности (типичная угроза – физическая) воспринимают безопасность как состояние внутреннего комфорта и защищенности, воспринимают среду как небезопасную, стремятся к установлению границ, поэтому личная безопасность сензитивного к угрозе человека сопряжена с *угрозой внедрения в сферу Я*. Они используют универсальные способы достижения безопасности, однако нередко избегают опасности.

Амбивалентные личности представлены двумя подгруппами: амбивалентные зависимые и амбивалентные диффузные. Зависимые (типичная угроза – физическая угроза) воспринимают безопасность амбивалентно: и как внешний комфорт, и как свободу, самореализацию. В отличие от несензитивных к угрозе личностей у зависимых эти две тенденции конфликтуют, что проявляется в неосознаваемом страхе потери внешней опоры, авторитетной фигуры при декларации стремления к свободе и независимости. Личная безопасность связана с *угрозой сепарации, с потерей ощущения защищенности Я*. Типичные способы достижения безопасности – обращение за помощью. Диффузные (типичная угроза – физическая угроза, угроза жизни, атипичная – социальное одиночество) в отличие от амбивалентных зависимых обнаруживают внутреннюю противоречивость не в конфликте «зависимость–свобода», а в конфликте «активный самоанализ–пассивный внутренний комфорт». Именно в этой группе самоанализ, позитивное мышление направлены не на внутреннюю работу, а на нивелирование угрозы, на ее отрицание (по существу, на избегание), что и приводит к быстрой переоценке ситуации

с опасной на безопасную. Пассивный внутренний комфорт как типичная ассоциация на слово «безопасность» характеризует группу как внутренне неструктурированную, диффузную, а отрицание социального одиночества как угрозы и игнорирование помощи другого – как проблему интеграции в социальный контекст, избегание контактов. По сравнению с сензитивными к угрозе личностями это не угроза внедрения, которая предполагает ясное представление о своих границах, интегрированную идентичность, а более сильная угроза, связанная с недоверием, с *угрозой потери Я*.

Итак, по результатам проведенного исследования удалось установить, что личная безопасность в значительной степени определяется личностными предпочтениями, особенностями субъективного восприятия мира. Типичными угрозами психологической безопасности человека являются физическая угроза, угроза психическому благополучию и угроза социального одиночества. Кроме того, выделены универсальные (самоанализ, обращение за помощью) и специфические (контроль, волевое усилие, избегание) стратегии достижения безопасности. Безопасность чаще всего ассоциируется с пассивным внутренним комфортом, защищенностью и внешним комфортом. Вклад таких ассоциаций, как свобода и самореализация, незначителен. Определены различия между несензитивными, сензитивными к угрозе личностями и амбивалентными личностями. Показано, что в целом личная безопасность человека проявляется в виде разных стратегий защиты Я, защиты своей идентичности.

8.2. Личностная идентичность и ее особенности при разном уровне чувствительности к угрозе

Поставленные в предыдущем параграфе вопросы отражают перспективу исследования психологической безопасности личности, которая, в частности, состоит в том, чтобы выявить индивидуально-психологические особенности в переживании опасности и на основе выявленных различий провести более глубокий анализ изучаемой проблемы. Выделенные нами личностные типы – *сензитивные* к угрозе личности, *несензитивные* и *амбивалентные*, как было показано в параграфе 8.1, по-видимому, характеризуются разным по травматичности жизненным опытом, разной по своей организации идентичностью и разными стратегиями взаимодействия с социальным окружением. Для проверки этого предположения было решено использовать такой психологический инструментарий, с помощью которого можно было бы оценить Эго-идентичность и способность

человека устанавливать границы психологического пространства. Для этих целей были выбраны два опросника: Опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП) С. К. Нартовой-Бочавер (см. раздел 4.1) включает 80 утверждений и 6 шкал: суверенность физического тела (СФТ), территории (СТ), личных вещей (СВ), привычек (СП), социальных связей (СС), вкусов и ценностей (СЦ) человека (Нартова-Бочавер, 2005) и Я-структурный тест Г. Аммона.

Я-структурный тест Аммона (Ich-Struktur-Test nach Ammon, ISTA). Опросник разработан Г. Аммоном и адаптирован Ю. А. Тупицыным, В. В. Бочаровым, Т. В. Алхазовой, Е. В. Бродской (НИИ им. В. М. Бехтерева) при участии А. А. Чуркина и Б. С. Положего (ГНЦСиСП им. В. П. Сербского). Опросник личности включает 220 пунктов, объединенных в 18 шкал, позволяющих получить представления о конструктивных, деструктивных и дефицитарных проявлениях.

Измеряемые параметры

Конструктивная агрессия понимается как активный, деятельный подход к жизни, любознательность и здоровое любопытство, возможность устанавливать продуктивные межличностные контакты и поддерживать их, несмотря на возможные противоречия, способность формировать свои собственные жизненные цели и задачи и реализовывать их даже в неблагоприятных жизненных обстоятельствах, иметь и отстаивать свои идеи, мнения, точки зрения, тем самым вступать в конструктивные дискуссии.

Деструктивная агрессия понимается как реактивное переформирование изначально конструктивной агрессии вследствие особых неблагоприятных условий в первичной группе, родительской семье, другими словами, деструктивность представляет собой определенную деформацию нормальной способности к деятельному, активному взаимодействию с окружающим миром, людьми и предметами.

Дефицитарная агрессия понимается как ранний запрет на реализацию имеющегося потенциала активности, поиска объекта и взаимодействия с ним. По сути, речь идет о более глубоком расстройстве центральной Я-функции. Это расстройство проявляется в виде недоразвития Я-функции агрессии, т. е. в неиспользованности изначально заданной конструктивной предрасположенности к активному, игровому манипулированию предметным миром.

Конструктивная тревога понимается как способность личности выдерживать переживания, связанные с тревогой; без потери интеграции, целостности, идентичности использовать тревогу

для решения адаптационных задач, т. е. действовать в реальном мире, ощущая его действительные опасности, случайности, непредсказуемость и возможность неблагоприятных стечений обстоятельств.

Деструктивный страх понимается как деформация конструктивной тревоги, проявляющаяся в утрате последней функции гибкой регуляции уровня активности, необходимой для интеграции психической жизни личности.

Дефицитарный страх – значительное недоразвитие Я-функции тревоги. В отличие от ранее описанного деструктивного страха, в основном связанного с утратой регуляторной составляющей тревоги, при дефицитарном состоянии Я-функции страха страдает не только регуляторный, но и экзистенциально наиболее важный сигнальный компонент тревоги.

Конструктивное внешнее Я-отграничение представляет собой удачную попытку выстраивания гибкой коммуницирующей границы с окружающими. Формируясь в процессе разрешения симбиотических отношений, эта граница позволяет осуществить обособление развивающейся идентичности при сохранении способности и возможности к жизненно важному обмену и продуктивному межличностному взаимодействию.

Деструктивное внешнее Я-отграничение – расстройство «внешней» регуляции отношений личности с действительностью, т. е. взаимодействия с окружающей группой и событиями внешнего мира.

Дефицитарное внешнее Я-отграничение в самом общем смысле понимается как недостаточность внешней границы Я. Как и при ранее описанном деструктивном внешнем отграничении, функциональная недостаточность внешней границы Я отражает нарушение процесса регуляции отношений личности с внешней реальностью.

Конструктивное внутреннее Я-отграничение представляет собой коммуницирующий барьер, отделяющий и связывающий сознающее Я и внутреннюю среду индивида с ее неосознаваемыми чувствами, инстинктивными побуждениями, образами интериоризированных объектов, отношений и эмоциональных состояний.

Деструктивное внутреннее Я-отграничение понимается как наличие ригидно фиксированного «барьера», отделяющего Я, или центр осознаваемых переживаний, от остальных интрапсихических структур.

Дефицитарное внутреннее Я-отграничение понимается как недостаточная сформированность внутренней границы Я. Эта граница возникает в процессе структурной дифференциации психического и создает возможность формирования подлинно автономного Я.

Конструктивный нарциссизм понимается как позитивное представление индивида о самом себе, базирующееся на ощущении собственной значимости и опирающееся на положительный опыт интерперсональных контактов.

Деструктивный нарциссизм понимается как искажение или нарушение возможности личности реалистично ощущать, воспринимать и оценивать себя. Формируясь в процессе деформированных симбиотических отношений, деструктивный нарциссизм вбирает в себя предэдипальный опыт негативных интерперсональных интеракций и фактически представляет собой реактивное защитное переживание недостаточности нежно-заботливого отношения к растущему Я ребенка.

Дефицитарный нарциссизм понимается как недостаточность способности формировать целостное отношение к себе, развивать дифференцированное представление о собственной личности, своих способностях и возможностях, равно как и реалистично оценивать себя.

Конструктивная сексуальность понимается как сугубо человеческая возможность получать взаимное удовольствие от физического, телесного, сексуального взаимодействия, которое переживается как свободное от страхов и чувства вины зрелое единение личностей.

Деструктивная сексуальность представляет собой деформацию развития функции сексуальности, проявляющуюся в нарушении процесса интеграции сексуальной активности в целостном поведении личности.

Дефицитарная сексуальность понимается как задержанная в своем развитии Я-функция сексуальности. Она означает генерализованный запрет в проявлении сексуальной активности (Очерки динамической психиатрии, 2003).

Участники исследования: 144 респондента: женщины, $n = 101$ чел. ($Me = 24 \pm 6,2$) и мужчины, $n = 43$ чел. ($Me = 22 \pm 5,7$) с незаконченным высшим образованием. Половые различия были выявлены по суверенности физического тела (СФТ), суверенности личных вещей (СП) опросника СПП и по шкале «конструктивный нарциссизм» Я-структурного теста Аммона. Незначительное количество различий позволило анализировать выборку без учета фактора пола.

Корреляционный анализ показал наличие статистически значимой прямой связи между общим баллом суверенности (опросник СПП) и *конструктивными* внешним ($r_s = 0,25$), внутренним Я-отграничением ($r_s = 0,22$) и нарциссизмом ($r_s = 0,19$), а также об-

ратные связи со всеми показателями опросника Аммона (ISTA), оцениваемыми как *деструктивные* или *дефицитарные*.

Для проверки основной гипотезы выборка была разделена на подгруппы по принципу, описанному в параграфе 8.1. В результате респонденты с высокими показателями по шкале «безопасность – опасность», названные нами *сензитивными к угрозе*, составили 34% всей выборки ($n = 48$), респонденты с низкими показателями – *несензитивными* – 44% ($n = 63$), респонденты, у которых оценки менялись от низких к высоким – *амбивалентными (зависимыми)* – 7% ($n = 10$) и респонденты, у которых оценки менялись от высоких к низким – *амбивалентными (диффузными)* – 15% ($n = 23$).

Согласно проведенному ранее анализу (§ 8.1), *несензитивные* к угрозе респонденты характеризуются устойчивостью по отношению к различным угрозам (таблица 8.8). Психологическая безопасность ассоциируется ими с внутренним комфортом, защищенностью, а также с активными действиями и самореализацией (глава II, факторы психологической безопасности – «*внутренний комфорт*» и «*опытность, информированность*»). В качестве средств достижения безопасности прибегают к самоанализу, контролю ситуации и волевым усилиям.

Для *сензитивных* к угрозе личностей характерна высокая чувствительность к различным угрозам, прежде всего, к физической угрозе (угроза жизни) и угрозе психологическому благополучию. Психологическая безопасность ассоциируется ими с пассивным внутренним (спокойствие, равновесие), внешним комфортом (семья, дом) и защищенностью (факторы «*внутренний комфорт*» и «*позитивное окружение*» общей модели психологической безопасности). Средствами достижения психологической безопасности для них являются самоанализ и социальная поддержка.

Характеризуя группу респондентов, которые относятся к угрозе *амбивалентно*, отметим, что для них так же, как и для *сензитивных* личностей, высока опасность физической угрозы и угрозы нарушения психологического благополучия. Однако они отличаются отрицанием угрозы социального одиночества. Кроме того, *амбивалентные* личности соотносят психологическую безопасность либо только с пассивным внешним комфортом, защищенностью (*амбивалентные/зависимые*), либо только с пассивным внутренним комфортом (*амбивалентные/диффузные*). Учитывая особенности выбираемых ими средств для достижения психологической безопасности, можно утверждать, что у первых психологическая безопасность соотносится с социальной поддержкой (фактор «*позитивное окружение*»),

а у вторых – со стремлением контролировать внешние воздействия с целью избегания опасности (фактор «внутренний комфорт»). Выше также отмечалось, что амбивалентность, т. е. неоднозначное отношение к определенному стимулу как к первично безопасному, а потом оцениваемому как опасный (амбивалентные/зависимые), или как к первично опасному, а потом оцениваемому как безопасный (амбивалентные/диффузные), связана с особенностями идентичности амбивалентных личностей, и это предположение нуждается в специальной проверке.

Сравнение четырех групп с помощью критерия Краскела–Уоллиса по показателям используемых методик выявило различия по общей суверенности ($N = 13,7$, $p = 0,003$), суверенности физического тела ($N = 8,4$, $p = 0,04$), территории ($N = 10,1$, $p = 0,02$), личных вещей ($N = 9,5$, $p = 0,02$), вкусов и ценностей ($N = 11,2$, $p = 0,011$), а также по деструктивной агрессии ($N = 13,98$, $p = 0,003$), дефицитарному внешнему Я-отграничению ($N = 9,9$, $p = 0,02$) и конструктивному внутреннему Я-отграничению ($N = 12,7$, $p = 0,006$). В целом можно сказать, что наличие гибких границ психологического пространства, а также внутренней дифференцированности и непротиворечивости связано с умением человека сохранять ощущение безопасности в различных жизненных ситуациях.

В целях определения специфики рассматриваемых нами групп было проведено попарное сравнение сензитивных (группа 1), несензитивных к угрозе (группа 2), амбивалентных/зависимых (группа 3) и амбивалентных/диффузных (группа 4).

При сравнении по показателям опросников СПП и ISTA двух групп – сензитивных и несензитивных к угрозе респондентов – были получены следующие различия (таблица 8.11).

Различия между двумя группами выявлены по всем показателям суверенности психологического пространства, а также по ряду переменных Я-структурного теста Аммона. Существенные различия приходится на ранний опыт субъекта, который, по данным С. К. Нартовой-Бочавер, фиксирован в показателях суверенности физического тела, территории и личных вещей.

Полученные данные соотносимы с различиями по показателям внешнего и внутреннего Я-отграничения, а также по показателям конструктивной, деструктивной и дефицитарной агрессии и тревоги.

Далее предполагалось, что будут выявлены различия между сензитивными к угрозе личностями и амбивалентными, однако такие различия выявлены не были ни по одному из показателей двух ме-

Таблица 8.11

Различия между группами сензитивных (группа 1) и несензитивных (группа 2) к угрозе личностей, по данным опросников СПП и ISTA (U-критерий Манна–Уитни)

Шкалы опросников	Группа 1 медианы	Группа 2 медианы	U	p-level
Опросник СПП				
Общий показатель суверенности	20,0	40,0	857,5**	0,001
Суверенность физического тела	4,0	6,0	962,0**	0,01
Суверенность территории	2,0	6,0	940,5**	0,004
Суверенность личных вещей	3,0	7,0	975,5**	0,01
Суверенность привычек	3,0	5,0	1076,5*	0,04
Суверенность социальных связей	3,0	5,0	1047,0*	0,03
Суверенность вкусов и ценностей	5,0	9,0	930,5**	0,003
Опросник ISTA				
Агрессия конструктивная	8,0	9,0	1073,5*	0,02
Агрессия деструктивная	8,0	6,0	912,5**	0,001
Тревога деструктивная	3,0	2,0	1109,0*	0,03
Тревога дефицитарная	5,0	4,5	1101,0*	0,03
Внешнее Я-отграничение конструктивное	7,0	7,0	1047,0**	0,01
Внешнее Я-отграничение дефицитарное	5,0	4,0	1043,0**	0,01
Внутреннее Я-отграничение конструктивное	8,0	10,0	985,5**	0,004
Нарциссизм конструктивный	8,0	9,0	1124,0*	0,04

Примечание. В таблице приведены только значимые различия; * – значимость различий на уровне $p < 0,05$, ** – значимость различий на уровне $p < 0,01$.

тодик. В связи с этим было принято решение сравнить несензитивных к угрозе респондентов и респондентов остальных трех групп вместе (группа 1+3+4).

Полученные различия показывают, что по всем показателям суверенности психологического пространства несензитивные к угрозе личности отличаются более высокой общей суверенностью и суверенностью физического тела, территории, личных вещей, привычек, вкусов и ценностей. Остальные респонденты по всем шкалам

Таблица 8.12

Различия между группами сензитивных и амбивалентных (группа 1 + 3 + 4) и несензитивных (группа 2) к угрозе личностей по данным опросников СПП и ISTA (U-критерий Манна–Уитни)

Шкалы опросников	Группа 1+3+4 медианы	Группа 2 медианы	U	p-level
Опросник СПП				
Общий показатель суверенности	20,0	40,0	1489,0**	0,00
Суверенность физического тела	4,0	6,0	1707,5**	0,01
Суверенность территории	2,0	6,0	1622,0**	0,003
Суверенность личных вещей	3,0	7,0	1634,0**	0,003
Суверенность привычек	3,0	5,0	1861,5*	0,048
Суверенность социальных связей	3,0	5,0	1820,0*	0,03
Суверенность вкусов и ценностей	5,0	9,0	1602,0**	0,002
Опросник ISTA				
Агрессия конструктивная	8,0	9,0	17788,5**	0,01
Агрессия деструктивная	8,0	6,0	1706,5**	0,003
Агрессия дефицитарная	5,0	3,0	1859,0*	0,02
Тревога конструктивная	8,0	8,0	2041,0	0,11
Тревога деструктивная	3,0	2,0	1851,0*	0,02
Тревога дефицитарная	5,0	4,5	1872,0*	0,02
Внешнее Я-отграничение конструктивное	7,0	7,0	1925,0*	0,04
Внешнее Я-отграничение деструктивное	4,0	4,0	1979,0	0,065
Внешнее Я-отграничение дефицитарное	5,0	4,0	1789,0**	0,008
Внутреннее Я-отграничение конструктивное	8,0	10,0	1598,5**	0,001
Внутреннее Я-отграничение деструктивное	4,0	3,5	2109,5	0,19
Внутреннее Я-отграничение дефицитарное	7,0	7,0	1979,0	0,062
Нарциссизм конструктивный	8,0	9,0	1947,0*	0,048
Нарциссизм деструктивный	4,5	4,0	1891,0*	0,03
Нарциссизм дефицитарный	2,0	2,0	2152,5	0,27
Сексуальность конструктивная	8,5	9,0	2278,0	0,56
Сексуальность деструктивная	5,0	4,2	1816,5**	0,01
Сексуальность дефицитарная	3,0	2,0	2013,5	0,09

Примечание: * – значимость различий на уровне $p < 0,05$, ** – значимость различий на уровне $p < 0,01$.

опросника показали более выраженную депривированность психологического пространства (таблица 8.12).

Интересные данные получены по опроснику ISTA. Оказалось, что более устойчивые к угрозам респонденты и более конструктивны в проявлении агрессивных импульсов, менее деструктивны в проявлении тревоги, нарциссизма, агрессии и сексуальных намерений. Ожидаемые нами различия по показателям внешних и внутренних Я-отграничений также подтвердились. Способность сохранять ощущение безопасности связано с умением регулировать отношения с окружающими (конструктивное внешнее Я-отграничение), а также гибко регулировать внутренние процессы, поддерживая связь бессознательных импульсов и сознательных установок (конструктивное внутреннее Я-отграничение), сохранять позитивное представление индивида о самом себе, базирующееся на ощущении собственной значимости и опирающееся на положительный опыт интерперсональных контактов (конструктивный нарциссизм).

Несмотря на выявленные и вполне объяснимые различия между группами респондентов, нам представлялось важным объяснить феномен амбивалентной оценки того или иного стимула (ситуации) как в сторону повышения этой оценки по шкале безопасности – опасности, так и в сторону ее снижения. Объясняя различия, которые были выявлены между двумя группами респондентов (группы 3 и 4), амбивалентно оценивающих ситуацию, мы выдвинули свои предположения (раздел 8.1) относительно специфики этих групп. Отсутствие различий между ними и группой сензитивных к угрозе личностей по измеряемым показателям не позволило понять эту специфику. Еще одной попыткой стало сравнение показателей каждой из этих двух групп с несензитивными к угрозе субъектами (группа 2).

Данные сравнения показывают (таблица 8.13), что у респондентов группы 3 (амбивалентные/зависимые) наблюдается деформация конструктивной агрессии и нарушение процесса коммуникации с другими людьми и объектами. Кроме того, выражен дефицит тревоги, которая при этом утрачивает свою сигнальную функцию и человек теряет способность различать опасность. Эти данные совпадают с нашими предыдущими результатами (§ 8.1), согласно которым респонденты этой группы оценивают предлагаемый им в исследовании стимул (тестовую картинку) как неопасный, однако затем под влиянием внешней оценки существенно меняют свое восприятие ситуации. Также группу характеризует дефицитарное внешнее Я-отграничение как недостаточность внешних границ. Од-

Таблица 8.13

Значимые различия между группами несензитивных к угрозе личностей (группа 2) и амбивалентных (группа 3), по данным опросника ISTA (U- критерий Манна-Уитни)

Шкалы опросников	Группа 2 медианы	Группа 3 медианы	U	p-level
<i>Опросник ISTA</i>				
Агрессия деструктивная	6,0	9,0	143,5*	0,02
Тревога дефицитарная	5,0	7,0	166,0*	0,05
Внешнее Я-отграничение дефицитарное	4,0	7,0	160,0*	0,04
Внутреннее Я-отграничение деструктивное	3,5	5,0	170,0*	0,059

нако, спецификой рассматриваемой группы является *деструктивное внутреннее Я-отграничение*, которое сопряжено с установлением относительно автономного функционирования Эго и значительным ослаблением связей с другими психическими структурами вследствие наличия ригидного внутреннего барьера. Контроль за желаниями, побуждениями, чувствами может стать причиной нечувствительности к внешним и внутренним угрозам, поскольку у человека теряется естественная связь с импульсами, идущими от внешнего и внутреннего мира.

Сравнение несензитивных к угрозам респондентов и респондентов группы 4 (амбивалентные/диффузные) представлено в таблице 8.14.

Различия, выявленные в анализируемой группе, при сравнении с группой несензитивных респондентов оказались идентичными некоторым различиям, полученным при сравнении несензитивных и сензитивных к угрозе личностей. Это снижение значений по показателям общей суверенности, суверенности территории и ценностей, а также по конструктивной агрессии и внутреннему Я-отграничению. Специфичными для выборки являются самые низкие значения из всех групп по показателю *конструктивное внутреннее Я-отграничение*. Интересно отметить, что в этой группе не наблюдается различий по деструктивному и дефицитарному внутреннему Я-отграничению, как было выявлено в группе 3, что может стать предметом специального обсуждения. Дополнительным результатом исследования является отличие респондентов группы 4 от сензитивных к угрозе личностей и амбивалентных/зависимых

Таблица 8.14

Значимые различия между группами несензитивных к угрозе личностей (группа 2) и амбивалентных (группа 4), по данным опросников СПП и ISTA (U-критерий Манна–Уитни)

Шкалы опросников	Группа 2 медианы	Группа 4 медианы	U	p-level
<i>Опросник СПП</i>				
Общий показатель суверенности	40,0	25,0	446,5*	0,02
Суверенность территории	6,0	2,0	469,0*	0,04
Суверенность вкусов и ценностей	9,0	5,0	467,0*	0,04
<i>Опросник ISTA</i>				
Агрессия конструктивная	9,0	8,0	502,5*	0,06
Внутреннее Я-отграничение конструктивное	10,0	7,5	414,5**	0,007

(правда, только в тенденции) по показателю *деструктивной агрессии*, которая ниже в данной группе респондентов.

Итак, анализ индивидуально-психологических различий позволил, с одной стороны, получить новый материал о структуре психологической безопасности и ее особенностях, а с другой – верифицировать выявленные ранее зависимости.

Ощущение опасности, которое возникает у человека постоянно, сопоставимо с ощущением страха и тревоги. Действительно, при анализе данных группы респондентов, *сензитивных к угрозе* (группа 1), был обнаружен высокий уровень деструктивной и дефицитарной тревоги, которая в любом из этих вариантов не выполняет своей сигнальной функции (таблица 8.11). Негативные изменения тревоги, с нашей точки зрения, являются одним из подтверждений нарушения у человека адекватного чувства опасности и переживания по поводу тех или иных угроз. Снижение конструктивной агрессии, т. е. продуктивной активности, и повышение деструктивной агрессии – указывают на наличие у человека переживаний по поводу постоянного ощущения опасности.

В исследовании обнаружено, что ощущение опасности сопровождается нарушением границ психологического пространства, а также внутренних границ, которые являются важной характеристикой личностной организации человека. Представляется, что нарушение границ – вероятная причина возникновения у человека переживаний тревоги и опасности. Этот вывод можно сделать на основе дан-

ных, полученных с помощью опросника «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер. Автор опросника утверждает, что становление суверенности – суверенности физического тела, территории, личных вещей, привычек, социальных связей и вкусов, ценностей – происходит поэтапно, начиная с первых лет жизни ребенка. Различия, полученные по всем шкалам опросника СПП между сензитивными и несензитивными к угрозе респондентами, показывают, что переживание депривированности психологического пространства было типично для сензитивных к угрозе респондентов с самого раннего детства. По-видимому, накладываемые родителями ограничения, переживались ребенком не только как защищенность («Ешь кашу, не будешь болеть»), но и как посягательства на его автономию («Мало ли, что ты хочешь, будешь есть то, что приготовили»). Скорее всего, родители сензитивной к угрозе личности прибегали к ограничениям свободы ребенка и для его защиты, и, наверное, в большей степени для компенсации своего чувства неполноценности и беспомощности.

Верно, с нашей точки зрения, и то, что сензитивные к угрозе личности пережили в разные годы жизни воздействие стрессоров высокой интенсивности, психологическим последствием которых стал посттравматический стресс. Неслучайно респонденты этой группы в качестве угрожающей ситуации чаще всего называют угрозу жизни (раздел 8.1). Наше исследование, результаты которого представлены в главе IV, показало, что при высоком уровне ПТС суверенность психологического пространства снижается, а уровень тревожности и агрессивности (таблица 8.11), наоборот, повышается, что, как известно, характерно для человека, имеющего психическую травму.

Специфическим для данной группы респондентов признаком является снижение показателей по шкале *конструктивного нарциссизма*. Это значит, что вследствие недостаточного положительного опыта интерперсональных контактов респондентам данной группы свойственно оценивать себя негативно. Стремление обрести уверенность в себе, а также получить возможность чувствовать себя в безопасности, по мнению сензитивных к угрозе личностей, реализуется посредством самоанализа и обращения за социальной поддержкой (раздел 8.1). С одной стороны, иметь негативный опыт интерперсональных отношений и одновременно ожидать и желать поддержки от окружающих – не вполне совместимые явления. Но, с другой стороны, этот выбор достаточно легко объяснить, учитывая тот факт, что человек, не получивший в детстве должного внимания и понимания, будет стремиться получить его в более поздние годы.

Наиболее ярко эта закономерность проявилась в другой группе респондентов (группа 3), которые неоднозначно оценивали предъявляемый им стимульный материал. Стремление к достижению психологической безопасности посредством социальной поддержки – типичный для этой группы выбор. Между сензитивными к угрозе респондентами и *амбивалентными/зависимыми* было выявлено сходство, которое проявилось в *триаде признаков*: деструктивная агрессия – дефицитарная тревожность – дефицитарное внешнее Я-отграничение (таблица 8.13). По этим признакам обе группы отличаются от несензитивных к угрозе респондентов. В целом можно сказать, что для обеих групп характерно нарушение границ во взаимодействии с социумом, которое проявляется в склонности попадать в зависимое положение и в неумении различать опасные и безопасные ситуации. Компенсацией дефицита конструктивной тревоги часто выступает деструктивная агрессия. Различия между группами заключаются в том, что у сензитивных к угрозам респондентов выявлен низкий уровень конструктивного нарциссизма и всех показателей суверенности психологического пространства (СПП) личности, тогда как у амбивалентных (зависимых) выражено деструктивное внутреннее Я-отграничение и не выявлены различия с несензитивными к угрозе личностями по параметрам СПП. Это рассогласование в полной мере соответствует амбивалентной оценке респондентами группы 3 различных социальных стимулов. Деструктивное внутреннее Я-отграничение, как мы указывали выше, – это наличие внутренних барьеров между Я и сенсорным опытом. К. Роджерс считал, что такое рассогласование вызывает эмоциональное напряжение, которое выступает маркером внутреннего конфликта. И наоборот, отсутствие напряжения означает, что «все сенсорные и внутренние переживания могут осознаваться посредством четкой символизации и организовываться в единую систему, внутренне совместимую со структурой самости или соотносимую с ней. При таком типе интеграции полностью раскрывается тенденция роста, и индивид продвигается к нормализации всей жизнедеятельности на уровне организма» (Роджерс, 1997, с. 63). Трудности с распознаванием различных сигналов и импульсов (*недооценка опасности*) представляют для такого человека вполне реальную угрозу, которую он не способен предвидеть и может осознать только при непосредственном столкновении с ней. То же самое следует сказать о регуляции границ психологического пространства: знание о том, как правильно строить отношения с другими людьми, придерживаясь принципа суверенности (диагностика с помощью

опросника СПП), не соответствуют в данной группе респондентов реальному взаимодействию с людьми, при котором границы психологического пространства становятся слишком слабыми (дефицитарное внешнее Я-отграничение по опроснику ISTA).

Можно предположить, что родители таких детей навязывали им в детстве свое мнение, проецировали на них свои тревоги и страхи, не контейнировали их собственные переживания. Очевидные трудности этого ребенка, а потом уже взрослого состоят в проживании чужой жизни и в отчуждении от своего собственного опыта. Сравнимая две группы респондентов – сензитивных к угрозе и амбивалентных/зависимых между собой, – трудно сказать, кто из них более уязвим. По-видимому, первые, несмотря на трудности взаимодействия с социумом, имеют более или менее интегрированную идентичность, правда, оценивая себя при этом скорее негативно, чем позитивно. У вторых наблюдается несоответствие их представлений о регуляции границ собственного психологического пространства и нарушения интеграции идентичности. Представляется, что амбивалентно оценивающие ситуацию индивиды рискуют больше.

Для следующей группы респондентов (группа 4), также амбивалентно оценивающих ситуацию – *амбивалентных/диффузных* – совершенно не свойственна триада выделенных выше признаков: деструктивная агрессия – дефицитарная тревожность – дефицитарное внешнее Я-отграничение (таблица 8.14). Для них оказалось типичным снижение конструктивных агрессивных импульсов и конструктивного внутреннего Я-отграничения. У них отсутствуют ригидные внутренние барьеры, как у амбивалентных/зависимых, но при этом и конструктивной внутренней энергии недостаточно. Складывается впечатление, что им не хватает импульса, либо он по каким-то причинам утрачивается. Самые низкие показатели по *конструктивному внутреннему Я-отграничению и деструктивной агрессии* в этой группе в какой-то степени подтверждают высказанное предположение. Анализируя все данные, собранные нами по этой группе, отметим, что для амбивалентных/диффузных респондентов психологическая безопасность ассоциируется с пассивным внутренним комфортом; средствами ее достижения является самоанализ и контроль. В отличие от амбивалентных/зависимых респонденты рассматриваемой нами группы скорее отчуждены от других людей. Как и сензитивные к угрозе личности они первично оценивают ситуацию как угрожающую, а затем, наоборот, представляют ее безопасной. Следует предположить, что в детстве такие дети были лишены постоянной родительской опеки и внимания, они были предоставле-

ны сами себе, и так называемое отсутствие импульса, недостаточность конструктивности – следствие слабой стимуляции со стороны взрослых. Поэтому, если амбивалентные/зависимые проживают не свою жизнь, то амбивалентные/диффузные свою, но неструктурированную, не сформированную, не акцентированную. Нарушение общей суверенности и суверенности территории, суверенности вкусов и ценностей подтверждает все сказанное выше и показывает, что несформированность чувства места, своей территории, где можно уединиться, укрыться, делает человека незащищенным и вынуждает усиливать контроль за личным пространством. «Личная территория – гораздо более важный предмет собственности для человека, чем это может показаться на первый взгляд... это одна из особенностей поведения, которая роднит человека с другими живыми существами, а все относящееся к инстинктивной, бессознательной природе человеческих проявлений обладает очень высокой побудительной силой» (Нартова-Бочавер, 2011, с. 85).

Сформированное чувство суверенности психологического пространства и интегрированная идентичность как характеристики *несензитивных к угрозе* личностей стали в настоящем исследовании системными критериями оценки психологической безопасности личности. Прежде чем переходить к дальнейшему обсуждению результатов, следует напомнить, что термин «несензитивные к угрозе» используется нами для обозначения группы людей, способных справляться с трудными жизненными ситуациями и выдерживать влияние интенсивных стимулов, хотя, возможно, небольшая часть этой выборки склонна просто избегать угрожающих ситуаций.

Одна из особенностей этой группы состоит в развитой суверенности психологического пространства. Этот вывод касается всех аспектов СПП – суверенности тела, территории, вещей, привычек, социальных связей, ценностей. Следует предположить, что с детства родители строили отношения с ребенком так, чтобы распознать его индивидуально-психологические особенности и совершенствовать их. Типичный представитель этой группы характеризуется способностью строить гибкие отношения с окружающими людьми, расширять или сужать границы психологического пространства в зависимости от жизненных задач разной степени трудности. Респондентов этой группы характеризует высокий уровень активности и инициативы, а также гибкие внутренние границы, интеграция идентичности; для них характерна способность регулировать внутренние импульсы, перенаправлять их, если это требуют обстоятельства жизни, правильно использовать свои возможности и развивать их. Уникальность пред-

ставителей этой группы состоит в том, что психологическая безопасность является для них не только показателем внутреннего комфорта и защищенности, но и самореализации и свободы, ассоциируется с активными действиями, направленными на достижение безопасности. Неслучайность этого вывода подтверждается тем, что в этой группе по шкале «суверенность ценностей» получены самые высокие значения, что может расцениваться в качестве свободы жизненных выборов, свободы принятия решения, самостоятельной его реализации и является отличительной чертой этой группы. Также самыми высокими показателями в этой группе оказались значения по шкале «конструктивное внутреннее Я-отграничение», что указывает на внутреннюю связанность и согласованность осознаваемых аспектов Я и неосознаваемых чувств, инстинктивных побуждений, интериоризированных объектов, отношений и эмоциональных состояний.

Подводя итоги этой главы, отметим наиболее важные, с нашей точки зрения, результаты исследования психологической безопасности личности, полученные с учетом ее индивидуально-психологических особенностей.

Прежде всего, в целом верифицирована общая модель психологической безопасности личности и показано, что она представлена такими конструктами как Позитивное окружение, Опытность, информированность и Внутренний комфорт.

Важнейшим результатом исследования стало подтверждение связи между психологической безопасностью личности, суверенностью ее психологического пространства, и психической травматизацией. Благодаря выделенным личностным типам – сензитивным, амбивалентным и несензитивным к угрозе, и сравнению их между собой установлено, что человек чувствует себя в безопасности, если он способен регулировать отношения со средой и собственные желания, эмоции, побуждения.

Нарушение регуляции, чаще всего, происходит системно, и по разным причинам. Одной из таких причин является психическая травматизация ребенка, вызванная различными обстоятельствами жизни, в том числе и вследствие неспособности родителей помочь ребенку справиться с последствиями влияния интенсивных стрессоров. Родительские воспитательные стратегии играют существенную роль в развитии у ребенка чувства безопасности или опасности. Депривация базовых потребностей ребенка, проекция на него своих чувств и желаний или равнодушное отношение к нему могут стать причиной нарушения регуляции ребенком своих чувств и потребностей и регуляции отношений с окружающим миром.

Получены интересные данные о неоднозначной (амбивалентной) оценке человеком той или иной ситуации и как опасной, и как безопасной. Выделены две группы респондентов, амбивалентно оценивающих ситуацию. Разница между ними состоит в том, что оценка одних колеблется вследствие конформности и зависимости от мнения окружающих, а оценка других меняется из-за повышения или ослабления контроля за жизненными ситуациями и, наоборот, отсутствия объективных критериев оценки ситуации как опасной или безопасной. Последние, как было показано выше, скорее дистанцируются от окружающих, чем зависят от них.

В исследовании удалось установить, что психологическая безопасность может переживаться по-разному: как защищенность и внутренний комфорт, как причастность к социуму и получение от него поддержки, как автономность и способность действовать самостоятельно. Эти три проявления психологической безопасности связаны с тремя ее компонентами – Внутренним комфортом, Позитивным окружением и Опытностью, информированностью. Они не исключают друг друга, но лишь показывают, что в зависимости от целого ряда причин какой-либо из компонентов может занимать место ведущего фактора и определять индивидуальные особенности переживания человеком психологической безопасности.

Не только желательность, но и необходимость наличия в опыте человека всех трех компонентов психологической безопасности свидетельствует о ее полноте и устойчивости, о жизнеспособности человека и его разнообразных возможностях осуществления поступательного развития на всех этапах жизненного пути. Только в этом многообразии проявления психологического благополучия человека видится его неисчерпаемый потенциал самопреодоления и самосовершенствования и безопасного для себя и окружающих людей развития.

«Единичное и всеобщее, низшие и высшие уровни, общие и специфические законы и категории, взаимосвязь и взаимозависимость явлений в горизонтальном и вертикальном планах дают возможность раскрыть сложную структуру сущего...

Таково само бытие в его становлении и разрушении, включающее человека как сущее, осознающее мир и самого себя и потому способное изменить бытие, бесконечно выйти за его пределы. Таков человек как часть бытия, как единичное существо, сохраняющее единичность и поднимающееся до всеобщности» (Рубинштейн, 1997, с. 112–113).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ современной литературы, а также сопоставление различных подходов к эмпирическому исследованию психологической безопасности личности показывают, что это явление крайне трудно описать, не обращаясь к феномену «опасность». Подводя итоги проведенного исследования, отметим тот факт, что психологическую безопасность можно изучать только в континууме «безопасность–опасность» и в сопряженности с близкими феноменами – угроза, интенсивный стрессор, тревожность, стресс, посттравматический стресс и др.

В книге представлена теоретико-эмпирическая концепция психологической безопасности личности, в структуру которой включены три фактора – Позитивное окружение, Опытность, информированность, Внутренний комфорт. На разном эмпирическом материале (выборка солдат срочной службы, оперативный персонал энергетической отрасли, люди молодого, среднего и старшего возраста разных профессий, студенты московских вузов и др.) подтверждена трехфакторная структура психологической безопасности личности, при этом показано, что состав этих факторов, их место в иерархии в зависимости от ситуации, обстоятельств, физического и психического состояния человека могут меняться; факторы также могут расщепляться. Дана сугубо психологическая интерпретация выделенных факторов.

На основании того, что психологическая безопасность часто соотносится с такими феноменами, как угроза и опасность, травматический стресс, проведено исследование имплицитных представлений об угрозе и опасности, осуществлен их сравнительный анализ, определена семантическая близость понятий «угроза» и «опасность», выявлены различия между ними.

В соответствии с логикой исследования была сопоставлена структура представлений о психологической безопасности у людей с разным уровнем посттравматического стресса, выявлено, что существенно трансформируется первый фактор – позитивное окружение, который начинает представляться с точки зрения возможности оказания травмированному человеку социальной поддержки, при этом уровень самопомощи снижается. На значительных по объему выборках (выборке солдат срочной службы и выборке работников энергетической отрасли) подтверждена гипотеза о влиянии внешних обстоятельств (профессиональной деятельности в особых условиях, трудных жизненных ситуаций) на представление человека о психологической безопасности. В частности, обнаружено, что у наиболее уязвимой части работников энергетической отрасли (с такими устойчивыми личностными чертами, как подозрительность, ранимость, некоммуникабельность, низкий самоконтроль, фрустрированность) факт переживания угрозы жизни, связанной с профессией, может становиться причиной психической травмы – развития посттравматических состояний и/или других психопатологических симптомов.

С целью выявления внутренних ресурсов, обеспечивающих защищенность человека от различных угроз, устойчивость в совладании с трудными жизненными ситуациями, анализировались связи между уровнем посттравматического стресса, уровнем психологического благополучия, суверенностью психологического пространства личности, а также комплексом социально-демографических показателей. Выявлено, что при высоком уровне психотравматизации наблюдается низкий уровень суверенности психологического пространства личности, снижаются показатели психологического благополучия. При этом оказалось, что наличие у человека чувства автономии препятствует развитию сопутствующих посттравматическому стрессу психопатологических симптомов, поддерживает психологическое благополучие и ощущение психологической безопасности, но без дополнительных ресурсов не может направленно влиять на уровень психической травматизации.

Используемый в книге номотетический метод исследования позволил соединить общее и особенное, типичное и атипичное и тем самым проверить теоретическую модель психологической безопасности личности на истинность. Одновременно была подтверждена высокая внешняя валидность этой модели, а также при учете индивидуально-психологических особенностей в изучении психоло-

гической безопасности – внутренняя и конструктивная валидность исследования.

В ходе проверки научных гипотез определилась практическая ценность полученных результатов, которая состоит в экспликации инвариантной структуры психологической безопасности личности и в допущении ее возможной трансформации в зависимости от жизненных обстоятельств и внутреннего состояния человека. Такая вариативность проявления психологической безопасности при наличии достоверного знания о ее инвариантной структуре позволяет оказывать адресную психологическую помощь самым разным людям, учитывая особенности их идентичности и уровень психологического благополучия.

Перспектива исследования психологической безопасности связана с более глубоким и целенаправленным изучением ее связи с интенсивным стрессом, а также с психологическими последствиями влияния на человека экстремальных жизненных обстоятельств, одним из которых является посттравматический стресс. На первый взгляд кажется очевидным, что вопрос о безопасности возникает только тогда, когда человек попадает в трудную или экстремальную жизненную ситуацию, а в остальное время жизни эта проблема для него не является актуальной. Однако это не совсем так. Наши наблюдения показывают, что и в благоприятных условиях жизни безопасность как одна из базовых потребностей человека может быть не удовлетворена.

Исследуя психологическую безопасность на теоретико-эмпирическом уровне, мы не смогли обойти методологические вопросы ее изучения. Как ни одна другая проблема, психологическая безопасность должна рассматриваться через призму важнейших методологических принципов психологии – принципа детерминизма и принципа развития. В зависимости от трактовки первого из них безопасность человека может анализироваться как потребность или состояние, которое зависит от внешних обстоятельств (принцип «внутреннее через внешнее»), либо само определяться внутренними причинами, через которые преломляются внешние воздействия (принцип «внешнее через внутреннее»). Анализ связей между личностными особенностями и разными типами угроз, которые респонденты проецируют на экспериментальную ситуацию, показал, что психологическая безопасность не может быть исследована только как состояние, зависимое от внешних причин. Было выявлено, что, изучая психологическую безопасность, необходимо учитывать активность самого субъекта, его жизненную позицию, инди-

Заключение

видуальную историю развития, включающую психотравмирующие события, мировоззрение, стратегии социального взаимодействия и совладания с жизненными трудностями, оценку места человека в мире, уверенность или неуверенность в возможности его изменения, жизнестойкость и др.

Исследование практически любой психологической проблемы не может обойтись без ее методологического обоснования на основе принципа развития. В наших исследованиях показано, что существуют возрастные различия в представлении о психологической безопасности, а также различия, обусловленные жизненным, в том числе профессиональным опытом. Несмотря на существующее в некоторых психологических концепциях мнение о том, что продуктивное развитие взрослого человека зависит от того, насколько благоприятно оно осуществлялось в детстве, в наших исследованиях подтверждено, что удовлетворение потребности в безопасности актуально для человека на всем протяжении его жизненного пути.

Ощущение безопасности может быть разным. Так, один человек опасается за свою жизнь, а другой – чувствует себя в опасности, если лишен возможности самосовершенствоваться и развиваться. Безусловно, это разные грани сложного конструкта «психологическая безопасность», но все они – необходимые составляющие жизненно важного для человека *актуального* состояния свободы от различных барьеров и угроз, препятствующих его поступательному развитию и мешающих преодолению им объективных жизненных трудностей.

По мнению Анны Линдберг, «Единственное настоящее чувство безопасности заключается не в обладании, не в потребности или ожидании, даже не в надежде. Чувство безопасности – в таком отношении к жизни, когда не оглядываются на то, что было, не заглядывают в то, что может ожидать впереди, а живут в настоящем, принимая его таким, какое оно есть сейчас» (Мысли и изречения..., 2011, с. 352).

ЛИТЕРАТУРА

- Абакумова И. В.* Психологические технологии формирования антитеррористических ценностей в молодежной среде // Российский психологический журнал. 2010. Т. 7. № 6. С. 23–26.
- Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц.* Смыслообразование как фактор инициации ценностно-смысловых установок в процессе формирования антиэкстремистской идеологии // Российский психологический журнал. 2011. Т. 8. № 3. С. 11–20.
- Абрамова В. Н., Белехов В. В.* Психологические методы в работе с кадрами на АЭС. М.: Энергоатомиздат, 1988.
- Абульханова К. А.* Российский менталитет: кросс-культурный и типологические подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Отв. ред. К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 7–37.
- Адлер А.* Наука жить. К.: Port-Royal, 1997.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л., Харламенкова Н. Е.* Субъективный опыт: личностное и социокультурное // Человек. 2011. № 2. С. 104–113.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. 3 изд. СПб.: Питер, 2001.
- Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (1971–2006).* Вып. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Анцыферова Л. И.* О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8–18.

- Анцыферова Л. И.* Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Ароян Л. Х.* Чувствительность личности к угрозе и ее связь с особенностями организации идентичности и суверенностью психологического пространства: Магистерская работа. М.: ГАУГН, 2011.
- Баева И. А.* Общепсихологические категории в практике исследования психологической безопасности образовательной среды // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. № 128. С. 27–39.
- Баева И. А.* Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002а.
- Баева И. А.* Психологическая безопасность образовательной среды: Теоретические основы и технологии создания: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2002б.
- Баева И. А.* Психология безопасности как направление психологической науки и практики // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 66–68.
- Баева И. А., Гаязова Л. А.* Психологическая безопасность образовательной среды школы и ее психологическое сопровождение // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. С. 30–40.
- Банщикова Т. Н.* Опыт в контексте проблемы личностно-профессионального развития // Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. № 13. С. 87–91.
- Бельков О. А., Мирошниченко В. М.* Опасность как социальное явление и научное понятие // Проблемы безопасности. Бюллетень Научно-исследовательского центра «Наука – XXI». 2008. № 1. С. 18–64.
- Беспалов Б. И.* Представления о профессиональном опыте и его смысловых структурах в деятельностной психологии труда // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России. Ставрополь, 2009. Т. 1. С. 23–27.
- Благова О. А.* Переживание безопасности и его связь с суверенностью психологического пространства личности: Дипломная работа. М.: ГАУГН, 2011.
- Богомаз С. А.* Оценка психологической безопасности выпускников школы // Сибирский психологический журнал. 2009. № 34. С. 58–62.

- Богомаз С. А. Психологическая безопасность как условие личностного развития школьных выпускников // Психология обучения. 2010. № 1. С. 53–62.
- Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности: учеб. пособие. М.: Пер Сэ, 2001.
- Бондарь О. С. Социальные представления о личной безопасности у мужчин и женщин разного возраста: Дипломная работа. М., ГАУГН, 2011.
- Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
- Боуэн М. Взгляд на социальную регрессию с позиции теории семейных систем // Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. М.: Когито-Центр, 2008. С. 127–148.
- Бочавер А. А. Представления о доме как элементе персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 5–15.
- Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–11.
- Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья вторая) // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 6. С. 3–12.
- Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья третья) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 3–15.
- Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Брушлинский А. В. Субъект безопасности и безопасность субъекта // Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 39–43.
- Быховец Ю. В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов Российской Федерации: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Понятие угрозы: объективная и субъективная опасность // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Сер. «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2013. № 4. Т. 19. С. 139–144.
- Вайсс Дж. Как работает психотерапия: Процесс и техника / Пер. с англ. А. Б. Образцова. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
- Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

Литература

- Воловикова М. И., Журавлев А. Л., Сумарокова В. А. Испытание страхом (Чернобыль в судьбе человека) // Сознание личности в кризисном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995. С. 95–108.
- Ворона О. А., Короченко Т. Ю. Личность как регулятор системы профессионально важных психологических свойств оперативного персонала энергетической отрасли // Современная личность: психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 304–325.
- Ворона О. А., Короченко Т. Ю. Роль личностных особенностей в профессиональной деятельности оперативного персонала энергетической отрасли // Гуманитарный вектор. 2012б. № 1 (29). С. 225–235.
- Ганзен В. А., Юрченко В. Н. Системный подход к анализу, описанию и экспериментальному исследованию психических состояний человека // Психология состояний. Хрестоматия / Под ред. проф. А. О. Прохорова. М.: Пер Сэ; СПб.: Речь, 2004. С. 189–201.
- Гацко М. О соотношении понятий «угроза» и «опасность» // Обозреватель. 1997. № 7. С. 45–52.
- Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: РАГС, 1998.
- Грачев Г. В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. М.: Пер Сэ, 2003.
- Громов Д. В. Изменение психологических характеристик личности в процессе прохождения процедур инициационного типа: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
- Гулевич О. А., Бебеничева Н. В. Вера в опасный мир как фактор отношения к аутгруппе // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 133–141.
- Деркач А. А. Акмеология: Учебник. М.: Изд-во РАГС, 2004.
- Дмитриева Н. С. Домашняя среда как ресурс психологического благополучия и аутентичности подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2015.
- Дмитриева М. А., Крылов А. А., Нафтутьев А. И. Психология труда и инженерная психология: учеб. пособие / Под ред. А. А. Крылова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
- Дмитриевский В. А. Психологическая безопасность в учебных заведениях. М.: Изд-во Педагогическое общество России, 2002.
- Дольто Ф. Бессознательный образ тела. Ижевск: ИД «ERGO», 2006.

- Дуганова Ю. К. Личностные особенности молодых людей с разным представлением о психологической безопасности: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2014.
- Душков Б. А., Королев А. В., Смирнов Б. А. Основы инженерной психологии: Учебник для студентов вузов. М.: Академический проект, 2002.
- Дымова Е. Н., Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е. Психологическая безопасность и травматический опыт как модуляторы поиска социальной поддержки в трудной жизненной ситуации // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 15–27.
- Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Емельянова Т. П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–47.
- Ермаков П. Н., Абакумова И. В. Молодежь против террора (о работе антитеррористического молодежного фестиваля) // Российский психологический журнал. 2012. Т. 9. № 4. С. 11–16.
- Ермолаева А. В. Психологические особенности личности военнослужащего – участника боевых действий // Психологическая наука и образование. Электронный журнал. 2013. № 1.
- Ефимова Н. С. Основы психологической безопасности: учебное пособие. М.: ИД «Форум»–Инфра, 2010.
- Журавлев А. Л. Психологические факторы физического и психического здоровья человека (по материалам исследований ИП РАН) // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 107–117.
- Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–21.
- Зеельман К. Индивидуальная психология Адлера // Энциклопедия глубинной психологии. Т. IV. М.: Когито-Центр–МГМ, 2004. С. 42–113.
- Зеер Э. Ф. Психология профессий: Учебное пособие для студентов. 5-е изд., перераб., доп. М.: Академический проект–Фонд «Мир», 2008.
- Зинченко Ю. П. Безопасность в современном мире: социально-психологические аспекты // Материалы II Международного сим-

Литература

- позиума (14 апреля 2011 г.). Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та, 2011б. С. 19–25.
- Зинченко Ю. П.* Психология безопасности как социально-системное явление // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011а. № 4. С. 4–11.
- Знаков В. В.* Многомерный мир субъекта // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 3. С. 18–29.
- Знаков В. В.* Образ врага как психологическое основание понимания мусульманских террористов россиянами // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 23–34.
- Знаков В. В.* Понимание субъектом социокультурной реальности мира человека // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 1. С. 6–25.
- Знаков В. В.* Психология понимания: проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Знаков В. В.* Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 29–38.
- Зотова О. Ю.* Концептуальные представления о социально-психологической безопасности личности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 11. С. 129–136.
- Зотова О. Ю.* Социально-психологическая безопасность личности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2011.
- Ильин Е. П.* Психология риска. СПб.: Питер, 2012.
- Исмагилова Ф. С.* Профессиональный опыт специалиста в организации на рынке труда. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1999.
- Кабаченко Т. С.* Методы психологического воздействия. М.: Педагогическое общество России, 2000а.
- Кабаченко Т. С.* Нарушения психологической безопасности в контексте активности профессионала: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2000б.
- Карояни А. Г.* Прикладная военная психология. СПб.: Питер, 2006.
- Квасова О. Г.* Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
- Келли Дж.* Теория личности. Психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.
- Кинодо Ж.-М.* Приручение одиночества. М.: Когито-Центр, 2008.
- Климов Е. А.* Пути в профессионализм (Психологический взгляд): Учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт–Флинта, 2003.

- Ковдра А. С. Временная перспектива как predisпозиция психологической безопасности личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2012.
- Колесникова Т. И. Личность и ее безопасность // Психологический мир личности и его безопасность. М.: Владос-Пресс, 2001. С. 10–123.
- Корнилова Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 26.06.2016).
- Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект-Пресс, 2003.
- Коротец В. И. Опасность и безопасность в современном мире: философско-культурологический анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
- Косачев В. Е., Терехов А. В., Устюшин Б. В. Методическое руководство по организации и проведению психофизиологических обследований персонала энергетических предприятий. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=385333;dst=100001> (дата обращения: 20.03.2017).
- Котик М. А. Психология и безопасность. Таллин: Валгус, 1987.
- Котова И. Б., Пирмагомедова Э. А. Эмпирическое изучение представлений подростков о безопасности жизнедеятельности // Российский психологический журнал. 2011. Т. 8. № 1. С. 20–27.
- Краснянская Т. М. Безопасность человека: психологический аспект: учебное пособие / Под ред. А. В. Непомнящего. Ставрополь: ЗАО «Пресса», 2005.
- Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
- Крылова И. А. Проблема безопасности России в контексте глобалистики. М.: Институт философии РАН, 2001.
- Кузнецов В. Н. Социология безопасности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Кузнецов В. Н. Теория компромисса. М.: Книга и бизнес, 2010.
- Лабунская В. А. Надежда как условие психологической безопасности личности и общества // Социальная психология и общество. 2011. № 4. С. 15–26.
- Лаврова Е. В. Представления об опасности и их изменения под воздействием новостных передач // Вестн. Ун-та (Гос. ун-т управления). 2009. № 20. С. 72–74.

Литература

- Лапланиш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996.
- Левин К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001.
- Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000.
- Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980.
- Леонтьев Д. А. Тематический апперцептивный тест. М.: Смысл, 1998.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Личность профессионала в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Лифинцев Д. В., Лифинцева А. А. Концепции социальной поддержки: позитивные и негативные эффекты социальных связей в контексте субъективного благополучия // Вестник БФУ им. И. Канта. 2011. № 11. С. 74–80.
- Лифинцева А. А., Холмогорова А. Б. Семейные факторы психосоматических расстройств у детей и подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 1. С. 70–83.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. М. Забродин. М.: Наука, 1989.
- Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. Риск, неопределенность, случайность. 1994. № 5. С. 1–22.
- Львов В. М., Багрецов С. А., Шлыкова Н. Л. Проблемы обеспечения психологической безопасности личности в производственной сфере. Концептуальные и методологические основы. Тверь: Губернская медицина, 2002.
- Львов В. М., Шлыкова Н. Л. Эргономика, психологическая безопасность и качество жизни // Психолог в современном обществе: от образования к профессиональной деятельности (коллективная монография) / Под ред. К. М. Гайдар. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. С. 52–63.
- Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 2001.
- Матвеева Л. В., Лаврова Е. В. Исследование трансформаций представления об опасности под влиянием СМИ // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2011. № 4. С. 66–75.
- Мельницкая Т. Б. Информационно-психологическая безопасность населения в условиях риска радиационного воздействия: кон-

Литература

- цепция, модель, технологии: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2009.
- Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Митина Л. М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 28–38.
- Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «Модэк», 2002.
- Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.
- Мысли и изречения великих. О Вселенной и Времени / Сост. А. П. Кондрашов. М.: РИПОЛ классик, 2011.
- Мэй Р. Открытие бытия. М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2004.
- Нартова-Бочавер С. К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105–119.
- Нартова-Бочавер С. К. Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый метод диагностики личности // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 77–89.
- Нартова-Бочавер С. К. Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 18–29.
- Нартова-Бочавер С. К. Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.
- Нартова-Бочавер С. К. Психологическая суверенность как предиктор эмоциональной устойчивости в ранней и средней взрослости // Клиническая и специальная психология. 2015. № 1. С. 15–28. URL: http://psyjournals.ru/psyclin/2015/n1/nartova_bochaver.shtml (дата обращения: 18.06.2015).
- Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008.
- Нартова-Бочавер С. К., Бочавер К. А., Бочавер С. Ю. Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М.: Генезис, 2011.
- Нартова-Бочавер С. К., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И., Кузнецова В. Б., Брагинец Е. И. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 71–83.

- Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2004.
- Научные и методологические проблемы информационной безопасности / Под ред. В. П. Шерстюка. М.: МЦНМО, 2004.
- Национальная и глобальная безопасность. Терроризм в мегаполисе: оценка угроз и защищенности / Под ред. В. З. Дворкина. М.: Права человека, 2002.
- Непомнящий А. В. Принципы психологического обеспечения информационной безопасности личности // Известия ТРТУ. Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационная безопасность». Таганрог, 2003. №4 (33). С. 342–346.
- Никитин Е. П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
- Никифоров Г. С. Надежность профессиональной деятельности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1996.
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Носкова О. Г. Психология труда: Учеб. пособие для студ. выс. учеб. заведений / Под ред. Е. А. Климова. М.: ИЦ «Академия», 2004.
- Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении / Под ред. И. А. Баяевой. СПб.: Речь, 2006.
- Обознов А. А., Бессонова Ю. В. Культура безопасности на потенциально опасных предприятиях // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 655–661.
- Обознов А. А., Бессонова Ю. В., Петрович Д. Л., Енина Е. С., Сериков В. В. Культура безопасности на железнодорожном транспорте // Человеческий фактор: Проблемы психологии и эргономики. 2014. №4 (71). С. 45–52.
- Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. Э. Торндайк. Принципы обучения, основанные на психологии. Джон Б. Уотсон. Психология как наука о поведении. М.: АСТ, 1998.
- Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / Под ред. М. М. Кабанова, Н. Г. Незнанова. СПб.: Институт им. В. М. Бехтерева, 2003.

Литература

- Падун М. А., Котельникова А. В. Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М.: Аспект-Пресс, 2000.
- Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
- Платонов К. К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986.
- Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.
- Попов Ю. В., Вид В. Д. Современная клиническая психиатрия. СПб.: Речь, 2000.
- Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
- Принцип развития в современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2007.
- Психологические исследования личности: История, современное состояние, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Психология: Учебник для гуманитарных вузов / Под общ. ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2001.
- Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Сэ, 2003.
- Психология дискурса: проблема детерминации, воздействия, безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология сегодня: Теория, образование и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Прохоров А. О. Модели функциональных структур психических состояний // Психология состояний. Хрестоматия / Под ред. А. О. Прохорова. М.: Пер Сэ; СПб.: Речь, 2004.

- Рассоха Н. Г.* Представления о психологической безопасности образовательной среды школы и типы межличностных отношений ее участников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2005.
- Ревская Н. Е.* Психология менеджмента. Конспект лекций. СПб.: Альфа, 2001.
- Решетина С. Ю., Смолян Г. Л.* Информационно-психологическая безопасность личности (Контур проблемы) // Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 18–26.
- Роджерс К.* Искусство консультирования и терапии. М.: Апрель-Пресс–Эксмо, 2002.
- Роджерс К.* Клиентоцентрированная терапия. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997.
- Роцин С. К.* Некоторые вопросы информационно-психологической безопасности российского общества // Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 26–32.
- Роцин С. К., Соснин В. А.* Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6. С. 47–54.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. 2 изд. / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Педагогика, 1976.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю.* Субъектно-бытийный подход: Преемственность традиций // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 4. С. 26–37.
- Сапоровская М. В.* Детско-родительские отношения и совладающее поведение родителей как факторы школьной адаптации первоклассников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2002.
- Сапоровская М. В.* Межпоколенные отношения как социальный капитал: о социально-психологической поддержке в семье // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. № 3. Т. 18. С. 55–59.
- Свердюк В. А.* Взаимосвязь психологического воздействия руководителей с психологической безопасностью и уровнем доверия

- подчиненных: на примере государственных и муниципальных учреждений: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2007.
- Сергиенко Е. А. Модель психического и социальное познание // Психологические исследования. 2015. №8 (42). 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.02.2017).
- Сергиенко Е. А. Модель психического как парадигма познания социального мира // Психологические исследования. 2014. №7 (36). URL: <http://psystudy.ru> <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.02.2017).
- Сергиенко Е. А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина. М., 2000. С. 184–203.
- Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспективы // Психологический журнал. 2011. Т.32. №1. С. 120–132.
- Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Современная психология: многообразие научного поиска / Под ред. Р. А. Ахмерова, С. П. Дырина, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 года / Отв. ред. А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. Т. 1.
- Современная психология: Справочное руководство / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М.: Инфра-М, 1999.
- Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Стайн М. Принцип индивидуации: О развитии человеческого сознания. М.: Когито-Центр, 2009.
- Стайнер Дж. Психические убежища. Патологические организации у психотических, невротических и пограничных пациентов. М.: Когито-Центр, 2010.
- Стрелков Ю. К. Инженерная и профессиональная психология: Учеб. пособие для студ. выс. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия»–Высшая школа, 2001.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

- Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Сухов А. Н. Социальная психология безопасности: учебное пособие. М.: ИЦ «Академия», 2002.
- Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
- Тарабрина Н. В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. Бланки методик. М.: Когито-Центр, 2007.
- Тарабрина Н. В. Психологические последствия воздействия стрессоров высокой интенсивности: посттравматический стресс // Психологический журнал. 2012. Т. 33. №6. С. 20–33.
- Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тарабрина Н. В. Теоретико-эмпирическое обоснование выделения термина «посттравматический стресс» в самостоятельную категорию // Стресс, выгорание, совладание в современном мире / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2011. С. 44–65.
- Тарабрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Макаручук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчян З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Террористическая угроза. Теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Террористическая угроза: современное состояние и проблемы // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 367–398.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Эмпирическое исследование представлений о террористических актах // Тезисы юбилейной научной конференции 31 января–1 февраля 2007 г. «Тенденции развития современной психологической науки». М., 2007. С. 376–378.
- Тарабрина Н. В., Ворона О. А., Курчакова М. С., Падун М. А., Шаталова Н. Е. Онкопсихология: посттравматический стресс у боль-

- ных раком молочной железы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Тарабрина Н. В., Журавлев А. Л., Генс Г. П., Коробкова Л. И., Ворона О. А., Падун М. А. Роль психосоциальных стрессоров в динамике угрожающих жизни болезней (на примере рака молочной железы) // *Фундаментальные науки – медицине: Тезисы докладов*. М., 2005. С. 42–44.
- Тарабрина Н. В., Журавлев А. Л., Курчакова М. С., Падун М. А., Шаталова Н. Е. Психофизиологические механизмы эмоционального реагирования на психическую травму, вызванную диагностированием угрожающих жизни болезней (на примере рака молочной железы) // *Фундаментальные науки – медицине: Тезисы докладов на конференциях и семинарах по научным направлениям Программы в 2010 году*. М., 2010. С. 59–60.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. Руководство для врачей. М.: Медицина, 2001.
- Трухина В. Ю., Ворона О. А. Психологические характеристики оперативного персонала энергетической отрасли и признаки психологических последствий преодоления переживаемого стресса // *Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии* / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 445–454.
- Урсул А. Д. Проблемы безопасности и устойчивого развития: эволюционный подход и междисциплинарные перспективы // *Вопросы безопасности*. 2014. № 5. С. 1–62.
- Ушаков Д. В. Языки психологии творчества: Я. А. Пономарев и его школа // *Психология творчества. Школа Я. А. Пономарева* / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 19–143.
- Феномен и категория зрелости в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Фоменко Г. Ю. Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2006.
- Фонарев А. Р. Психологические особенности личностного становления профессионала. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: МПО «Модэк», 2005.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009.

Литература

- Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1989.
- Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
- Фрейд З. Сочинения по технике лечения. М.: ООО «Фирма „СТД“», 2008.
- Харламенкова Н. Е. Личностная безопасность и стратегии ее достижения // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 133–159.
- Харламенкова Н. Е. Половые и гендерные различия в представлениях о психологической безопасности // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 51–60
- Харламенкова Н. Е. Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 141–160.
- Харламенкова Н. Е. Психологическая безопасность и суверенность личности при выраженном посттравматическом стрессе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015а. № 4 (34). С. 90–97.
- Харламенкова Н. Е. Суверенность психологического пространства личности при разных типах переживаемых угроз // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика» 2015б. Т. 21. № 1. С. 38–41.
- Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л. Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Харламенкова Н. Е., Кумыкова Е. В., Рубченко А. К. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Холл К. С., Линдсей Г. Теории личности. М.: КСП+, 1997.
- Холмогорова А. Б., Московская М. С., Шерягина Е. В. Алекситимия и способность к оказанию разных видов социальной поддержки // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. № 4. С. 115–129.
- Холмогорова А. Б., Петрова Г. А. Методы диагностики социальной поддержки при расстройствах аффективного спектра // Медицинская технология. МНИИ психиатрии Росздрава. М., 2007.
- Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. М.: Академический проект, 2007.

- Хржановски Г. Психоаналитические теории Карен Хорни, Гарри Стека Салливена и Эриха Фромма // Энциклопедия глубинной психологии. Т. III. Последователи Фрейда. М.: Когито-Центр–МГМ, 2002. С. 358–394.
- Шадриков В. Д. Деятельность и способности. М.: Изд. корпорация «Логос», 1994.
- Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательская корпорация «Логос», 1996.
- Шелепова Е. С. О проблеме профессионально важных качеств субъекта трудовой деятельности. Тверь: Изд-во ТГУ, 2007.
- Шипигузова А. И. Суверенность андрогинной личности и ее связь с личной безопасностью: Дипломная работа. М., МОСА, 2011.
- Шлыкова Н. Л. Психологическая безопасность личности государственного гражданского служащего // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2012. №2. С. 16–21.
- Шлыкова Н. Л. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2004.
- Щербатых Ю. В. Психология страха: Популярная энциклопедия. М., 2002.
- Эксакусто Т. В. Критерии психологической безопасности в условиях поликультурных отношений // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Эксакусто Т. В. Психологическая безопасность: принципы, дефиниции, модель // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2009. №3. Июль–сентябрь. С. 331–335.
- Эксакусто Т. В., Лызь Н. А. Психологическая безопасность в проблемном поле психологии // Сибирский психологический журнал. 2010. №37. С. 86–91.
- Энтони С. Открытие смерти в детстве и позднее. М.: РИМИС, 2009.
- Эриксон Э. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Ланто–АСТ–Фонд «Университетская книга», 1996.
- Эффективная терапия посттравматического стрессового расстройства / Под ред. Э. Фoa, Т. М. Кина, М. Фридмана. М.: Когито-Центр, 2005.
- Юнг К. Собр. соч. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994.
- Юревич А. В. Нравственная деградация как угроза национальной безопасности России // Проблемы психологической безопаснос-

- ти / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 25–46.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л., Юревич М. А. Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности // *NB: Национальная безопасность*. 2013. № 2. С. 182–202.
- Ялом И. Д. Экзистенциальная психотерапия. М.: Римис, 2008.
- Ярославская Л. И., Ярославская М. А. Исследования роли социальной поддержки в адаптации к болезни у пациентов, страдающих хроническими неспецифическими заболеваниями легких // *Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн.* 2014. № 1 (3). URL: www.medpsy.ru/climp (дата обращения: 10.02.2014).
- Яффе А. Юнг в письмах // *Энциклопедия глубинной психологии*. М.: Когито-Центр–МГМ, 2004. Т. IV. С. 171–183.
- Agustin E. E. Effects of mortality salience aroused by threats against human identity on intergroup bias // *European Journal of Social Psychology*. 2009. V. 39. P. 852–861.
- Anderson M. L., Najavits L. M. Does seeking safety reduce PTSD symptoms in women receiving physical disability compensation? // *Rehabilitation Psychology*. 2014. V. 59 (3). Aug. P. 349–353.
- Arndt J., Greenberg J., Schimel J., Pyszczynski T. To belong or not to belong, That is the question: Terror management and identification with gender and ethnicity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. V. 83. № 1. P. 26–43.
- Berg J. K., Cornell D. Authoritative school climate, aggression toward teachers and teacher distress in middle school // *School Psychology Quarterly*. 2016. V. 31 (1). Mar. P. 122–139.
- Beus J. M., Dhanani L., McCord M. A. A meta-analysis of personality and workplace safety: Addressing unanswered questions // *Journal of Applied Psychology*. 2015. V. 100 (2). Mar. P. 481–498.
- Börjesson M., Österberg J., Enander A. Risk and safety attitudes among conscripts during compulsory military training // *Military Psychology*. V. 23 (6). Nov. 2011. P. 659–684.
- Boyraz G., Horne S. G., Armstrong A. P., Owens A. C. Posttraumatic stress predicting depression and social support among college students: Moderating effects of race and gender // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy*. 2015. V. 7. № 3. P. 259–268.
- Bramsen I., Ploeg H. M. van der, Twisk J. Secondary traumatization in Dutch couples of World War II survivors // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2002. V. 70. № 1. P. 241–245.

- Brinn A. J., Auerbach C. F.* The warrior's journey: sociocontextual meaning-making in military transitions // *Traumatology*. 2015. V. 21. № 2. P. 82–89.
- Cai W., Ding C., Tang Y.-L., Wu S., Yang D.* Effects of social supports on posttraumatic stress disorder symptoms: Moderating role of perceived safety // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy*. 2014. V. 6. № 6. P. 724–730.
- Carter M. M., Hollon S. D., Carson R., Shelton R. C.* Effects of a safe person on induced distress following a biological challenge in panic disorder with agoraphobia // *Journal of Abnormal Psychology*. V. 104 (1). Feb. 1995. P. 156–163.
- Cassel J.* The contribution of the social environment to host resistance // *American Journal Epidemiology*. 1976. V. 104. P. 107–123.
- Castano E., Dechesne M.* On defeating death: group reification and social identification as immortality strategies // *European Review of Social Psychology*. 2005. V. 16. P. 221–255.
- Christian M. S., Bradley J. C., Wallace J. C., Burke M. J.* Workplace safety: A meta-analysis of the roles of person and situation factors // *Journal of Applied Psychology*. V. 94 (5). Sep. 2009. P. 1103–1127.
- Cobb S.* Social support as a moderator of life stress // *Psychosomatic Medicine*. 1976. V. 38. P. 300–314.
- Collins N. L., Dunkel-Schetter C., Lobel M., Scrimshaw S. C.* Social Support in pregnancy: Psychosocial correlates of birth outcomes and postpartum depression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. V. 65 (6). P. 1243–1258.
- Cornell D.* Our schools are safe: Challenging the misperception that schools are dangerous places // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2015. V. 85 (3). May. P. 217–220.
- Denenny D., Thompson E., Pitts S. C., Dixon L. B., Schiffman J.* Subthreshold psychotic symptom distress, self-stigma and peer social support among college students with mental health concerns // *Psychiatric Rehabilitation Journal*. 2015. V. 38. № 2. P. 164–170.
- Dickstein S.* Confidence in protection: A developmental psychopathology perspective // *Journal of Family Psychology*. 1999. V. 13 (4). Dec. P. 484–487.
- Dolan C. A., Ender M. G.* The coping paradox: Work, stress, and coping in the U. S. Army // *Military Psychology*. 2008. V. 20 (3). Jul. P. 151–169.
- Egan M. P.* Contracting for safety: A concept analysis // *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*. 1997. V. 18 (1). P. 17–23.

- Ferrajão P. C., Oliveira R. A.* Self-awareness of mental states, self-integration of personal schemas, perceived social support, posttraumatic and depression levels and moral injury: A mixed-method study among Portuguese war veterans // *Traumatology*. 2014. V. 20. № 4. P. 277–285.
- Goldberg S., Grusec J. E., Jenkins J. M.* Confidence in protection: Arguments for a narrow definition of attachment // *Journal of Family Psychology*. V. 13 (4). Dec. 1999. P. 475–483.
- Helm F. L.* Hope is curative // *Psychoanalytic Psychology*. 2004. V. 21 (4). Feb. P. 554–566.
- Hien D. A., Morgan-Lopez A. A., Campbell A. N. C., Saavedra L. M., Wu E., Cohen L., Ruglass L., Nunes E. V.* Attendance and substance use outcomes for the Seeking Safety program: Sometimes less is more // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2012. V. 80 (1). Feb. P. 29–42.
- Holahan C. J., Moos R., Holahan C. K., Brennan P. L.* Social support, coping and depressive symptoms in a late middle-aged sample of patients reporting cardiac illness // *Health Psychol.* 1995. V. 14 (2). P. 152–163.
- House J. S., Landis K. R., Umberson D.* Social relationships and health // *Science*. 1988. V. 241. P. 540–545.
- Hoyt T., Pasupathi M., Smith B. W., Yeater E. A., Kay V. S., Tooley E.* Disclosure of emotional events in groups at risk for posttraumatic stress disorder // *International Journal of Stress Management*. 2010. V. 17 (1). Feb. P. 78–95.
- Isabella R. A.* Confidence in protection: Comment on Goldberg et al. // *Journal of Family Psychology*. V. 13 (4). Dec. 1999. P. 501–503.
- Janoff-Bulman R.* Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct // *Social Cognition*. Special Issue: Social Cognition and Stress. 1989a. V. 7. P. 113–136.
- Janoff-Bulman R.* The benefits of illusions, the threat of disillusionment and the limits of inaccuracy // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1989b. V. 8. P. 158–176.
- Johnson D. M., Zlotnick C.* HOPE for battered women with PTSD in domestic violence shelters // *Professional Psychology: Research and Practice*. 2009. V. 40 (3). Jun. P. 234–241.
- Keane T. M., Caddell J. M., Taylor K. L.* Mississippi scale for combat-related Posttraumatic Stress Disorder: three studies in reliability and validity // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1988. Feb. V. 56 (1). P. 85–90.
- Laireiter A. R., Baumann U., Perkonig A., Himmelbauer S. et al.* Social support resources in interpersonal relationships (social networks) during

- stressful life conditions: Results from two pilot studies // European review of applied psychology / Revue Europeenne de psychologie appliquee. 1997. V. 47 (2). P. 123–129.
- Larsson G. Personality, appraisal and cognitive coping processes and performance during various conditions of stress // Military Psychology. V. 1 (3). 1989. P. 167–182.
- Leiter M. P., Zanaletti W., Argentero P. Occupational risk perception, safety training, and injury prevention: Testing a model in the Italian printing industry // Journal of Occupational Health Psychology. 2009. V. 14 (1). Jan. P. 1–10.
- Lönnqvist J.-E., Verkasalo M., Haukka J. et al. Premorbid personality factors in schizophrenia and bipolar disorder: Results from a large cohort study of male conscripts // Journal of Abnormal Psychology. 2009. V. 118 (2). May. P. 418–423.
- Lunsky Y., Benson B. A. Perceived social support and mental retardation: A Social-cognitive approach // Cognitive Therapy and Research. 2001. V. 25. № 1. P. 77–90.
- MacGregor F. Risk perception and symptoms reporting // Risk Analysis. 1996. V. 16. P. 773–783.
- MacDonald K. Love and confidence in protection as two independent systems underlying intimate relationships // Journal of Family Psychology. 1999. V. 13 (4). Dec. P. 492–495.
- McEachern A. D., Fosco G. M., Dishion T. J., Shaw D. S., Wilson M. N., Gardner F. Collateral benefits of the family check-up in early childhood: Primary caregivers' social support and relationship satisfaction // Journal of Family Psychology. 2013. V. 27. № 2. P. 271–281.
- McLain D. L. Sensitivity to social information, social referencing and safety attitudes in a hazardous occupation // Journal of Occupational Health Psychology. 2014. V. 19 (4). Oct. P. 425–436.
- Morrongiello B. A., Corbett M., Bellissimo A. “Do as I say, not as I do”: Family influences on children's safety and risk behaviors // Health Psychology. 2008. V. 27 (4). Jul. P. 498–503.
- Nuttman-Shwartz O., Dekel R., Regev I. Continuous exposure to life threats among different age groups in different types of communities // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy. 2015. V. 7. № 3. P. 269–327.
- Occhipinti S., Siegal M. Reasoning and food and contamination // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. V. 66 (2). Feb. P. 243–253.
- Ostvik K., Rudmin F. Bullying and hazing among Norwegian army soldiers: Two studies of prevalence, context and cognition // Military Psychology. 2001. V. 13 (1). P. 17–39.

- Overstreet S., Braun S.* Exposure to community violence and post-traumatic stress symptoms: Mediating factors // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2000. V. 70 (2). Apr. P. 263–271.
- Patitz B. J., Anderson M. L., Najavits L. M.* An outcome study of Seeking Safety with rural community-based women // *Journal of Rural Mental Health*. 2015. V. 39 (1). Jan. P. 54–58.
- Powell T. J., Yeaton W., Hill E. M., Silk K. R.* Predictors of psychosocial outcomes for patients with mood disorders: The effects of self-help group participation // *Psychiatric Rehabilitation Journal*. 2001. V. 25. № 1. P. 3–11.
- Probst T. M., Jiang L., Graso M.* Leader-member exchange: Moderating the health and safety outcomes of job insecurity // *Journal of Safety Research*. 2016. V. 56. P. 47–56.
- Propper R. E., Stickgold R., Keeley R., Christman S. D.* Is Television Traumatic? Dreams, Stress and Media Exposure in the Aftermath of September 11, 2001 // *Psychological Science*. 2001. V. 18. № 4. P. 334–340.
- Purdie-Vaughns V., Steele C. M., Davies P. G., Dittmann R., Crosby J. R.* Social identity contingencies: How diversity cues signal threat or safety for African Americans in mainstream institutions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. V. 94 (4). Apr. P. 615–630.
- Rappoport A.* The patient's search for safety: The organizing principle in psychotherapy // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*. 1997. V. 34 (3). Feb. P. 250–261.
- Reber A. S.* Implicit learning of artificial grammars // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1967. V. 6. P. 855–863.
- Ron P.* Posttraumatic stress disorder among three-generation families in times of war: A comparison between Israeli Jewish and Arabs after the Second Lebanon War (2006) and Cast Lead Operation (2009) // *Traumatology*. 2014. V. 20. № 4. P. 269–276.
- Schwarz M., Kallus K. W., Gaisbachgrabner K.* Safety culture, resilient behavior and stress in air traffic management // *Aviation Psychology and Applied Human Factors*. 2016. V. 6 (1). P. 12–23.
- Schwebel D. C., Brezausek C. M.* Father transitions in the household and young children's injury risk // *Psychology of Men & Masculinity*. 2007. V. 8 (3). Jul. P. 173–184.
- Slovic P.* Images of disaster: Perception and acceptance of risk from nuclear power // *Energy risk Assessment / G. Goodman, W. Row (Eds)*. L.: Academic Press, 1979. P. 223–245.
- Stefanis N., Smyrnis N., Avramopoulos D.* et al. Factorial composition of self-rated schizotypal traits among young males undergoing military training // *Schizophrenia Bulletin*. 2004. V. 30 (2). P. 335–350.

- Szapocznik J., Prado G.* Negative effects on family functioning from psychosocial treatments: A recommendation for expanded safety monitoring // *Journal of Family Psychology*. 2007. V. 21 (3). Sep. P. 468–478.
- Toker S., Shirom A., Melamed S., Armon G.* Work characteristics as predictors of diabetes incidence among apparently healthy employees // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2012. V. 17. № 3. P. 259–267.
- Wallace J. C., Popp E., Mondore S.* Safety climate as a mediator between foundation climates and occupational accidents: A group-level investigation // *Journal of Applied Psychology*. 2006. V. 91 (3). May. P. 681–688.
- Walumbwa F. O., Schaubroeck J.* Leader personality traits and employee voice behavior: Mediating roles of ethical leadership and work group psychological safety // *Journal of Applied Psychology*. 2009. V. 94 (5). Sep. P. 1275–1286.
- Weinstein N. D.* Why it won't happen to me: Perceptions of risk factors and susceptibility // *Health Psychology*. 1984. V. 3 (5). P. 431–457.
- Weitlauf J. C., Smith R. E., Cervone D.* Generalization effects of coping skills training: Influence of self-defense training on women's efficacy beliefs, assertiveness and aggression // *Journal of Applied Psychology*. 2000. V. 85 (4). Aug. P. 625–633.
- Wetherell J. L.* Treatment of anxiety in older adults // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*. 1998. V. 35. № 4. P. 444–458.
- Wilson J. P., Petruska R.* Motivation, model attributes and prosocial behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. V. 46 (2). Feb. P. 458–468.

Научное издание

Серия «Труды Института психологии РАН»

Харламенкова Н. Е., Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Ворона О. А.,
Казымова Н. Н., Дымова Е. Н., Шаталова Н. Е.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ ИМПЛИЦИТНАЯ И ЭКСПЛИЦИТНАЯ КОНЦЕПЦИИ

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, обложка и верстка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: +7 (495) 682-61-02
www.ipras.ru; e-mail: vbelop@ipras.ru

Сдано в набор 29.05.17. Подписано в печать 23.06.17. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура ГТС СНАРТЕР
Уч.-изд. л. 13,8; усл.-печ. л. 16,5. Тираж 300 экз. Заказ
Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Чеховский Печатный Двор», в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Факс: +7 (496) 726-54-10
www.chpd.ru; e-mail: info@chpd.ru

Для заметок